

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Алексеевна Чарская

Особенная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=635565

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

"Лица стояла в дамской комнатке перед трюмо. В белом платье необычайного фасона, похожем на невесомое одеяние ангела, с веткой белой магнолии, вплетенной в волосы, по-новому красивая, Лица казалась теперь каким-то неземным видением..."

Содержание

I	5
II	10
III	14
IV	22
V	37
VI	46
VII	56
VIII	76
IX	90
X	100
XI	112
XII	119
XIII	128
XIV	137
XV	142
XVI	145
XVII	159
XVIII	166
XIX	170
XX	173
XXI	179
XXII	190
XXIII	196

Лидия Алексеевна Чарская

Особенная

I

На дебаркадер вокзала царила обычная сутолока, предшествующая приходу каждого поезда. Ежеминутно к краю дебаркадера подходили мужские и женские фигуры, со смутной надеждой увидеть вдали огненные глаза локомотива; слышалась полная волнения, то срывающаяся на полупhrазе, то снова возобновляющаяся речь...

Все были беспокойны... Все сердца наполнены одним и тем-же желанием: скорее бы встретить, дожидаться, увидеть...

Студеный августовский денек хмурился и грозил встретить тучами и дождем вернувшихся на родину путешественников. Серое небо, как бы вяло и нехотя, смотрело на землю. Утренний ветерок пронизывал тело неприятным колючим холодом. Все до крайности было скучно, серо и пусто в природе в это неприглядно начавшееся осеннее утро.

Невысокая, элегантно одетая дама, под темной вуалеткой, стояла неподалеку от вокзального колокола и, не отрываясь, смотрела в туманную, серую даль, откуда должен был вынырнуть заграничный поезд. Вот она нетерпеливо сдержала вуалетку,

летку, мешавшую ей смотреть. Из-под загнутой сбоку фетровой шляпы выглянуло красивое, еще молодое, беспокойное лицо. Живые, полные блеска, серые глаза светло смотрели на мир Божий. Яркие губы были чуть полуоткрыты и по временам вздрагивали от волнения.

Трудно сказать, сколько ей было лет; ее лицо было изменчиво; оно то улыбалось молодо, весело и беззаботно, то хмурилось и как-то разом, в одну минуту, старело. Красивая дама волновалась, это было видно по всему.

– Боже мой! Скоро ли? – чуть слышно сорвалось с ее губ и глаза ее с новой настойчивостью впились взглядом в серую пелену утреннего тумана.

– Поезд! Поезд идет! – послышался за ее плечами чей-то нервно вибрирующий голос.

Дама вздрогнула и подалась вперед. Действительно, вдали показались два ярко горящие кружка, рельефно выделившиеся среди серого туманного фона. Но как они еще далеко!.. Чуть приметно, бледно мерцают они вдали. Озноб нервного напряжения охватил даму. Ее сердце забилося усиленным темпом. Под нарядной кружевной пелериной манто вздымалась ее грудь тяжелым бурным дыханием.

– Господи! Когда же? – беззвучно произнесли ее дрожащие губы и вся она замерла в мучительном созерцании приближающихся огненных точек. Вот он ближе... ближе... яснее... Вот уже можно различать медленно ползущее чугунное тело локомотива... Слава Богу, теперь скоро уже...

Толпа встречающих бесшумно сосредоточилась у края платформы. Ни слов, ни возгласов больше не было слышно... Вот высокий полный субъект купеческой складки с полуаршинной бородою, снял цилиндр и, вынув клетчатый фуляровый платок, вытирает им пот с лица, не отрывая в то же время жадного взора от приближающегося к дебаркадеру огромного чудовища. Какая-то маленькая старушка, с моськой под мышкой, суетливо топчется тут же, поминутно вздыхая. Подле нее девочка с глазами, полными мучительного ожидания, смотрит на огненные точки и чуть внятно шепчет что-то побелевшими губами. Вот еще и еще разные лица... Мария Александровна Карская (так звали элегантную даму с красивым лицом) смотрит на купца и на девочку, и на старуху с моськой машинальным взглядом человека, думающего о чем-то другом, и снова глаза ее приковываются к заветным фонарям локомотива. Теперь они уже совсем близко, тут, почти рядом, перед глазами. Наконец, поезд подполз вплотную к дебаркадеру и остановился. Бесшумная толпа носильщиков метнулась к вагонам и быстро потонула в темных недрах купе. Мария Александровна двинулась, было, туда же за толпою встречающих, но, мигом сообразив что-то, подалась назад и, подойдя к вокзальному колоколу, остановилась около него. Отсюда она могла отлично видеть выходивших из купе пассажиров. И, не отрывая от глаз лорнета, она принялась смотреть, вся исполненная мучительного ожидания, туда, откуда вслед за носильщиками, нагруженными чемодана-

ми, пледами, корзинами и сундучками, выходили вновь прибывшие. Слышались восклицания, шум приветствий, поцелуи, слезы и смех. Напряжение разрешилось разом... Мимо Карской шли теперь люди торжествующие, счастливые, об руку с теми, для кого они приехали сюда сегодня. Вот идет толстый купец, сияющий и красный, бросая вокруг себя радостные улыбки; с ним рядом полная рыхлая женщина в маленькой шляпе, с добродушным лицом. Вот маленькая старушка с моськой и молоденькая девушка, ведут под руки красивого, бледного, болезненного вида господина в безукоризненно сшитом дорожном костюме. Глаза старушки полны слез, но она не замечает их. И девочка плачет тоже, хорошими, счастливыми слезами.

Что-то подступает и к горлу Карской. Что-то сдавило ей грудь. И ей хочется заплакать. Нервы напряглись до крайности. Ожидание делается почти нестерпимым. Ее глаза с тревогой перебегают взглядом с одного вагона на другой, тревожно впиваются в каждое новое лицо, появляющееся из мрака купе, на платформе.

– Да где же она? Где же? – бессвязно лепечут губы, – ее нет... она не приехала... Со следующим поездом, значить? – и Карская готова уже бежать с расспросами по поводу прихода следующего поезда к неподалеку стоящему начальнику станции, готова расплакаться, как ребенок, но ее неожиданно останавливает чей-то голос:

– Мама!

Карская вздрагивает, оборачивается с живостью девочки и во все глаза смотрит на ту, которая только что позвала ее.

Перед ней высокая, стройно сложенная девичья фигурка в сером платье. Из-под дорожной шляпы выглядывает красивое, юное личико. Что-то бесконечно милое, близкое, родное чудится в нем Карской.

Мария Александровна еще раз пытливо взглядывает в эти юные, дорогие, ей черты, в большие, яркие глаза девушки и разом сладкая, теплая, волна захлестывает ее всю с головою.

– Лица! Моя девочка! – лепечет она в порыве счастья.

II

– Так вот ты какая! Покажись! Дай мне посмотреть на тебя, – с восторженной гордостью говорит Мария Александровна, любуясь изящной фигуркой и прелестным личиком дочери.

– Ах, что я! Вот вы – прелесть, мама! Если бы вы только знали, какая вы прелесть! – лепечет Лика, любящим взором лаская мать, – и подумать только: я – ваша дочка, – добавляет она с наивным детским простодушием.

И действительно, в своем радостном порыве и без того моложавая Мария Александровна кажется старшей сестрой своей дочери. Сияющие глаза Карской ласково встречают горящий взгляд Лики.

– О-о! наконец-то, моя деточка, я дождалась тебя!.. – шепчет она нежно, прижимая к себе девушку.

Новый град поцелуев служит ей ответом.

– Как ты узнала меня? – все с тою же сияющей радостной улыбкой, помолчав минуту, спрашивает она дочь, когда обе они, крепко прижавшись друг к другу, движутся к выходу вокзала.

– А ваш портрет, мама! Я с ним не расставалась ни на минуту... – серьезно, без улыбки отвечает Лика и ее глаза загораются каким-то новым, тихим, глубоким светом.

– Милая девочка! – ласково шепчет ей Карская, – я ду-

мала, что ты не узнаешь меня, и потому написала, что буду ждать у колокола.

– Ах, этого и не надо было! – горячо возразила Лика, – я, как вышла из вагона, оглянула толпу и вдруг увидела: такая молодая, красивая... Чудная... ну значит, моя мама!

И она нежно поднесла руку матери к своим губам.

– Лика, mon enfant,¹ а твои вещи? – вдруг спохватилась Мария Александровна, – я ведь не взяла выездного с собою, никого не взяла... хотела первая увидеть мою девочку, одна увидеть без посторонних свидетелей, да! Я даже petit papa² не позволила тебя встретить... Он цветы прислал... там, в карете.

– Ах, мамочка! – и Лика покраснела от удовольствия и смущения.

Румянец удивительно шел к ее милому личику. Марии Александровне казалось, что она грезит во сне, видя свою дочь такой прелестной. Она так боялась, так страшно боялась этой встречи. Оставив дочь десятилетней девочкой, она имела о ней весьма смутное понятие и далеко не ожидала найти в ней такое доброе, отзывчивое сердце и эту любовь и ласку к себе. А оказалось совсем иное. Нет, положительно, Лика прелестна. И Карская с нескрываемым восхищением следила, как молодая девушка позвала носильщика, передала ему квитанцию от багажа, вручила свой адрес и, приказав

---

¹ Дитя мое.

² Отчим.

доставить вещи как можно скорее, снова обернулась с тою же счастливой улыбкой к матери.

– Откуда у тебя этот навык, крошка? – изумленно обратилась к ней Мария Александровна.

– О, это – метода тети Зины! – засмеялась Лика, – ведь моя тетя Зина не терпит беспомощности, и разгильдяйства!

– Но неужели ты ехала одна, Лика?

– От Вены одна, эта австриячка Готенбург довезла меня до своего города, а там мы расстались. Что же вы беспокоитесь, мамочка? Ведь я не маленькая! – с истинно детской гордостью заключила Лика.

– Ты – прелесть! – улыбнулась Мария Александровна, с трудом удерживаясь от желания расцеловать это чудное личико, – однако, едем, малютка, пора!

Они вышли на перрон вокзала: Кровный рысак под английской упряжью с крохотной впряженной в ней кареткой-купе ждал их у крыльца.

С легкостью птички Лика прыгнула в купе и тихо ахнула: великолепный букет белых роз слал ей свой душистый привет из угла кареты.

– Ах, какая роскошь! – прошептала молодая девушка, погружая в цветы свое заалевшее личико.

Но не один букет этот, – все радовало и волновало ее сегодня: и серые петербургские улицы, и частые пешеходы, и встречные экипажи, и самые здания, так мало похожие на те венцы человеческого творчества, которые приходилось

встречать Лику в Европе. Ведь это было свое русское, родное! Это была родина. Это – Русь... Русь с ее колокольными звонами, с ее снежными сугробами, с ее троечными бубенцами и истинно православным радушием, мягкостью и весельем, это – Русь родная, святая, дивная Русь!

Глаза Лику увлажнились. Она опустила окно каретки и с наслаждением пила свежесть августовского утра. И ее глаза блестели, губы улыбались. Она – дома. Она у себя – дома! В своей белой, родной, студеной стране, которую, несмотря на долгие восемь лет, помнила так хорошо, так свято!

– Какое счастье! Какое счастье! Мамочка! – неожиданно вырвалось из груди молодой девушки горячим порывом.

III

Мария Александровна Зарюнина или Мими, как ее называли в свете, рано осиротела и тотчас после смерти отца, вышла замуж за товарища его и друга, пожилого, видного по занимаемому им посту генерала Горного. Это был рьяный, суровый и исполнительный служака доброго старого времени. Женился он на дочери своего товарища хорошенькой Мими из жалости к одинокой сиротке, девушке, знакомой ему с самого раннего детства, и сумевшей тронуть этого сурового воина своей печальной судьбой. Не долго однако пользовался своим счастьем Горный. Через семь лет генерал неожиданно умер, оставив вдовою совсем еще молодую женщину с тремя детьми, из которых старшей Ирине было всего четыре года, сыну Анатолию полтора, а младшая Лидия, или Лика, была еще в то время двухмесячным младенцем. Овдовев Мария Александровна уехала с детьми в имение мужа, оставленное ей с крупною суммою капитала умершим генералом.

Обрушившееся на нее несчастье случилось так неожиданно, что молодая женщина не успела даже отдать себе отчета, как она перенесет потерю. Мария Александровна не могла не уважать и не любить своего покойного мужа, за его честность и доброту и искренне оплакав его, решила посвятить себя целиком воспитанию своих двух девочек и сына Толи, на которого возлагала самые горячие надежды.

Но Мария Александровна была еще слишком молода, чтобы отказаться от привычной ей светской жизни. Прожив три года в «Нескучном», она не выдержала в конце концов, и забрав подростковую детвору, снова вернулась в Петербург, где ее ждали выезды, балы и рауты, опера и круг друзей, который с удовольствием принял в свой центр молодую богатую вдовушку. К девочкам была приставлена сухая и чопорная англичанка мисс Пинч, к Толе веселый и жизнерадостный швейцарец monsieur Колье. Дети мало заботили Марию Александровну. Они пользовались завидным уходом со стороны воспитателей. Только Лика постоянно тревожила мать. Девочка росла худеньким, болезненным и слабым ребенком, подверженным постоянным простудам севера. Никакие летние поездки к морю, в дачные местности вроде Ораниенбаума или Сестрорецка, не помогали ей. Год от году бледненькая худенькая Лика становилась все бледнее и прозрачнее. Мария Александровна пробовала возить ее на лето в «Нескучное», жертвуя собою, отнимая от себя прелесть дачных удовольствий. Но ничего не помогло.

Здоровье Лики не улучшалось.

И вот, как снег на голову, в семье Горных, появилась внезапно приехавшая в Россию золовка Марии Александровны, Зинаида Владимировна Горная, родная сестра покойного генерала.

Зинаида Владимировна безвыездно проживала за границей в силу некоторых обстоятельств, и на родине считала

себя, как бы, гостьей. Это было до крайности доброе существо. Она сыпала щедрой рукой помощь нуждающимся, отказывая себе во всем. Резкая, чрезвычайно добрая, честная и прямая, она представляла собой редкое необычайное явление.

Зинаида Владимировна неожиданно перелетела сюда в снежные сугробы из цветущих долин и от прозрачно голубых озер Италии в холодный и суровый климат России, в семью золовки и прямо приступила к цели.

– Сестра, отдайте мне Лику, – сказала она. – Я сделаю из нее здоровую, сильную девушку. Мария Александровна сначала заохала.

– Расстаться с Ликой! с этим бедным хрупким ангелом! Низачто в мире! Нет! Нет! Это ужасно!

– Тогда нечего было писать мне, что Лика слаба, больна, что Лика умирает, когда вы не хотите спасти ее! – резко выкрикнула энергичная тетя Горная и этим решила все: Лику отпустили с нею. Лику ей отдали на долгие годы. Но, к довершению всего, увозя Лику от матери, ее новая воспитательница поставила в условие последней: не навещать дочери за границей, не растравлять сильными острыми впечатлениями хрупкого организма ребенка и дать девочке возможность подняться при нормальных условиях жизни и окрепнуть вполне.

Мария Александровна повздыхала, поплакала, но ради интересов дочери, согласилась на все это, скрепя сердце.

Десятилетняя Лика без особенного горя рассталась с семьей. Мать она привыкла видеть ежедневно лишь очень непродолжительное время по утрам единственное время, которое Мария Александровна, занятая светом и выездами, могла посвящать детям.

С сухой, требовательной, и как бы застывшей в своей английской невозмутимости мисс Пинч у Лики не было ничего общего; со старшей сестрой Ириной, точным сколком той же мисс Пинч, еще меньше, с Толей... Но Мария Александровна была против дружбы ее с Толей, находя, что мальчик может дурно влиять на склад характера «барышни», и таким образом Лика была вполне одинокой среди своей большой семьи.

Восемь лет за границей промчались, как во сне для Лики. Тетя Зина горячо привязалась к бледной хрупкой девочке.

Зиму они жили в Париже, где к Лике ходили учителя, лето – в Италии, где-нибудь около Пармы или Небри, у тихо плещущих, вечно голубых и вечно юных волн Адриатического моря.

Ежемесячно из России приходили письма от матери, а Лика с затаенным смятением и радостью пробегала их.

Лишенная присутствия матери, девочка унесла с собою за пределы России прелестный образ Марии Александровны. Если она чуждалась, матери в детстве, у себя, дома, в Петербурге, чуждалась этой обаятельной блестящей красавицы, то на далеком расстоянии, оторванная от нее, бледненькая Лика

в своих детских грезах запечатлела этот образ, прочно, раз и навсегда. Не мало способствовала этому и тетя Зина, постоянно беседуя с ней о ее далекой маме.

Время шло. Лика подрастала. Вместе с ее трогательной любовью к Марье Александровне, какою-то заоблачною любовью к далекому существу, тетя Зина постаралась внушить Лике и любовь к ее родине, глубокую, бесконечную любовь; как и сама она тетя Горная любила Россию, всем сердцем, так и научила любить ее и свою юную воспитанницу.

– Гляди, – гуляя как-то под сводом собора святого Петра в Риме, неожиданно воскликнула тетя, хватая Лику за руку, – гляди! Если бы к нам его в Россию нашу перетащить! Вот было бы славно!

Маленькая Лика, внимательно вслушиваясь в слова тетки, всем сердцем обнимала милую родную страну, в которой, по словам тети Зиной, было не так, и далеко не так хорошо, как в первых культурных странах шагающей быстрыми шагами вперед Европы.

И в большом сердечке маленькой девочки, умевшем горячо воспринимать в себе всякие добрые побуждения, зародилась впервые мысль, как хорошо было бы, если бы все эти чудесные великолепные здания, все эти дворцы и музеи, наполненные чудесами искусств можно было бы считать русскими, своими!

Впервые Лика, когда они, с тетей Зиной странствуя по Швейцарии, остановились как-то в одной жалкой бедной де-

ревушке, заметила еще одно обстоятельство, заставившее ее глубоко вздохнуть.

Тетя Зина поманила какого-то крошечного мальчугана и спросила его, умеет ли он читать. Мальчик гордо взглянул на любопытную иностранку и отвечал утвердительно.

– Видишь! Видишь! – торжествуя обратилась тетя Горная к Лике, – все они здесь, все! все! знают грамоту. А у нас еще сколько безграмотных, темных людей в России! Посещение школ должно быть обязательно в культурных странах: это рассеет громадную долю мрака. А потом...

Но тут тетя Зина как-то разом спохватилась, вспомнив, что еще далеко не все можно говорить племяннице, что она еще слишком молода.

В четырнадцать лет у Лики появился голос. Боясь за хрупкое здоровье девочки, Зинаида Владимировна стала, однако, исподволь учить Лику пению. Был приглашен учитель итальянец по имени синьор Виталио, и он стал знакомить девочку со своим любимым искусством.

Это был дивный человек, положивший всего себя на дела милосердия, проконцертировавший всю свою молодость с благотворительными целями и теперь отдававший себя целиком на славу родного искусства.

– Если у меня окажется голос, я буду так же эксплуатировать его в делах милосердия! – во время одного из уроков сорвалось с губ пятнадцатилетней Лики.

– Дитя мое! Дорогое дитя! – мог только выговорить ита-

льянец, потрясенный до глубины души этим чистым детским порывом. – Помните, что вы сказали, Лика. Это – великие слова, моя милая деточка!

– Да! да! – вскричала восторженная юная певица, – и не только теперь и всегда это так будет. О, синьор Виталио, и ты, тетя! Слышите ли? Я всегда... всеми силами... буду стараться сеять все доброе вокруг себя. Господи, если бы вы знали, как хорошо мне! Как я счастлива! как все любят меня? Тетечка! Вчера еще синьор Виталио сказал, что у меня хороший голос. Господи, как мама обрадуется! Какое счастье! За что мне дано все это?

– Да, Лика, громадное счастье иметь хороший, голос! Господь дает его не многим избранным, дитя мое. Надо заслужить это благо, – почти молитвенно произнес старый учитель.

– Я постараюсь заслужить его, – пылко вскричала девочка, – клянусь вам, я заслужу его! Вот тетя говорить всегда, что в нашей суровой стране мало солнца, что там больше мглы и, что самое солнце так далеко в тучах, что мы все, как слепые, не видим его... Так надо же, чтобы оно засветило и заулыбалось и у нас, синьор Виталио! Тетя! Пусть и я, и другие такие же, как я, молодые и сильные, стремятся к тому. Ведь если делать много добра, много хорошего и светлого, оно появится? оно засияет наше солнце? И будет хорошо у нас, как и здесь, как и всюду? Скажи мне, тетя! Синьор Виталио! Скажите мне!

– Дорогое дитя! – могла только выговорить Горная и крепко обняла племянницу.

А еще через год Лика выступала уже с благотворительной целью в пользу недостаточных русских, которые были волей рока заброшены сюда на чужбину. Небольшая колония русских и все итальянское население города откликнулись на призыв молодой девушки и каждый внес посильную помощь в это доброе дело. Вслед за тем Ликой и ее учителем был дан новый концерт в Милане в пользу неаполитанских рыбаков, пострадавших от наводнения.

Синьор Виталио мог гордиться своей ученицей. Она обладала прекрасным голосом и школой. Юная певица привела в восторг ее слушателей. Успех Лики превзошел все ожидания. Один из директоров итальянской оперы предложил ей тут же ангажемент, неслыханно-выгодный для такой молоденькой девушки. Но тетя Зина поблагодарила за высокую честь, оказанную маэстро, и увезла Лику к морю, где у нее была своя собственная крошечная вилла.

В ту же осень тетка и племянница получили письмо, извещавшее о вторичном замужестве Марии Александровны с человеком, занимавшим очень видное место при одном из министерств. А еще через год новое письмо матери к Лике перевернуло весь строй жизни молодой девушки.

Лику отзывали назад, домой в Россию.

IV

– Что это? Разве приехали? – и молодая девушка точно проснулась от своего зачарованного сна.

Карета остановилась у Царскосельского вокзала. Носильщик предупредительно распахнул дверцу экипажа.

– Ах, да! ведь вы еще на даче! – сообразила Ли́ка и звонко рассмеялась своим детски-искренним смехом.

Мария Александровна, не отрывая глаз, следила за дочерью. Нет, положительно, с каждой минутой все больше и больше нравилась ей эта милая, ласковая, добрая, жизнерадостная Ли́ка.

Когда, по настоянию своего нового мужа Андрея Васильевича Карского, утверждавшего, что столь продолжительное отсутствие из родного дома Ли́ки, может совсем отлучить девушку от родной семьи, она решила выписать дочь. Мария Александровна, успевшая отвыкнуть от своей девочки, не без трепета подумывала об их будущей совместной жизни. Она знала резкий характер тети Зи́ны и чуточку даже побаивалась ее, этой энергичной, быстроглазой, с легкой проседью в гладко зачесанных волосах женщины. Боялась насмешливости тети Зи́ны, боялась ее строгого отношения к людям, боялась ее резких быстрых, но всегда метких и чрезвычайно справедливых суждений. Но больше всего боялась она влияния тетки на Ли́ку, тех же резких суждений могущих про-

явиться и у молодой девушки, которые были бы слишком странны для ее юных лет.

И вот, ей пришлось приятно ошибиться при первом же взгляде на добрую, нежную и мягкую Лику. Мария Александровна успокоилась сразу и прогнала от себя напрасные страхи. Идя под руку с Ликой по платформе Царскосельского вокзала она с горделивым чувством счастливой матери отвечала на поклоны знакомых и в то же время глаза ее говорили: «Не правда ли, как она хороша? Это – моя дочь! Моя Лика!»

– Лика! Вот и наши! Они приехали встретить тебя из Павловска, – заметив две знакомые мужские фигуры вдали, радостно проговорила Мария Александровна, нежно сжимая руку дочери.

– Ах!

Девушка ускорила шаг и почти бегом побежала навстречу приближающимся, но внезапно сообразив, что это не удобно, остановилась, подалась назад и стояла теперь с лицом, залитым краской смущения, розовая, юная, прелестная, как никогда.

– Petit papa? – робким застенчивым звуком сорвалось с ее губ, когда перед ней склонилась высокая, представительная фигура безукоризненно одетого в легкий летний костюм штатского, и она привстала на цыпочки, чтобы достать губами до его головы, с которой он снял шляпу.

– Petit papa! Как я рада!

– Chère³ Лика! – Карский выпрямился, поцеловав несколько раз подряд нежные ручку и щечку падчерицы, и молодая девушка могла сейчас рассмотреть выразительное, несколько усталое лицо с тщательно выхоленными баками и честными, суровыми, чуть сощуренными глазами.

Мы будем друзьями, не правда ли, Лика? – произнес он снова, – я так люблю, так уважаю вашу маму, а вы ее дочь и этим сказано все.

– О Andre,⁴ – вмешалась Мария Александровна, – говори «ты» Лике, – она ведь совсем еще дитя.

– Ça viendra avec le temps si elle, met le permet,⁵ – любезно улыбаясь своей несколько холодной улыбкой, отвечал отчим.

– Лика злая! А меня ты не узнаешь?

– Боже мой! Толя! Ведь, Толя, правда?

И Лика протянула обе руки молоденькому пажу, который во все глаза смотрел на сестру.

Лика едва узнавала теперь в этом миловидном с черными усиками пажике своего десятилетнего братишку Толю, с которым она не раз, обманув бдительность мисс Пинч, потихоньку от старших играла в лошадки.

– Толя, милый Толя! – и она несколько раз подряд поцеловала брата.

– Постой! Постой! – с озабоченным видом остановил ее

---

³ Дорогая Лика.

⁴ Андрей.

⁵ Это придет со временем, если она позволит.

тот, – дай взглянуть на тебя хорошенько...

– Да какая же ты славенькая, сестренка! Настоящая красавица, совсем, как мама, право, вот тебе раз! – и он шутиливо развел глазами.

И впрямь Лика была очень хороша собою. Снежно белое личико с тонким, породистым носиком, несколько припухлые розовые губки, большие, чистые, серые глаза, добро и мягко сияющие из-под темных прихотливо изогнутых бровей; длинные черные ресницы, делающие глаза значительно и темнее; и целый сноп белокурых волос с золотистым отливом, все это давало одно чудесное и гармоничное целое. И при всем этом неподражаемая простота во всех движениях, бессознательная грация и какое-то врожденное благородство осанки дополняло ее существо.

– Премилая ты, милая сестреночка! – с искренним восторгом проговорил еще раз Анатолий, не спуская с сестры восхищенного взора, своих веселых, жизнерадостных глаз.

Но Лика почти не слышала и не чувствовала того, что происходило вокруг нее.

Словно во сне, как зачарованная, шла она, опираясь на руку брата, отвечая бессознательными улыбками на общие взгляды, обращенные к ней.

И снова сквозь тот же сон говорила она с кем-то, кого подвел ей отчим, пожимала чьи-то протянутые ей руки и улыбалась, но кому улыбалась она решительно не различала и не понимала сейчас.

В том же зачарованном сне провела Лика те три четверти часа, которые перенесли ее из Петербурга в Павловск, и очнулась только лишь перед решеткой, отделяющей их дачу от пыльного Павловского шоссе, расположенную совсем поблизости парка.

– Пойдем к Рен! – тут же предложил ей Толя и, подхватив сестру под руку, чуть ли не бегом помчался с нею по прямой, как стрела, усыпанной мелким гравием, дорожке сада.

Лика невольно отступила, смущенная неожиданностью встретить здесь в саду такое большое и блестящее общество.

На гладко утрамбованной садовой площадке, окаймленной со всех сторон зелеными лужайками, с коротко подстриженным на них изумрудным газоном, и усеянными здесь и там куртинами с душистыми садовыми цветами, гелиотропом, резедой, горошком, левкоем и розами, несколько человек играло в лаун-теннис. Высокая сетка разделяла площадку по самой середине на две равные части и вокруг этой сетки, по всем углам эспланады, группировались играющие.

Тут были два пажа, тоненький шатен и довольно плотный блондин, оба юноши по восемнадцатому году, товарищи Толи и длинный, как жердь, штатский в каком-то необычайном спортивном костюме, позволявшем видеть его затянутые в шелковые чулки тощие ноги. Сам он имел очень надменное и самодовольное выражение лица, увенчанного рыжими баками и усами.

Не обратив внимания на присутствующих незнакомых

людей, Лика так и впиалась глазами в одну из двух барышень, находившихся тут же.

Сомнений не было. Подле мисс Пинч, ни мало, ни капли не изменившейся в эти восемь лет разлуки с Ликой, стояла старшая из сестер Горных. Впрочем, Лика скорее догадалась, нежели узнала сестру.

Высокая, с длинными костлявыми руками и ногами, с некрасивым надменным лицом и белокуро-пепельными, гладко зачесанными волосами, двадцатилетняя Ирина Горная казалась старше своих молодых, почти юных лет. Краски молодости, казалось, никогда не оживляли этого длинного лица; глаза давно потеряли свой детский радостный блеск, или даже вернее, и не были знакомы с тем ярким блеском, который так присущ молодости. На ней были надеты короткая клетчатая юбка и английская рубашечка с мужской крахмальной манишкой, заканчивавшейся тугим стоячим воротником с черным галстуком. На голове блинообразная спортсменская фуражка, на ногах желтые туфли без каблуков.

Помахивая ракетом и сильно раскачиваясь на ходу, Ирина подошла к сестре.

– Очень рада! – процедила она сквозь зубы, сильно, энергично встряхивая худенькие пальчики Лики и, подставляя ей в то же время свои щеки для поцелуя. Потом, еще раз, проговорила уже по-английски: – очень рада тебя видеть, сестра!

– Реночка! Дорогая! Сколько лет не видались! – востор-

женно восклицала младшая Горная, покрывая лицо Ирины бесчисленными поцелуями.

Та спокойно выслушала это горячее приветствие, потом, обернувшись назад, в сторону играющих, негромко произнесла по-английски:

– Мисс Пинч! Это моя сестра Лика; вы не узнали ее?

Мисс Пинч, сухая, пожилая особа с тщательно причесанными седыми волосами, приблизилась ко вновь прибывшей и с любезным вниманием приветствовала ее.

– Это ваша сестра, Рен? – послышался в ту же минуту за плечами Лики веселый молодой голосок, и перед ней предстало смеющееся, оживленное личико с потешным пуговицеобразным носиком, точно вспухшим ртом и крошечными черными, быстрыми как у мышат, глазками. – Бэтси Строганова, – отрекомендовало себя смеющееся существо, – собственно говоря, Лиза Строганова, если хотите, но Рен пожелала превратить меня в Бэтси, и я – самая ревностная поклонница и последовательница Рен, хотя столько же похожа на англичанку, как...

– Как я на любезнейшего мистера Чарли! – вставил не отходивший от сестры все это время Анатолий.

– Ах, оставьте, пожалуйста! – весело отмахнулась та; – вы отлично знаете, что я не то хотела сказать. А впрочем... – и, лукаво усмехнувшись всей своей забавной мордочкой, Бэтси добавила совсем уже серьезно: – Monsieur Толя! однако, представьте же m-lle Лике наше общество!

– Вы правы! – с новым шутливым поклоном подхватил Анатолий, – и я начинаю с вас. Елизавета Аркадьевна Строганова, так безжалостно превращенная в мисс Бэтси нашей достоуважаемой сестрицей, – достойный потомок тех знаменитых Строгановых, которые помогли Ермаку покорить Сибирь или которых покорил Кучум вместе с Сибирью... что-то в этом роде! – присовокупил молоденький паж, дурачась.

– Но вы невозможны, monsieur Анатоль, – захохотала Бэтси.

– Простите меня, мадемуазель! – серьезно-деловитым тоном заключил Анатолий.

– Барон Чарли Чарлевич, – минутой позднее продолжал он докладывать несколько смущенной всем этим шумом Лике, – барон Карл Карлович Остенгардт, – указывая на штатского, добавил он уже громко.

Длинный барон с чувством собственного достоинства почтительно поклонился молодой девушке.

– Мои закадычные друзья Боря Туманов и Федя Нольк, – продолжал Анатолий, подводя к сестре обоих своих друзей, пажей. – Теперь все мы, кажется, знакомы! – со вздохом облегчения проговорил молодой человек.

– Хотите партию? – продолжала маленькая Бэтси, протягивая Лике свой рэкет.

– Нет, нет, – поторопилась отказаться та, – если позволите, я буду лучше издали следить за игрою. Я несколько устала с дороги!

– А разве ты не хочешь переодеться? – шепотом спросила Рен, скидывая на сестру свои бесцветные глаза.

– Разумеется! – поспешила ответить та.

Мисс Пинч предупредительно предложила свои услуги проводить Лику в ее комнату. Через две-три минуты она открыла молодой девушке какую-то дверь и Лика очутилась в прелестном гнездышке, обитом светло-розовым крепоном, с мебелью в стиле Помпадур, усеянной пестрыми букетиками по нежному розовому фону. Всюду, словно ненароком, были разбросаны крошечные по объему диваны, креслица, пуфы, ширмочки и козетки. Во всю комнату был разостлан пушистый ковер, в котором преобладали самые нежные цвета и оттенки. Небольшой с инкрустациями дамский письменный столик стоял у окна, наполовину завешанного белоснежной занавеской: в одном углу комнаты помещался задрапированный розового цвета материей прехорошенький туалет. В другом углу высился зеркальный шкаф; неподалеку от него находились ширмочки с изображениями маленьких маркиз и маркизов; ширмочки скрывали белоснежную кровать, отгороженную ими. И всюду: на этажерках, на туалете, на столиках – ютилась целая масса красивых безделушек из хрусталя, фарфора и бронзы.

Лика, привыкшая у тетки к простому, безо всякой роскоши образу жизни, молча отступила в удивлении и восторге при виде всех этих очаровательных вещиц. Ей даже диким показалось, что вся эта сказочно-красивая обстановка будет

отныне принадлежать ей, одной ей; только она, а никто другой – обладательница всего этого очаровательного гнездышка, похожего на бомбоньерку.

– Ах, Господи! – могла только тихо проговорить Лика и, как ребенок, всплеснула руками.

– Что, крошка, нравится тебе все это? – слышался знакомый голос за нею, и Мария Александровна, успевшая уже переодеться во что-то чрезвычайно легкое, белое и изящное, протянула дочери обе руки.

Лика с жаром приникла к ним губами, целуя их.

– Я не знаю, как отблагодарить вас, мама! – горячо вырвалось у нее, – за все, что вы сделали мне.

– Очень рада, что, тебе нравится все это. Будуар отделан по моему вкусу. У княжны Столпиной точно также. Я хотела отделать так твоё гнездышко в Петербурге, на городской квартире, но побоялась, что моя девочка почувствует себя неуютно на даче. Все это в город всегда можно перевезти. А здесь, по крайней мере, на первых порах тебе понравится твой уголок и ты почувствуешь себя хорошо и приятно в домашней обстановке.

– Ах, мама! Как вы можете так думать! Я и без этого... так ужасно счастлива вернуться домой и увидеть вас, мама, и всех наших!

– Милая девочка! – нежно пригладив выбившуюся прядь волос на голове Лики, произнесла Марья Александровна. – Однако, тебе следует переодеться, Лика. Я позвоню Фешу,

она поможет нам.

Молодая, очень расторопная с виду горничная в ослепительно белом переднике и чепце появилась на пороге.

– Вы будете служить младшей барышне, Феша! – деловым тоном произнесла хозяйка дома.

– Слушаюсь, барыня! – почтительно отвечала девушка, в то же время бойким взглядом окинув фигуру Лики, как бы желая удостовериться сразу, какова будет ее молоденькая госпожа.

– Ах, ведь я и забыла. Мои вещи отправлены на городскую квартиру, – спохватилась вдруг Лика, – и мне не во что переодеться сейчас.

Мария Александровна чуть заметно улыбнулась с лукавым видом.

– Об этом мы здесь уже позаботились с Фешей, детка, без тебя, – успокоила она дочь, – я в письме к тете Зине осведомилась о мерке для твоих платьев и, получив ее, тотчас же заказала тебе заочно несколько костюмов на первое время, по крайней мере.

И, приказав горничной сейчас же принести все наряды, Мария Александровна нежно обняла бросившуюся ей на грудь Лику.

– Мамочка! Мамочка! Чем я заслужила все это? Господи! – восторженно лепетала та, осыпая шею, лицо и руки матери градом исступленных поцелуев, – подумайте только, я – точно скромная Сандрильона, которую добрая волшебница

превращает в нарядную принцессу, по мановению волшебного жезла! Точно в сказке! Чем мне отблагодарить вас за все ваши заботы обо мне, мама? Скажите, чем?

– Чем? – и Мария Александровна чуть прищурила на дочь свои живые серые глаза, – люби меня немножко, чуточку любви, детка... ну, хоть наполовину меньше, нежели тетю Зину, и я буду вполне счастлива этим.

– Мама! – с искренним порывом вырвалось из груди Лики. – Боже мой, да кого же любить-то как не вас, мама, красавица моя!

– Да я вас и без всех ваших подарков всегда любила. И как любила-то еще. Господи! Как я постоянно думала о вас мама! Знаете ли, что вы мне всегда представлялись каким-то неземным существом, какою-то волшебницей, право! Девой феей. Я всегда гордилась тем, что я – ваша дочь. Ангел мой! Когда синьор Виталио как-то сказал, глядя на вашу фотографическую карточку, что вы похожи на Мадонну, я поцеловала у него руку за это. Тетя Зина, помню еще, выбрала меня тогда за излишнюю экзальтированность и сентиментальность, но, если бы он еще раз сказал это, я еще раз поцеловала бы, да...

– Ты очень любишь тетю Зину, моя дорогая? – осторожно осведомилась у дочери Мария Александровна.

– Очень!

– Больше, чем меня?

– Как можете вы так говорить мама! – начала Лика, и ее

голос дрогнул затаенными слезами.

– Люби меня, детка! Люби меня больше всех в мире, больше всех, моя Лика! – взволнованно произнесла Карская, привлекая молодую девушку к себе на грудь, – согрей меня твоим чувством, моя крошка, девочка моя ненаглядная! Дай мне это, чего я так долго была лишена.

– Мама, мама! А разве Рен и Толя?..

– Молчи! Молчи, Лика! Они правы, может быть, по своему. – Мои дети оба хорошие, добрые, милые, но они не умеют быть ласковыми вообще, а я так ищу детской, нежной ласки!

Глаза Марии Александровны увлажнились слезами; ее лицо покраснелось. Она поднесла платок к глазам и тяжело дышала в ожидании ответа дочери.

– Мамочка! – вырвалось горячо из груди Лики сильным, дышащим неподкупным порывом молодости и чистоты, возгласом. – Никто, слышите ли, никто не сможет любить вас так, как я люблю вас. Вы так добры и прекрасны, так ласковы и нежны, чудная моя мамочка, и я так люблю вас, так сильно люблю!

– Лика моя, – растроганно произнесла Мария Александровна, – ты не поверишь, как много дала ты мне счастья и тепла своими словами! Господь да благословит тебя за это, моя милая девочка! О, мы будем с тобою большими друзьями! Не правда ли? Я чувствую это, я обрела, наконец, друга в моей дочурке, искреннего и не подкупного друга. Доро-

гая моя, незаменимая крошка! – и Мария Александровна поспешно стерла следы слез со своего красивого, доброго лица. Когда в комнату вошла Феша с целым ворохом юбок и лиффов, она уже улыбалась привычной улыбкой светской женщины и, зорко следя за движениями горничной, с ловкостью и проворством раскидывавшей все эти воздушные костюмы и украшения по козеткам и креслам изящного будуара и уже совершенно лишенным недавнего волнения голосом произнесла:

– Ну! ну, посмотрим, что ты, выберешь одеть на сегодняшний день, моя милая девочка?

Но Лика, еще не успевшая опомниться от только что прошедшей сцены, еще исполненная сладкого чувства, горячего влечения к матери, стояла растерянная и взволнованная посреди этого царства кисеи, лент, воланов и кружев и устремив свой взгляд на красивое лицо матери, которое она так привыкла любить, за тысячи верст расстояния отсюда всем своим сердцем, всей душою.

Мария Александровна поймала этот любящий дочеринский взгляд девушки и снова ласково улыбнулась ей.

– Ну, ну, выбирай же, что тебе надеть сегодня, моя птичка, а то мы не покончим до самого вечера, пожалуй, с этим вопросом.

Но Лике было решительно все равно, во что бы ее не одели. Все казалось ей безразлично, все, что не касалось ее матери, ее чаровницы-матери, которой, не задумываясь, Лика

отдала бы всю свою жизнь.

V

Яркое солнце заливало потоками света прелестную уютную комнату, когда на другой день Лики проснулась.

Из сада несло звонкое веселое чириканье птиц, смешанное со звуками падающей воды искусственного каскада, устроенного неподалеку от окон ее чудесной комнатки.

Приятное сознание разом проникло в голову Лики. Она — дома.

Весь вчерашний день промчался, как вихрь, и ей не было времени сознательно проанализировать всю эту радость. После позднего обеда, на который были приглашены хохотунья Бэтси, оба товарища Анатолия и мистер Чарли, как его называла Рен, вся компания отправилась на музыку в сопровождении Марии Александровны. У Лики слегка шумело в голове от всей этой веселой суеты, французской болтовни и шуток брата.

Все казалось дивно-прекрасным и чарующим, как сказка для впечатлительной природы молодой девушки.

На вокзале, где играла музыка, они заняли столик всей семьей со своими гостями и, весело болтая, пили чай. Но не больше, как через пять-десять минут были окружены веселой толпой молодежи, преимущественно товарищей Анатолия и приятельницами Рен.

Вскоре в голове Лики произошла целая путаница от всех

имен, отчеств и фамилий, которые ей нынче пришлось услышать.

Она улыбалась и кланялась, кланялась и улыбалась все время и ей было весело, приятно и хорошо сознавать себя центром собравшегося общества. И даже сегодня, лежа на своей свежей мягкой постельке, потягиваясь и поеживаясь в ней как котенок, в это ясное августовское утро, Лика не может отделаться от того сознания счастья, которое наполняет ее сердце теплой, нежной волною. Ничего подобного она не ожидала, едучи сюда домой в Россию.

Правда, в ее воспоминаниях осталась прежняя полная комфорта жизнь ее дома в детстве, но то, что она нашла здесь теперь, превзошло все ее ожидания.

Карские жили роскошно, богато и открыто принимая у себя в доме массу народа.

«Господи! Как хорошо! Как весело! – мысленно произносила в сотый раз Лика, впервые окунувшись накануне в светскую беспечную жизнь и вдруг, точно окаченная холодной водою, вся встрепенулась и затуманилась сразу. – А тетя Зина и ее напутствие? Что она сказала бы, заглянув сегодня сюда...»

Тетя Зина... да...

И перед мысленным взором Лики, как живой, предстал энергичный образ суровой и строгой на вид пожилой женщины с резким голосом и манерами, с речами, исполненными силы выражения и так несвойственными женщине, с пря-

мым и неподкупным взглядом о долге и о человеческих обязанностях.

– Помни, Лика, – звучат сейчас снова эти речи в ушах девушки, – не трудно размякнуть и разнежиться, распустить подпруги и тащиться кое-как, спустя рукава в триумфальном шествии дешевых победителей, жизненных удовольствий, проводя время в праздности и безделье, моя девочка! Это самое легкое, что берется от жизни. Старайся достичь иного, трудного, настоящего, верного идеала. Стремись к свету, моя Лика! Не обращай внимания на роскошь и веселую праздность, которые будут непременно царить вокруг тебя, и думай об одном: как бы достичь совершенства... той точки совершенства, когда ты можешь спокойно сказать себе: да, я поработала вдоволь, и сколько могла и умела принесла пользу другим, а теперь могу взять и для себя самой у судьбы свою долю. Я заслужила ее вполне.

И тут же, рядом с голосом тетки слышит Лика и другой голос... Голос седого, как лунь, старого, но сильного и мощного духом синьора Внталио, своего далекого маэстро.

– К солнцу, Лика! К солнцу! Где свет его – там и свет науки, искусства и труда, главным образом, огромного самоотверженного труда на пользу человечества, сопряженного с милосердием – там счастье!..

– Да, там счастье! – мысленно воскликнула молодая девушка, – там счастье! Они правы оба, и я сделаю все, что могу, чтобы оправдать их доверие. И ты, тетечка, и вы, до-

рогой мой наставник, вы будете довольны мною, вашей Ликой! Да, да, довольны, сто раз довольны вашей девочкой! И вам не придется напоминать о том, что вы уже столько раз говорили мне!

И с этими мыслями девушка быстро вскочила с постели и стала проворно одеваться.

Вошедшая на звонок Феша была не сказано удивлена, увидя почти готовой свою «младшую» барышню.

– Разве так еще рано, Феша? – в свою очередь изумилась Лика.

– Для кого как, барышня! – сдержанно и почтительно улыбнулась та; – оно по времени, пожалуй, что и не рано, как будто десятый час, на исходе. А только у нас это еще далеко не поздним временем, барышня, считается; мамаша к завтраку только из спальни выходят, барин давно уехали в город, Анатолий Валентинович на озере катается в лодке, по холодку...

– А Рен?

– Ирина Валентиновна еще с восьми часов с мисс Пинч на велосипедах отправились...

– Так рано?

– Обыкновенно-с... Оне ежедневно в семь часов какао кушают, и после того на утреннюю прогулку едут. А вернутся – гимнастикой занимаются... Да оне поди уж и вернулись, должно быть. Иван на дворе ихние машины сейчас чистит.

– Ну, так я пройду к сестре; как вы думаете, Феша, можно

это? – осведомилась Лика.

– Можно, можно, потому как оне гимнастикой в этот час занимаются, – поспешила успокоить ее девушка.

Но Лика уже не слышала окончания слов своей разговорчивой служанки; через минуту она уже стояла перед дверью комнаты сестры.

– Войдите, – в ответ на ее стук отвечал из-за двери знакомый ей уже по звуку резкий голос Ирины.

Лика вошла. Рен стояла посреди комнаты с гириями в обеих руках, приподнятых над головою.

Ее комната резко отличалась от розового будуара Лики. Это было помещение с двух окнах с большим столом, заваленным книгами и брошюрами, преимущественно спортивного содержания на английском языке, с жесткою мебелью, и такой же постелью в одном углу и платяным шкафом в другом. Ни признака драпировок, ни мягких диванов и кресел, ни изящных украшений не было в этой строго выдержанной комнате, напоминавшей собою суровую келью монахини.

– Я не помешаю тебе? – спросила Лика, не без смущения взглядывая в лицо сестры.

– Ничуть. Садись, пожалуйста. У меня полчаса времени, – бегло взглянув сначала на циферблат висевших на стене часов, потом на Лику, произнесла Ирина.

– Очень рада тебя видеть, – добавила она голосом, ни чуть, однако, не обнаруживая при этом ни малейшей радости.

Лица села в жесткое кресло у стола и стала смотреть на сестру. На Рен была та же короткая клетчатая юбка, что и вчера, но вчерашнюю блузку заменяла другая, в виде матроски, выпущенной поверх пояса, очень широкая и удобная для гимнастики.

– Ты ежедневно делаешь гимнастику, Рен, каждое утро? – спросила Лица, чтобы как-нибудь прекратить наступившее молчание.

– Каждый день, разумеется.

– И тебе не скучно это?

– Я не признаю этого слова, – серьезно и строго, наставительным тоном произнесла Ирина, – оно раз и навсегда изгнано из моего обихода, понимаешь? Скучать может только разве одна праздность. Когда же день заполнен сполна, то нет ни время, ни возможности скучать.

– Значит, ты довольна вполне своею жизнью, Рен? – помолчав немного, снова спросила сестру Лица.

– Я изменила бы весь строй ее, если бы она мне не пришлась по вкусу. Ведь от самого человека зависит создать себе полезное и нужное существование, а для того, чтобы достичь такового, необходимо нужно прежде всего, приобрести...

– Самоудовлетворение, – живо подсказала Лица, – не правда ли? Ты это хотела сказать?

– О, нет! – далеко не так громко усмехнулась Ирина. – Мы еще не дошли до этого: надо приобрести методу, Лица. Понимаешь, методу! – и Рен еще более приподняла свои беле-

соватые брови, в знак важности произнесенного ею слова.

– Методу? – удивленно переспросила Лика.

– Ну да, то, что англичане так высоко ставят и ценят и за что я так высоко ценю англичан; именно, методу, заполнять свой день делом полезным для самой себя, распределенным ею по периодам для заранее избранных тобою и нужных, полезных для тебя занятий. . .

– Полезных для себя или для других, я не поняла тебя вполне? – прервала ее на миг Лика.

– Это – экзамен? – проронила Рен, вскинув на нее свои холодные глаза.

– Ах, нет, пожалуйста! – спохватилась младшая сестра. – Я не хотела тебя обидеть вовсе, прости Ириночка!

– Я и не обиделась, – хладнокровно отвечала старшая. – Видишь ли, ты все это найдешь невозможным варварством и эгоизмом как и мама, – тут Ирина поморщилась, сделав гримасу от усилия вытянуть свою вооруженную тяжелой гирей руку, – но я отрицаю всякую сентиментальность. Наша мама очень много занимается благотворительностью. Устраивает кружки, комитеты. . . Выискивает бедных и вообще широко проявляет свою благотворительную, так называемую филантропическую деятельность. А мне все это кажется пустым времяпрепровождением. Каждый человек обязан только думать о себе самом. А помогать жить другому, значит делать его слабым: ничтожным и решительно не способным к труду. Вот мое искреннее мнение об этом деле.

– Но... но... – смущенно пролепетала Лика, – тогда многие бы умерли с голоду без помощи другого, если следовать по твоему примеру, Рен.

– Если им с детства твердить постоянно, что человеку надо надеяться только на самого себя и жить на собственные силы, а помощи ждать ему помимо не откуда, небось, приучатся к труду с малолетства, будут трудиться и работать, а стало быть, и сумеют просуществовать без чужой помощи.

– Какая жестокая теория! – прошептала Лика смущенно и печально.

– Для тех, кто не хочет и не умеет жить! – отозвалась ее старшая сестра. – А все вы, помогающие другим людям, как тетя Зина, твой учитель, ты сама, насколько вы увеличиваете только сами этим число ленивых и тунеядцев, которые, предоставляют другим заботиться о себе.

– Нет, нет, храни Господь поверить тому, что ты говоришь! – горячо вырвалось из груди Лики. – Я могу быть сама только тогда счастлива, когда счастливы другие вокруг меня. Иначе, лучше не жить, нежели быть эгоистом.

– Каждый живет для себя! Только для себя! – резко подтвердила старшая Горная.

– Рен! Ты какая-то странная, особенная, не такая как все. Я в первый раз слышу такие речи! Тетя Зина... – начала было смущенно Лика.

– Не я, а ты особенная с твоей тетей Зиной, вместе, – покраснев и теряя свое обычное на минуту спокойствие,

вспыхнув, произнесла Рен.

– Скажи мне, пожалуйста, Лика, кто тебя научил таким странным, таким сентиментальным мыслям?

– Как, кто? Тетя Зина, синьор Виталио! – с детской горячностью произнесла Лика, – да и сама я с детства поняла, что жизнь для самой себя – эгоизм и скука.

– Ну, моя милая, советую тебе поскорее изменить свои взгляды. В нашем кругу, смею тебя уверить, они придутся совсем не ко двору... – усмехнулась Рен. – Однако, мне надо еще идти на партию крокета в сад, мистер Чарли и мисс Пинч должно быть уже давно ждут меня там, – бегло взглянув на часы, произнесла Ирина и с силой по-мужски пожала протянутую ей руку сестры.

Лика вскинула еще раз на нее удивительными глазами, тихо вздохнула и низко опустив голову, как виноватая, вышла из комнаты Рен.

VI

Две недели пролетели с тех пор, как младшая Горная вернулась под кровлю родительского дома, в круг родной семьи, две недели бестолковой сутолоки, праздно́й болтовни, постоянных приемов и недолгих часов одиночества за томиком французского или английского романа в руках. В этом, однако, не было вины Лики. Неоднократно собиралась молодая девушка поговорить с матерью о своих планах, открыть ей свои заветные мечты и поделиться ими с близким человеком. Но ее свиданья с Марией Александровной совпадали, как нарочно, в те часы, когда Лика не могла застать мать одну. По утрам Марья Александровна Карская вставала лишь к позднему завтраку, то есть к двум часам, в то время именно, когда дом уже кишел посторонними посетителями, приезжими из города родственниками и знакомыми. Впрочем, Лика и не особенно горевала покамест, уходя вся с головой в свое праздное бездействие.

«Вот переждем осенью в город, тогда все, все будет уже иначе. Можно и благотворительность, и пением заняться!» — неоднократно утешала она сама себя, чувствуя по временам острую тоску от такого пустого существования.

Однажды, возвратившись с музыки в свой розовый будуар-коробочку, молодая девушка нашла на своем письменном столике объемистый конверт с заграничной маркой.

«Венецианский штемпель. От тети Зины!» – мелькнуло вихрем в голове молодой девушки, и она дрожащими руками вскрыла конверт. С первых же строк этого объемистого письма Лику стало бросать от волнения то в жар, то в холод... Неприятное сосущее чувство недовольства собою, неловкость перед прямой и честной душой тети Зины наполнило до краев ее сердце.

«Что-то ты поддельываешь, моя девочка? – писала ей тетка. – Надеюсь, не изменилась и старательно занимаешься пением по нашему уговору? Боюсь я одного, моя милая Лика, чтобы окружающая тебя теперь светская жизнь не засосала тебя в свою трясиину. Она заманчива, привлекательна, дитя мое, с наружной стороны. Но какая в ней пустота, моя девочка, если бы ты знала только! Но я слишком уверена в тебе, моя Лика, чтобы могла серьезно беспокоиться и сильно волноваться за мою честную, умную, и вполне уравновешенную Лику, которая обещала своей старой тетке положить себя всю на пользу другим.

Я слишком уверена в тебе, слишком знакома с твоей чуткой душой, чтобы бояться за нее, Лика. Мишурный блеск не может заслонить от тебя сияния настоящего солнца, дорогая девочка.

Учись же, пополняй пробелы своего образования, не складывай рук, обессиленная праздностью, не изменяйся среди роскоши и довольства светской жизни.

Говорила ли ты с твоей мамой о твоём давнишнем наме-

рении учить бедных ребятишек? Когда начнешь заниматься пением?.. Синьор Виталио велел передать тебе, что грех зарывать в землю талант, данный Богом. Но ты уже знаешь нашего доброго старика, знаешь его постоянные речи на эту тему и поэтому я не буду распространяться по этому поводу.

А у нас здесь персики отягощают чуть ли не до земли ветви деревьев. Я как-то ходила вчера на наше любимое место и вспоминала тебя, моя милая, моя славная, родная девочка. Помнишь ли ты тот вечер, моя Лика, когда ты пела впервые „Addio Napoli“⁶ и когда синьор Виталио расцеловал тебя, сказав, что в твоём голосе кроется бесспорный талант, Божия искра.

Тогда была весна, Лика, и магнолии цвели и апельсиновые деревья стояли все белые-белые, как невесты под фатою своих чудесных цветов.

Лика, Лика, моя девочка, помнишь ли ты также и ту весну, когда впервые сознала в себе острую потребность отдаться всем своим существом на пользу людям. Помни, Лика моя, – будут говорить кругом тебя: „один в поле не воин, одна ласточка не может сделать весны“. Но, дитя, если каждая из нас проникнется общей идеей любви к беднякам и сознанием необходимости прийти им на помощь, отдать все свои силы на труд, работу и пользу людям, легче, поверь мне, станет жить не только тем, кому помогаешь, но и самой себе!!..»

– Да, да, да!

---

⁶ Прощание с Неаполем. Популярная итальянская песнь.

Безумный восторг, охватил снова Лику по прочтении этого письма. Чем-то теплым, ласковым, чудным и бодрым повеяло на нее от этих ласковых строчек...

– Да, да, да! именно, так и надо поступить, как пишет незабвенная тетя Зина. И как вовремя подоспело оно, это милое, родное письмо!

Как раз вовремя подоспело, когда Лику уже начал закруживаться этот водоворот светской сутолоки, в котором утонули уже ее сестра и Толя, и все ее здешние знакомые, и который, действительно, способен заманить, втянуть в свою сторону соблазнительную и увлекательную пучину.

Нет, тысячу раз нет, он не осилит ее, не затащит ее, Лику!

И перед молодой девушкой мысленно встала та дивная весенняя ароматичная итальянская весна, о которой писала в своем письме тетя Зина, когда Лика впервые почувствовала, ощутила в себе эту жгучую потребность служить людям. Да, тогда была весна, теплая, ласковая, голубая... Пахло апельсинами и миндальными цветами... Море курилось серебряной дымкой, а в зеленой траве синели фиалки. И на террасе виллы она, Лика, поет свое «Addio Napoli»... И весна поет вместе с нею, и море, и фиалки. И самый воздух поет, ароматичный и чудо-прекрасный в этой благословенной южной стране.

Лика забылась в своем сладком дурмане! В голове встали грезы, а душа ее уже томила и тосковала по звукам песен. Губы раскрылись, невольно, глаза заблестели и вдруг,

неожиданно, розовая комнатка огласилась первыми звуками прекрасной, как мечта, неаполитанской песни.

Лица распахнула окно. Студеная волна ночного воздуха ворвалась в комнату. С вокзала долетали умирающие звуки музыки, с неба глядела луна, таинственная и точно робкая, под легкой дымкой облаков. «Addio Napoli», – пела Лица и, глядя на эту северную студеную ночь, на испещренное золотистыми бликами небо, на таинственный палевый месяц и молчаливо замерший в своей жуткой непроницаемости сад, она думала о другом небе, ясном и прозрачном, о других ночах, благовонных и горячих ночах юга...

В саду под самыми окнами Лица блеснул огонек сигары...

– Лица! – послышался чей-то не громкий голос.

Девушка разом отпрянула от окна. Песнь круто оборвалась, замолкла, неоконченная, на полуслове.

– Это – я, Лица, не бойтесь... – и Андрей Васильевич Карский выступил из тени в полосу лунного света.

– Ах, это вы, *petit rara!* А я не узнала вас! Думала чужой! – произнесла Лица дрогнувшим голосом.

– А вы хотели бы увидеть вместо меня волшебника той дивной страны, о которой вы так очаровательно сейчас пели? Но какой у вас голос, Лица! Я и не воображал и не подозревал даже, что вы поете, как настоящая певица.

– Я училась три года пению! – скромно отвечала ему Лица.

– Но вы поете бесподобно, как никто. Я ничего подобного не слышал вне сцены театра. Однако послушайте, Лица, вам

сейчас еще не хочется спать, – спросил отчим и не дожидаясь ее ответа, прибавил: – накиньте что-нибудь на плечи по-теплее и сойдите в сад. Мы потолкуем с вами.

– С удовольствием, – вскричала Лика, обрадованная как ребенок возможностью найти собеседника, и через минуту вышла к отчиму, закутанная в белый оренбургский платок.

Он взглянул на нее и улыбнулся.

– О чем вы, рара? – изумилась она.

– Знаете ли, Лика, на кого вы похожи так? На какую-нибудь белую виллису скандинавской древней саги или фею волшебной страны. Но, впрочем, оставим фантазии! Я нахожу, что вы сегодня совсем иная, нежели всегда.

– И вы тоже иной, рара, совсем иной, нежели прежде, – в тон ему отвечала падчерица.

– То есть? – изумленно приподнял свои строгие брови отчим.

– Вы не рассердитесь, если я буду откровенна с вами? Не обидитесь на меня? – и Лика, нежно прижавшись к нему, продернула ему под руку свою тонкую ручку.

– Можно ли сердиться на вас, Лика. Вы сама – доброта.

– Ну, так слушайте же, что я буду говорить вам. Вы сегодня совсем, совсем иной, чем эти две недели, что я вас знаю. Вы всегда такой деловой, такой озабоченный, и строгий, как в министерстве. Вид у вас такой замкнутый, такой серьезной, какой-то непроницаемый, сказала бы я... И, когда вы с гостями даже или на музыке, от вас холодком веет, деловым

ХОЛОДКОМ.

– Что поделаешь! Я – «человек портфеля», как про меня весьма остроумно выразился один шутник. У меня своя система жизни.

– Ха, ха, ха! – звонко расхохоталась Лика и ее смех так и прорезал восстановившуюся было тишь мгливой осенней ночи. – У вас система, у Рен – метода, Господи, что за люди такие собрались! А по-моему – жить «по мерке» – ужас.

Тут смех ее разом прервался и сама она нервно вздрогнула, кутаясь в платок.

– А вы как понимаете жизнь, Лика?

– О, совсем, совсем иначе! Я бессистемная какая-то, рара, право, – и она рассмеялась, – я понимаю жизнь...

– В вечном празднике и в погоне за удовольствиями. Не так ли? – подсказал отчим.

– Бог с вами, рара! – и Лика с нескрываемым негодованием блеснула на спутника своими большими глазами, – я хотела бы жить исключительно для других, хотела бы стать нужной, необходимой людям, хотела бы сделать многих счастливыми кругом... и потом трудиться, учиться, самосовершенствоваться... Я хотела бы отдать свое лучшее «я» тем, кто нуждается в этом.

– Вы, значит, хотите заняться делами милосердия... да? – ласково обратился к ней с вопросом отчим...

– Да, да, это – главное, – горячо сорвалось у нее. – Вы знаете, рара: стыдно бездействовать и купаться в доволь-

стве, когда... Ах, Господи... нужды бедноты, лишений кругом сколько, ужас! Заграницей бедность не так сильно бьет в глаза. Они все там изворотливы, как кошки, и умеют устроиться. А у нас эти жалкие лачуги в дебрях России, этот хлеб с мякиной и песком... и полное невежество в глуши, незнакомство с букварем, с грамотой. – Конечно, я не видела всего этого, а по книгам и по словам тети Зины знаю много, очень много.

– А, а, вот она, ваша капризница тетушка, всегда недовольная ничем! – пошутил Андрей Васильевич.

– Тетя Зина не то, что о ней думают, – строго остановила его Лика. – Вы ее не поняли. У нее одна жажда, стремление увидеть все у нас в России, так же благоустроено и хорошо, как и заграницей.

– И потому-то она и заперлась в Италии и не показывается сюда, – снова своим обычным ледяным тоном проронил Карский.

– Рара! – совсем уже серьезно произнесла Лика, – вы и не подозреваете сколько она делает тайного добра людям. Она отрывает от себя большую часть своей души, большую от людских нужд и горя, но переменить жизнь ей не под силу. Она уже старушка, моя тетя Зина! – пылко вырвалось из груди Лики. – Ведь под конец жизни очень трудно менять свои привычки на старости лет. – Я же, хочу дела, большого, огромного, чтобы всю меня захватило оно, всю без изъятия. Я не могу довольствоваться долей светской барышни, я не

могу всю себя передать спорту, как Рен и всегда веселиться, как Толя, я хочу иного, поймите? Мне с мамой не приходилось говорить об этом. Да и потом, у мамы свои взгляды. Она предложила мне заниматься кроме моего пения английским языком и рисованием по фарфору или выжиганием, чтобы убить время. Но я не хочу его убивать. Оно мне нужно, как святыня, нужно. У меня голос, хороший голос; синьор Виталио сумел эксплуатировать свой голос на пользу других, я хочу так же идти по его стопам, я выступала в Милане и помогла несчастным своим концертом. И тут я могу так же... тем же способом, если...

– Это не удобно, Лика, – прервал девушку Карский, – вы барышня из общества, из большого съѣта. Приходится считаться с этим. А, впрочем, – мама устраивает какой-то концерт в-пользу их общества.

– Какого общества?

– Филантропического общества, в котором принцесса Е. председательницей. Ваша мама ее помощница. Общество носит название «Защиты детей от жестокого обращения».

– Как, у мамы есть общество? И она ни слова не сказала мне, моя голубушка, об этом! – горячо воскликнула Лика. – Боже мой! – да ведь я и там могу работать. Рара! Позволит мне это мама, как вы думаете? А?

– Разумеется. Я поговорю с нею, если вы уполномочиваете меня, Лика.

– И потом еще, – заторопилась молодая девушка, – это-

го мало... Я хотела бы где-нибудь в захолустье школу основать... но только, чтобы самой там учить. Около «Нескучного», мне говорила тетя, есть такие деревушки; избы там у них бедные-прибедные, закоптелые, детвора там бегают без призора, чуть ли не нагая... Тетя Зина говорила...

– Ох уж эта нам тетя Зина! – смеясь погрозил Карский, а затем сочувственно, пожав ручку Лике и еще раз пообещав поговорить о ней с матерью, проводил ее до крыльца.

– Какой он славный и совсем, совсем не строгий, как я думала прежде, – решила девушка пока шаги отчима затихали в отдалении. – А я еще боялась его! И как он меня понял скоро! Милый, хороший, славный petit papa!

VII

Было около двух часов солнечного сентябрьского дня, когда Карская, в сопровождении Лики, поднималась по застланной коврами лестнице, ведущей в роскошное помещение большого дома особняка на Миллионной, где жили две пожилые двоюродные сестры, две светские барышни, княжны Столпины. Обеих звали одинаково Дарьями, и обе имели сокращенные имена Дэви в большом свете. Обе княжны Дэви были большие филантропки и им исключительно принадлежала благая мысль устройства общества «защиты детей от жестокого обращения». Обе княжны Дэви очень гордились своим делом. Им посчастливилось привлечь в председательницы высокую попечительницу принцессу Е., в члены общества многих светских дам и барышень из лучших семейств.

– Мы выбрали неудобное время для нашего заседания, однако, – произнесла Мария Александровна, когда она и Лика остановились перед большим трюмо в княжеском вестибюле, чтобы поправить шляпы, – теперь не «сезон» и большая часть публики, многие члены нашего общества разъехались в Крым и за границу, присутствовать будут очень не многие из дам. А главное, жаль, что не придется тебя представить принцессе Е.; она прибудет в Петербург только в октябрь месяце... А то мне очень кстати было бы похвастать своей хорошенькой дочуркой, – улыбкой закончила Карская эту ма-

ленькую тираду.

Ли́ка вся смущенная похвалою матери и предстоящим ей новым знакомством со светским обществом, только молча ласково-ласково улыбнулась в ответ на слова Марии Александровны.

Посреди большого, светлого зала, посреди которого стоял длиннейший стол, покрытый зеленым сукном, сидело большое дамское общество.

Ли́ка с матерью немного опоздали на заседание, которое уже началось.

– Мы думали, что вы не будете и уже отчаивались вас видеть. *Bonjour, madame! O, la belle creature! C'est mademoiselle votre file, u'est-ce pas? Mais eu voils beauté, a perdre la tête,*⁷ – полетели им навстречу приветливые любезные возгласы.

– Можно вас поцеловать, малютка? – и маленькая полная пожилая, но подвижная чрезвычайно женщина, лет сорока пяти, заключила смущенную Ли́ку в свои объятия. – Княжна Дэви старшая, – предупредительно отрекомендовалась она молодой девушке, – и вот княжна Дэви младшая, моя кузина, – быстро подведя Ли́ку к красивой смуглой тоже пожилой даме с усталым печальным лицом добавила – Прошу нас любить и жаловать, как своих друзей.

– Покажите-ка мне ее, моя красавица, покажите-ка мне сокровище ваше! – послышался в тот же миг с противополо-

---

⁷ Здравствуйте! О какое прелестное существо – это ваша дочь? Но она умопомрачительно хороша собою.

ложного конца стола громогласный, совсем не женский по своему низкому тембру голос.

Лица вздрогнула от неожиданности и подняла глаза на говорившую.

Это была громадного роста женщина с совершенно седыми волосами, с крупным некрасивым лицом, полным энергии, ума и какой-то, как бы светящейся в нем, ласковой необычайной доброты.

– Баронесса Циммерванд! – спешно шепнула Лике княжна Дэви старшая и подвела девушку к баронессе.

– Славная у вас девочка, моя красавица! – одобрительно загудел по адресу Марии Александровны бас титулованной великанши. – Хотелось бы мне очень, чтобы она с моими Таней и Машей знакомство свела покороче. А то они уже со старыми подругами и все переговорить, да и поссориться успели!

– Ах, тамап! – в один голос, как по команде, соскочило с губ двух уже не молодых барышень, с нескрываемым недовольством вперивших в лицо матери свои вспыхнувшие смущением глазки, – вы уж скажете, тоже!

Лица сконфуженно пожала руку обеим баронессам и поспешила подойти к крошечной старушке с собачкой на руках. Эта старушка, как узнала Лица из слов княжны Дэви старшей, была отставная фрейлина большого двора, жившая теперь на покое. Звали ее Анна Дмитриевна Гончарина.

По соседству с нею сидела высокая, длинная и худая де-

вушка, племянница ее, Нэд Гончарина, отравлявшая всем и каждому существование своим злым языком. Она сухо приветствовала Лику.

Обойдя прочих дам, молоденькая Горная опустилась на указанное ей место между худенькой Нэд и княжной Дэви старшей, понравившейся ей сразу своим симпатично грустным видом и большими печальными глазами.

Княжна Дэви старшая позвонила в серебряный колокольчик, заявляя этим, что заседание открыто.

– А князь Гарин? Разве он не будет? – спросила Мария Александровна, вопросительным взглядом обводя собравшееся общество. – Он так занят своей приемной дочуркой, этой маленькой дикаркой, что благодаря ей частенько манкирует своими обязанностями.

– Это – наш секретарь князь Гарин, – пояснила Лике ее соседка и племянница баронессы Циммерванд.

– С некоторых пор он совершенно игнорирует нашим обществом, – недовольным голосом произнесла баронесса. – Заперся дома и всячески ублажает свою дикую маленькую воспитанницу.

– Вы правы как и всегда, ma tante! Сейчас только убеждал Хану заняться французским чтением с ее гувернанткой! – произнес с порога залы красивый мужской голос.

– «Точно поет!» – разом мелькнула быстрая мысль в голове Лики при первых же звуках этого голоса, и она подняла глаза на говорившего.

Это был невысокий, тонкий и чрезвычайно изящный человек лет сорока в безукоризненно сидевшем фраке, сильною проседью в волнистых волосах, с ясным смелым и добрым взором больших темных глаз, с несколько усталой усмешкой и опущенными углами рта, и с какою-то тихой печалью в чертах лица, во взгляде и в самой этой усмешке.

Когда Гарин улыбнулся, показав ослепительно белые зубы, Лике он напомнил синьора Виталио, ее далекого друга.

– Тетушка-баронесса права, я действительно был занят Ханой все это время! – повторил еще раз князь, входя в комнату и красивым движением головы и стана склонился в одном общем поклоне перед дамами. Потом он бросил портфель, который держал в руке, на сукно стола и тут только, заметя Лику, поклонился ей отдельно, официальным поклоном незнакомого человека, который в силу необходимости обязан быть представленным ей.

– Князь Гарин! – произнесла соседка Лики, в то время когда девушка отвечала смущенным наклонением головки в ответ на его молчаливое приветствие.

«Это – тот самый, который поет так хорошо», – вспомнила Лика относящиеся к князю слова ее брата Анатолия.

Несколько дней тому назад, когда дело концерта в пользу общества было уже решено и Мария Александровна дала свое согласие Лике участвовать в нем. Анатолий, стараясь успокоить светскую щепетильность матери, сказал:

– Отчего бы и не выступить Лике в качестве певицы, я не

понимаю. Ведь сам князь Гарин – настоящий аристократ по крови и рождению, а дал вам свое согласие, мама, участвовать со своими песнями в вашем концерте, – и тут же попутно рассказал своей сестре, как дивно поет эти песни князь Гарин, каким успехом пользуются они у избранной публики их круга.

Лице князь понравился сразу своим открытым добрым лицом и смелыми пронизательными глазами, где было много открытого благородства, честности и доброты. Баронесса Циммерванд ласково поглядывала на своего племянника.

– Утомился, небось, с Ханой. Все балуешь свою любимицу, вот и поделом тебе! Назвался груздем – полезай в корзину... – проговорила она шутливо, похлопывая по плечу князя.

– В кузов! – в один голос поправили ее обе юные баронессы, ее дочери.

– Ну и в кузов! – ворчливо пробурчала их мать своим басом, – точно я не знаю сама, что в кузов. Обрадовались, что мать в ошибке уличить могли. Вы, детка, не удивляйтесь, – неожиданно обратилась она к Лике, – что они меня ловят на словах. У меня хоть и фамилия немецкая, да и супруг – настоящий немецкий барон, а я вот взяла да и стала на зло всему – русскою. Щи да кашу люблю до смерти, габерзуппы немецкие разные и всякие там миндальности терпеть не могу, а по-немецки знаю два слова лишь: *Donnervetter* (гром и молния) да «клякспапир» еще, и ничегошеньки больше.

Честное слово.

– Клякспапир – не немецкое слово, – пискнула одна из баронесс, которую звали Машенькой.

– Эх, умна! Эх, умна, матушка! – так и набросилась старуха Циммерванд на дочку, в то время как князь Гарин, обе княжны Столпины и Лика громко и весело рассмеялись шутке старухи.

– Silense,⁸ mesdames! – внезапно прозвучал голос Марии Александровны, занимавшей сегодня место отсутствующей председательницы, принцессы Е.

Князь Гарин встал со своего места и прочел месячный отчет общества. Потом стали обсуждать дела о приеме в него многих детей, которых за последние дни отобрали у их хозяек и родственников, дурно обращавшихся с ними.

В ушах Лики замелькали имена и фамилии то смешные, то звучные и красивые, то самые обыкновенные, каких можно много встретить на каждом шагу.

– Двадцать человек детей! – присовокупил секретарь общества, закончив чтение отчета.

– Вы справлялись насчет их бумаг, князь? – спросила его старшая из хозяек дома.

– Как же, как же! Был даже лично, – поклонившись в ее сторону по-французски ответил тот.

– А ты по-русски говори. Нечего тут французить. Господи! совсем они все свой родной язык загнали! – накину-

---

⁸ Тише.

лась на него неугомонная баронесса. – Что это? Минуты без французского кваканья прожить не могут, – возмущалась она ни то шутливо, ни то серьезно.

– Слушаю, ваше превосходительство! – вытягиваясь в струнку перед теткой, шутя отрапортовал племянник.

– А есть дети, которые сами пришли, Арсений? – обратилась княжна Дэви старшая, повернув голову к высокому представительному лакею, обносившему в эту минуту чаем общество, помещавшееся за столом.

– Есть, ваше сиятельство, как же! Мещанка Федосья Архипова в кухне дожидается, сидит. Просит позволения войти. Девочка, этак лет четырнадцати, от «мамамы» убегла, от модистки... Говорит били ее там шибко, жизни не рада была своей.

– Зови же ее, Арсений! Зови скорей! – приказала княгиня Дэви лакею.

Тот бесшумно удалился, ступая по ковру мягкими подошвами, и через минуту снова появился в сопровождении чрезвычайно милостивой девочки с наивным бледным личиком и испуганными детскими глазами.

– Какая хорошенькая! – успела шепнуть княжна Дэви младшая, наклонившись к уху Лики. – Просто картинка! И такую бедняжку они могли обидеть!

Однако, «картинка» была далеко не в приятном настроении духа от внимания стольких нарядных и важных барынь. Она пугливо смотрела на них изподлобья своими детскими

глазами и, то и дело закрываясь рукавом кофты, стыдливо краснела и потупляла глаза.

– Не бойся, милая, подойди сюда, – ласково обратилась к ней хозяйка дома.

Но Феня Архипова только метнула на нарядную барыню тем же смущенным и испуганным взором и приблизилась лишь по новому приглашению к зеленому столу.

– Как тебя зовут, мой голубчик? – обратилась к Фене Архиповой, княжна Дэви старшая.

– Федосьей-с, Феней звать, – отвечала та и вспыхнула до корней волос.

– Чем недовольна, на что нам жалуешься, голубушка? – обратилась Мария Александровна к Архиповой.

По свеженькому личику Фени пробежала судорога; оно разом искривилось в плачущую гримасу, и прежде чем кто-либо мог того ожидать, девочка с громким рыданием упала к ногам старшей княжны, сидевшей у края стола, и запричитала, всхлипывая, как маленький обиженный ребенок:

– Барыня... голубушка... родненькая... да, что же это такое! Да сколько же времени это продолжаться будет. Господи! Что за напасть такая! Ведь били меня, так били у мадамы нашей, чуть что не пондравится ей самой, али мастерицам, за волосы, либо за ухо трепали. А реветь зачнешь, еще того хуже осерчает хозяйка, грозилась и вовсе в гроб вогнать... Ну я и прибежала сюды, значит, потому, как слыхала, что заступятся здесь, – всхлипывала Феня.

– А что же ты слышала? – вмешалась старая баронесса, обращаясь к девушке.

Плач Фени разом прервался. Глаза блеснули, она поборола остаток робости и смущения и, доверчиво взглянув на старуху, она сказала:

– Слыхала, значит, как при мне у мадаминных заказчиц разговор был, что барыни ласковые «обчество» собирают такое, в котором обиженных детей в приют определяют, али на места. Услыхала, значит, и побегла сюда кряду, тишком побегла, чтобы никто не узнал. Думала не здесь, выгонят, – чуть слышно закончила девочка свою сбивчивую, расстроенную речь и вдруг бухнула снова на колени и снова заголосила истошным голосом.

– Барыньки! Миленькие! Хорошие, пригожие, – не гоните меня отселева. Дайте мне от колотушек и щипков отойти; заступитесь за меня, ласковые, хорошие! Места живого на мне нет, вся в синяках хожу от щипков да палок. Господа милостивцы, заставьте за себя Бога молить! Родненькие! Добренькие! Заступницы вы наши! – и совсем припав лбом к паркету, Феня пуще зарыдала отчаянными рыданиями измученного, в конец обездоленного, ребенка.

Все присутствующие были очень потрясены и взволнованы этим неподдельным порывом детского горя.

Старая баронесса Циммерванд налила воды из графина в стакан, стоявший тут же на столе и подала его своему племяннику Гарину. Тот встал со своего места и передал воду

плачущей девочке.

Мария Александровна, сочувственно покачивая головою, первая прервала молчание.

– Mesdames et monsieur, – прозвучал под сводами нарядной большой комнаты ее звучный, красивый голос. Она обвела всех присутствующих взволнованным взглядом. – Эта бедная девочка нуждается в немедленной защите. Нам необходимо записать все то, что она сейчас говорила здесь, необходимо тотчас же навести подробные, верные справки, о жестоком обращении с ней хозяйки мастерской и ее помощниц.

– Непременно навести справки, – в один голос произнесли обе княжны Дэви, а за ними и остальные дамы.

– Успокойся, девочка, – обратилась затем старшая княжна к продолжавшей все еще плакать и всхлипывать Фене, – утри свои слезы и возвращайся с Богом в мастерскую, а завтра мы пришлем полицию к твоей хозяйке. Поедет князь наш секретарь за тобою и велит сделать протокол о дурном с тобою обращении. А затем возьмет тебя уже оттуда совсем и ты уже никогда туда не вернешься больше.

– Да, да, – глухим старческим голосом проговорила фрейлина, тетка Нэд, – ты потом туда никогда уже не вернешься больше. Иди же с Богом, крошка, и да хранит Он тебя!

При этих словах Феня снова округлившись от ужаса глазами взглянула на теснившихся за зеленым столом присутствующих.

– Как назад? – проронили ее побелевшие губы, – да как же

я могу назад то таперича вернуться? Да она, хозяйка моя, до полусмерти избьет меня, лиходейка, за то, что без спросу от нее убегла.

– Что ты! Что ты, девочка! Да кто же ей позволит сделать это! – произнесла Мария Александровна, глядя Феню по головке, – да мы Арсения с тобой снарядим в мастерскую. Она не посмеет пальцем тронуть тебя, не то, чтобы бить.

– Как же не посмеет! – неожиданно резко, почти в голос выкрикнула Феня, – так и спросила она позволения у вас! До смерти заколотит таперича, до утра не дожить мне, коли к ней вернуться!

И она опять запричитала слезливым, протяжным голосом, плаксиво растягивая отдельные слова:

– Барыньки, голубоньки, милые, родненькие... Оставьте вы меня у себя здесь... Ради Христа Спасителя, я на кухне побуду, убирать посуду повару пособлю... Я умеющая, ни какая-нибудь лентяйка, не дармоедка какая! Вот вам Христос, заслужу вам за вашу доброту.

Все молча потупились при этих словах взволнованной девочки. Всем было бесконечно жаль Феню.

Никто ни высказывал волновавших в эти минуты душевных настроений, но далеко беспокойно было в сердцах всех собравшихся здесь людей.

Бледная, без кровинки в лице, сидела Лика на своем месте. В продолжении всей этой тяжелой сцены, она была как на иголках. Ей было бесконечно жаль эту бедную жалкую

плачущую Феню, и она искренно негодовала в глубине души на всякие правила и уставы общества, которые мешали вырвать сразу маленькую жертву из рук ее мучителей.

Когда же бедная девочка вне себя от волнения зарыдала еще громче, еще сильнее, сердце Лики замерло от боли сострадания и жалости к ней.

Какая-то горячая волна прилила к сердцу молодой девушки и захлестнула ее с головою. Какое-то мучительное чувство, нестерпимое по своей остроте переживаний заставило Лику привстать со своего места и задыхаясь, не помня себя проговорить:

– Ах, нет! Нет! Не делайте этого, не делайте, ради Бога! Это жестоко! не надо ждать до завтра! Оставьте ее сегодня у вас!

– Явите такую Божескую милость, не отсылайте никуда отседа! – эхом отозвалась и Феня, и в ожидании ответа, слезливо заморгала припухшими, красными от слез веками.

Худая, тонкая Нэд теперь поднялась со своего места:

– Ты просишь чересчур многого уже, моя милая! – проговорила она сухим деревянным голосом обращаясь к Фене, – не забудь, что наше общество должно твердо выполнять раз и навсегда установленное правило: прежде нежели взять откуда бы то ни было обиженного злыми людьми ребенка, мы должны навести справки о нем, затем отправить дитя к его «обидчикам» для составления протокола и тогда только можно будет взять тебя от твоих угнетателей, тогда, но не

раньше! – ледяным тоном заключила она.

– Убьет она меня, бесприменно убьет, – скажет: «Господам нажалилась, потихоньку от меня бегаешь, так-то» и забьет до смерти, пока что, до завтра-то, – не слушая никаких доводов и увещаний, по-прежнему шептала в смертельной тоске Феня.

– Ах, какая ты скучная, однако, девочка, – вмешалась сидевшая княжна Дэви, – сказано тебе: ты можешь идти спокойно, тебя проводит лакей и пристращает твою хозяйку, а завтра...

Но Феня и не дослушала того, что ей обещано было княжною завтра. Жестом отчаяния всплеснула она руками и крикнула уже в голос:

– Увидите, до смерти забьет она меня! – и как безумная бегом бросилась из залы заседания.

Гробовое молчание воцарилось в зале после ее ухода. Все дамы застыли, как мраморные изваяния, на своих местах. Темные брови высоко поднялись на красивом лице Марьи Александровны Карской, и Лика услышала, сдержанное: – «Какая мука» долетевшее до ее ушей. Что было потом, Лика едва ли запомнила впоследствии... Волнуясь и спеша, она снова поднялась со своего места, сознавая только одно: она не могла молчать. Ей надо было высказаться во что бы то ни стало. Волна, прихлынувшая бушующим потоком к сердцу молодой дьвушки, окончательно поглотила ее. Дрожащая, бледная стояла она теперь, опираясь руками о края зеленого

стола и из ее маленького ротика внезапно полилась горячая речь в защиту убежавшей из зала Фени:

– Так нельзя! Нельзя! – захваченная своим волнением, пылко говорила, торопясь и несказанно горячась Лика: – вы доводите до полного отчаяния таким отказом бедную девочку. Поймите одно: она же говорила, ей нельзя возвращаться в мастерскую, хозяйка ее там прибьет до смерти. Кто знает? еще могут ее искалечить побоями. Ведь она просила, ах, как просила оставить ее здесь... Верните же ее... нельзя ее пускать! Господи! Господи! как страшно все это! До полусмерти забьют неповинного ребенка. Что тогда будет со всеми нами? Да наша совесть замучает нас всех, членов общества защиты от жестокого обращения с детьми! Разве мы ее защитили, эту Феню? Разве мы сделали для нее все, что надо было... Завтра уже может быть поздно будет. Завтра. Да если бы я, кажется... Господи... не знаю только, только...

Лика не договорила. Крупные слезы, все время наполнявшие ее большие серые глаза, медленно выкатились из них и повисли на длинных ресницах.

Едва только она закончила свою так неожиданно вырвавшуюся из уст ее пылкую речь, как тотчас же, вслед за нею загудел могучий бас баронессы Циммерванд, в свою очередь с волнением ловившей каждое слово молодой девушки.

– Пойди ты ко мне, моя прелесть, дай ты мне, старухе, как следует расцеловать тебя! – и когда золотистая головка Лики прильнула к ее могучей груди, великанша продолжала гудеть

своим неопишущим басом, оглядывая собрание торжествующими и умиленными в одно и тоже время глазами: – А ведь она права. Устами детей Сам Господь глаголет! Девочка, ребенок, всех нас, взрослых да старых, уму-разуму научила. Мы тут бобы разводим, тути-фрутти всякие, а там молодые жизни гибнут. Куда как хорошо!

– Девочка моя! – обратилась она к смущенной Лике, – большое тебе спасибо, что ты меня, старуху глупую, уму-разуму научила! Ведь и я тоже... против Фени этой грешна была, а ты мне точно страницу из Евангелия прочла, как мне поступать велено. Ах ты, умница моя, родная!

– Арсений! Что эта девочка, не ушла еще? – обратилась она к почтительно склонившемуся пред нею лакею.

– Никак нет-с, ваше превосходительство, она здесь, еще на кухне!

– Так подавай нам ее сюда да скажи ей по дороге, кто за нее ходатайствовал, – обрадовалась и заторопилась старая баронесса.

– Слушаю-с!

И Арсений вышел, мягко шурша подошвами.

– Ну, что притихли? – снова обратилась старуха ко всему действительно притихшему обществу, – не по-формальному, не по-законному Циммервандша поступила скажете? а? «сбрэндила»? на старости лет старуха? – Да, пусть «сбрэндила», по вашему по-законному вышло. Что делать? Что делать, друзья мои! Еще раз повторяю, устами детей сам

Бог... – она не договорила, махнула рукой и повернула голову к двери, на пороге которой уже стояла Феня. Баронесса улыбнулась девочке своей доброй улыбкой: – Вот твоя ходатайша, благодари ее! – и она указала рукой ребенку на смущенную Лику.

– Барышня моя золотая! Ангел вы мой! Спасительница! всю мою жисть неустанно за вас Богу молиться буду. Спаси вас Господи, – снова залепетала Феня и, как сноп, рухнула к ногам Лики.

– Господи! Ей худо! Худо ей! Помогите, – взволнованно пролепетала испуганная девушка, – ах, Боже мой, какое несчастье! Воды! Капель... Феня! Феня... Что ты!

Лица сама была близка к обмороку в эту минуту от потрясающего ее волнения. Почва точно уходила из-под ее ног, голова кружилась. Ей хотелось и плакать и смеяться в одно и то же время.

Все переживаемое ею давало себя сильно чувствовать молодой девушке.

– Успокойтесь! – вдруг раздался звучный мужской голос над ухом Лики, – вот вода! Выпейте! Она вас несомненно успокоит, бедное дитя! – и чья-то рука протянула ей стакан, до краев наполненный водою.

Лица повернула голову и встретила глазами с князем Гариным.

– Благодарю вас, – тихо, чуть слышно прошептала она.

– Нет, уж не вам, мне, старику, позвольте лучше поблаго-

дарить вас, дорогое дитя, – произнес он своим певучим красивым голосом, – за то, что познакомили меня сегодня с настоящим драгоценным порывом настоящей русской души! – и низко склонив перед вспыхнувшей до ушей Ликой свою красивую седеющую голову, князь отдал всем короткий общий поклон и исчез за толпою окружавших Лику дам из глаз девушки.

В ту же минуту Лика услышала взволнованный голос матери, и перед ней предстало нахмуренное лицо бледной Марии Александровны со следами явного волнения на нем.

Лика едва узнала в нем прежнее, всегда обаятельное, чудно ласковое лицо прежней ее чаровницы мамы.

От Марии Александровны как бы веяло ледяным холодом. Что-то суровое залегло между бровями.

– Pardon! – еще раз сухо проронила едва пробираясь сквозь толпу дам к креслу дочери. Потом взяла под руку Лику и вывела ее из зала.

На пороге вестибюля их догнала великанша баронесса.

– Послушайте, *chere ami*, вы должны привести ко мне вашу прелестную девчурку! – прогудела она вслед им своим неподражаемым басом.

– Что за ужас вы выкинули сегодня! – словно чужим, деревянным голосом, вдруг ставшим внезапно похожим на голос Рен, начала Мария Александровна, лишь только она с дочерью очутилась в карете, все время ожидавшей их у дома княжена.

– О, мама! – могла только выговорить Лика.

– Ты скомпрометировала меня перед обществом, Лика, – еще строже произнесла Мария Александровна. – Эта Нэд Гончарина и обе княжны Дэви сегодня же разнесут по городу, что у меня невоспитанная оригиналка-дочь. Какой ужас!

– Но, мамочка! – снова взмолилась Лика.

– Молчи лучше! Ты была неподражаема с твоей защитительной речью! Точно какой-то присяжный адвокат в юбке. Ужас! О чем думала тетя Зина! Как она воспитала тебя! Разве можно молоденькой девочке таким образом разговаривать со старшими? Что ты хотела показать, наконец, своим поступком; что все мы отстали, бессердечны и глупы, а что ты одна только сумела вникнуть в самую суть дела и придать ему истинную оценку? И эта странная, вроде тебя самой, баронесса, прославившаяся на весь Петербург своей оригинальностью, и князь такой же оригинал и эксцентрик! Что скажет обо всем этом принцесса Е..., высокая покровительница нашего общества?.. А графиня Муримская и графиня Стоян? У них дочери воспитаны в полном повиновении старшим и твоя выходка поразила их всех.

«Мама! – хотелось крикнуть Лике в порыве детского отчаяния и тоски, – не будь такую суровою, мама! Прости меня, ради Бога. Не сердись, умоляю тебя, милая, золотая! Мамочка! сердце мое, голубушка! Будь прежней ласковой, вернись ко мне, вернись».

Но, внезапно поймав на себе критическо-строгий, чуть

насмешливый взгляд матери, Лика разом осеклась и замолчала на первом же слове.

И мать и дочь впервые в этот вечер разошлись опечаленные, огорченные по своим комнатам. Мария Александровна негодовала на Лику за ее резкую выходку, не вязавшуюся по ее мнению с условиями светских приличий. Лика страдала.

VIII

Князь Всеволод Михайлович Гарин жил в роскошном доме-особняке на самом конце Каменностровского проспекта.

Это было чудесное здание старинного барского типа, какое очень трудно встретить между новыми постройками Петербурга. Дом стоял среди огромного сада. Разросшиеся липы, буки и дубы почти скрывали его от любопытных глаз прохожих со стороны улицы.

Было около восьми часов вечера, когда князь Всеволод после утомительного дня разъездов по делам общества остановился в своем изящном кэбе у ворот своего роскошного сада, еще не потерявшего вполне своей багровой и желтой в это осеннее время листвы.

Князь возвратился домой сегодня позднее обыкновенного.

После отъезда матери и дочери Горных с заседания общества, он побыл еще около четверти часа в гостиной княжен, потом отправился хлопотать по делам общества, исполнять не легкие обязанности его секретаря. По пути мысли князя то и дело возвращались к сегодняшнему случаю, происшедшему на заседании.

Добрый, отзывчивый и очень чуткий по натуре человек он не мог не оценить поступка Лики Горной, вызванного горячностью и добротою девушки. Ее личико, возбужденное, ды-

шащее восторженным порывом, взволнованное и прекрасное в своем порыве, стояло перед ним, как живое в ореоле золотистых кудрей. Большие, серые глаза, чистые и исполненные огня, неотступно светили князю с той самой минуты, как он увидел в них слезы, – эти прозрачные слезинки, так беспомощно повисшие на длинных ресницах Лики. А молодой звучный сильный голос девушки, напоминающий ему другой такой же сильный, врывающийся прямо в душу голос его умершей жены, не переставал слышаться князю и заставлять его вспоминать Лику.

И потом эта страстная сила, этот чистый экстаз, скрывающийся в гибком, стройном, духовном облике девушки в соединении с ее изящной головкой еще более напоминали ему его любимую жену-покойницу, такую же экзальтированную молодую и прекрасную, но ни одной внешней красотой, сразу привлекла его к себе почти не знакомая ему чужая девушка. Лика Горская совсем не походила на тех светских барышень, которых он встречал до сих пор. Разве которая-нибудь из них решилась бы произнести в присутствии большого собрания свою пылкую защитительную речь в пользу бедной обездоленной девочки? Разве бы другая молоденькая барышня выступила бы так смело со своей просьбой! Разве все эти эгоистичные, жаждущие только удовольствий, девушки осмелились бы защищать права человеколюбия и милосердия?

Князь печально усмехнулся, живо вообразив себе одну из молодых баронесс Циммерванд или Нэд Гончарину на месте

Лики.

Когда князь только что вошел в зал Столпиной, он сразу увидел ее с ее большой шляпой и чудным личиком.

Он сразу заметил ее сходство с покойной женой Кити, которую он обожал и которую пять лет тому назад схоронил от скоротечной чахотки – в далекой, чужой стране, где тогда служил в консульстве.

– Какое сходство! Точно то были две сестры, две родные сестры Кити и Лика!

Князь сошел со своего высокого, щегольского кэба, приказав откладывать лошадь, а сам по широкой аллее прошел к дому. Войдя в просторный вестибюль его, он проследовал оттуда дальше, минуя ряд больших просторных комнат, поражавших роскошью убранства, достиг, наконец, кабинета, сплошь заставленного массивными шкафами красного дерева и бюстами Вольтера, Ницше, Шопенгауэра, Спенсера и прочих крупных философов мира.

Князь любил философию больше прочих родов науки. Не меньше ее любил и путешествия князь Гарин. Почти всю свою жизнь он проводил за границей. Его манила красота, та античная красота древней Греции, которая водила слепца Гомера во время его создания «бессмертной» «Илиады», которая создавала людей, похожих на богов и титанов, которая воздвигла мощную силу классической Эллады. Манила не менее и красота в природе. Только причудливо переплетенные кисти плюща, чуть дышащие лепестки розы и готи-

ческие колонны древних развалин какого-нибудь греческого портика действовали в почти одинаковой силе на причудливую натуру князя.

Он рыскал по свету, делал огромные концы, кидался от холодных волн Ледовитого океана к певучим водам теплой Адриатики, ища чего-то неуловимого и неопределенного, чего-то смутного, как сон.

И только когда он погружался в чтение своих философов, отыскивая в них решение того, что казалось ему самому непонятным и что они решали так просто и легко или же занимался пением своих излюбленных, им самим скомпонованных песен, князь Гарин находил некоторое удовлетворение и затихал на время от своей печали.

А печаль у него была крупная, большая, мучительная и неизлечимая. Пятнадцать лет тому назад он встретил на своем пути хрупкую, нежную и очаровательную девушку и назвал ее своей женой. Счастье их брачной жизни было не прочно. Прелестная Екатерина Аркадьевна таила злой недуг в груди. Ее родители передали ей в наследство этот семейный недуг. Чтобы поддержать эту хрупкую жизнь, князь Гарин увез жену за границу. Там она тянула десять мучительных лет, чтобы растаять, умереть на одиннадцатом. За год до смерти своей, молодая еще, двадцатисемилетняя княгиня, не имея собственных детей, привязалась к маленькой япончке-сироте, которую они с мужем подобрали на улице. Это было в Токио, столице Японии, в стране «Восходящего солн-

ца». Малютка Хана, княжеский приемыш, так привязалась к умирающей, так полюбила княгиню, что перед смертью молодая женщина умоляла мужа оставить у себя девочку, перевезти ее в Россию, лелеять и холить, как родную дочь. И князь Гарин без малейшего колебания исполнил просьбу обожаемой супруги. Княгиня Екатерина Аркадьевна умерла под кровом далекого восточного неба... Там, на берегу Тихого океана, потерявшийся от горя и отчаяния князь, ухватился как утопающий за соломинку – за свою последнюю привязанность на земле, оставшуюся ему в наследство после княгини, – за маленькую еще тогда семилетнюю японочку Хану. Благодарный и тронутый ее рабским обожанием покойной воспитательницы князь Гарин, в свою очередь, как родной отец, привязался к девочке. О ней думал он и теперь, сейчас, вместе с мыслями о доброй, милой Лике, сидя в своем огромном кабинете, с потухшею сигарою в руке.

Внезапный легкий стук в дверь вывел князя из его глубокой задумчивости. Он спросил по-французски:

– Ты, Хана? Войди, малютка!

Портьера зашевелилась и между двумя половинками тяжелых бархатных драпри появилась странная, маленькая фигурка, совсем молоденькой девочка в голубом, расшитом цветными шелками по лазурному фону, кимоно,⁹ особенный род платья, какие носят японки. Вошедшая была еще совсем ребенком. Она казалась крошечной куколкой с ее прелест-

---

⁹ Японский халатик.

ным, как бы фарфоровым личиком, по которому то здесь, то там ясно и отчетливо проступали голубые жилки; с черными кротко-шаловливыми глазками и с алым ротиком, похожим на два маковые лепестка. Ее изжелта-белое личико напоминало своим цветом цвет слоновой кости. Высокий, розовый оби (шелковый пояс) с золотыми шнурами на концах был завязан громадным щегольским бантом на узкой тонкой спине этой маленькой куколки; из-под распахивающихся пол халатика-кимоно выглядывали крошечные ножки девочки, обутые в щегольские, шитые золотом европейские туфельки, на голове вздымалась высокая прическа из блестящих, словно глянцем покрытых волос, прическа, обильно снабженная всевозможного рода черепаховыми гребнями, золотыми ободками и металлическими стрелами и шарами. Руки этого миниатюрного создания были почти сплошь унизаны бесчисленными браслетами и запястьями, которые при каждом движении производили металлический звон.

Ее можно было бы свободно принять за семилетнюю по росту, хотя Хане было уже от роду двенадцать лет.

– Здравствуй, рара Гари! – проговорила она едва понятно по-русски. (Этому языку выучил ее князь). И, подбежав к отцу, вскарабкалась на ручку его кресла.

– А ты опять по-своему оделась, Хана! Зачем? Сколько раз я просил тебя, дитя мое, приучаться к нашему европейскому платью, – недовольно нахмурив брови, но скорее печально нежели строго, произнес князь, бросив беглый, про-

ницательный взгляд на прелестный костюм японочки.

– Так ты никогда не приобретешь европейский образ, моя девочка.

– Но ведь Хана надела же русские сапожки, – засмеялась звонким совсем детским смехом, похожим на шелест весеннего ветерка, Хана, забавно ломая и коверкая слова. – Гляди! они золотые, точно желтые хризантемы нашей страны. А если бы и так, – прибавила она с лукавой усмешкой, – а если бы и так! Хана не любит русского платья, в нем тесно, неудобно; у себя в Токио Хана его же не носила никогда.

– Но у себя Хана была маленькой дикаркой. А теперь, когда Хана в России, ей надо вести себя иначе, – с улыбкой проговорил князь, ласково глядя блестящую, черную голову своей воспитанницы.

– А рара Гари разве едет сегодня куда-нибудь? – с любопытством, понятным ее возрасту, осведомилась японочка, не отвечая на замечание отца.

– Нет, твой рара проведет с тобою вечер, будет читать тебе книжку и учить тебя русской азбуке, – печально и ласково говорил князь. Таким печальным и ласковым он был всегда со дня смерти любимой жены, в лице которой лишился большого друга.

– Вот славно! – обрадовалась Хана и даже, подпрыгнув на своем месте, захлопала в крошечные ладоши, причем все ее бесчисленные браслеты зазвенели еще музыкальнее и звонче на ее руках. – А потом Хана споеет тебе песенку о краса-

вице-мусме (девушке), взятой морем? Хорошо, рара Гари? Хочешь, папа Гари? Да?

– Нет! Не пой мне сегодня, Хана! Мне не до песен, моя малютка.

– Ты опять скучаешь по маме Кити? ты болен? – уж тревожно спрашивала маленькая японочка, подняв свои тоненькие, словно выведенные кисточкой с тушью брови и делаясь уже совсем похожей на маленького ребенка с этим, замечательно шедшим к ней, наивно-милым выражением лица.

– Успокойся! Со мной не случилось ничего особенного, Хана, мне просто взгрустнулось нынче, – успокоил ее князь.

– Тебе скучно! – печально улыбнулась малютка, с преданностью собачки глядя в глаза названного отца, которого она называла рара Гари не будучи в силах произнести его имени. – Но позови тогда своих друзей и родственников, рара, купи сладкого, фруктов и конфет, вели Хане надеть ее новый, лучший кимоно и новый пояс оби и вели ей спеть свою лучшую песенку. И тогда милый отец перестанет скучать... Верно говорит Хана?

– Нет, моя малютка, не перестанет, – печально усмехнулся князь и, взяв в обе руки ее крошечное личико, поцеловал в детский открытый лобик. Маленькая японочка вся просияла от этой ласки единственного близкого ей в мире человека. Всю свою бесконечную любовь к покойной княгине она теперь перенесла на князя. Он был для нее в одно и то же вре-

мя и отец и друг, добрый старый друг сироты Ханы, увезший ее так далеко от голубого неба ее родины, который любил и баловал ее как собственного ребенка. Князь, на сколько мог, старался скрасить жизнь своего маленького приемыша.

По ее неотступной просьбе, он отделал с возможной роскошью ее комнатку, разбросал в ней мягкие циновки и та-тами,¹⁰ расставил всюду хорошенькие ширмочки, выписанные из Японии, развесил разноцветные фонарики, чтобы как можно точнее воспроизвести родную обстановку в ее памяти и напоминать ей ее далекую, покинутую родину, по которой она скучала. В углу комнаты князь устроил настоящую японскую хибаччи,¹¹ около которой грелась малютка. В противоположном же углу комнатки стояла высокая конусообразная самогрелка-ванна,¹² которую ежедневно наполняли горячей водою и в которой купалась Хана, согласно привычке своего народа.

На полочках по стенам комнаты, выстеганным голубым атласом, были расставлены крошечные изображения Будды и маленькие кумиры. Перед ними лежали засохшие цветы, травы; кусочки пирожного и конфет казались в виде жертвоприношений перед ними, тут же стояли японские чашечки величиною с наперсток, наполненные до краев душистым,

---

¹⁰ Подушка для сиденья. В Японии сидят на циновках и подушках прямо на полу.

¹¹ Жаровня огня.

¹² Японцы ежедневно берут горячие ванны.

ароматичным чаем. Словом, всевозможные дары, которые ежедневно приносила в жертву своим божкам аккуратная маленькая Хана.

Князь никак не мог убедить девочку принять, христианство. Хана молилась по-своему своим божкам и ни о чем другом и слышать не хотела. В этой странной азиатской комнате постоянно пахло ирисом или мускусом, и сама ее маленькая хозяйка походила на редкий и нежный цветок. Даже самое имя «Хана» значило цветок по-японски, – красивое имя, по мнению маленькой девочки, которым она справедливо гордилась.

Здесь, в ее прелестном уголке, было немало и настоящих цветов. Князь заботился о том, чтобы его приемной дочурке, любившей цветы с трогательным постоянством, было приятно видеть их всегда перед глазами. Тут были и желтые и розовые и белые, как снег, хризантемы, наполнявшие фарфоровые вазы, расставленные на низеньких, в виде подносов и скамеечек, столиках, и редкостные лотосы, дети оранжерей, и розы всевозможных цветов и оттенков. Цветы заменяли игрушки Хане.

И когда ей становилось невыносимо тяжело и грустно без этой родины, без ее славного «Дай-Нипон», о котором она сладко и грустно мечтала, бедная девочка брала свой музыкальный ящик и извлекала из него жалобно-певучие звуки, подтягивая им своим тонким, как пастушья свирель, голоском.

Обыкновенно это случалось в то время, когда ее дорогой приемный отец уезжал из дома, а гувернантки, приставленной к ней, Хана дичилась и избегала почему-то.

Умерла княгиня Гари, «мама Кити», и рара Гари оставляет Хану одну, – трогательным голосом жаловалась девочка в своих, ею самой сочиненных, песенках. Она тут же развивала приходившие ей мысли в целые песни и пела эти заунывные японские песенки на весь дом звонким и нежным голоском.

Но сегодня ей не хотелось плакать. Ей было хорошо сидеть так, подле ее названного отца, который раскрыв большую книгу азбуки с раскрашенными картинками, учил по ней читать маленькую Хану.

Сегодня Хана как-то особенно трогала князя и в голове его, в этой убеленной, благодаря пережитому горю, ранними преждевременными сединами, голове невольно вставала мысль!

– Бедная девочка жестоко скучает в одиночестве. Никакие гувернантки не смогут заменить ей той сердечной ласковой привязанности, которую она встречала в лице покойной княгини. Хорошо было бы найти ей такого же доброго друга, любящего и отзывчивого, который бы позаботился о ней; старшую сестру и подругу, которая бы сумела занять, развлечь Хану, приучить ее понемногу, исподволь к мысли принять христианство, быть ее названной матерью и руководительницей, как трогательно его просила перед смертью своей княгиня Кити, обожавшая маленькую японку, как соб-

ственное горячо любимое дитя.

– Женись поскорее вторично, Всеволод, иначе тоска загубит тебя и нашу бедную малютку в одиноком огромном Петербургском доме... Душа Ханы ищет веселых детских радостных впечатлений, звучит еще и сейчас в его ушах нежная предсмертная мольба покойнице.

Но князь был далек от мысли вступить в брак вторично. Слишком уж исключительно прекрасно было сердце усопшей доброй княгини!

И такой другой женщины, по мнению князя, не могло более встретиться на земле. Так, по крайней мере, думал князь до сегодняшнего дня, а сегодня перед ним неотступно стоял образ бледной взволнованной девушки с золотистыми прядями пушистых волос, со смелой горячей речью, образ Лики Горной с ее прекрасным порывом любви и милосердия, с ее ангельской доброю.

И потом, это поразительное сходство с покойной женою! То же обаяние, та же кротость во всем существе.

– Ты хотела бы снова увидеть море, Хана? – чтобы спугнуть странное впечатление, обратился он к своей питомице.

– Море? Какое? – так и встрепенулась она точно маленькая птичка.

– Ну море... океан, что ли, ваш океан, тихий... Хотела бы ты его повидать?

– О!

В этом «о» вырвалась такая бездна чувства и скорби

по оставленному родному краю, что князь Гарин невольно крепче прижал к себе черненькую головку, исполненный жалости к ней.

– И Токио хотела бы видеть? И Физияму?¹³ – и родные зары... и дженерикши,¹⁴ и Курума...¹⁵ Да? Хана? Скажи мне все, что чувствуешь, скажи мне правду, крошка моя!

Глаза маленькой японки блеснули, личико ее заалелось.

– Ради всего тебе дорогого не говори этого, отец мой! Не говори так! – вскричала она, прижимая свои крошечные ручонки к сильно забившемуся сердечку.

– Ты тоскуешь по родине, Хана? Хочешь вернуться туда?

Глаза маленькой японки расширились в каком-то благоговейном ужасе.

– Кван-Нан!¹⁶ Родина! Наш океан. Наше солнце!

– Хана моя, бедная, маленькая девчурочка! Хочешь ехать со мною на родину, спрашиваю я тебя?

– В Дай-Нипон? Навыки? Совсем? – чуть слышно поняли ее дрожащие губки.

– Это будет зависеть от тебя самой, пожелаешь – вернешься в Россию, нет – останешься там навсегда, малютка?

– А ты разве, рара Гари, останешься там со мною?

– Нет, я отвезу тебя туда, помешу там в надежные руки,

---

¹³ Красавица – гора близ Токио, считающаяся у японцев священной.

¹⁴ Колясочки, которые возят на себе люди.

¹⁵ Человек-лошадь.

¹⁶ Богиня милосердия.

останусь ждать тебя здесь, пока ты не пожелаешь вернуться ко мне, моя дочурка! – ответил князь, ласково глядя Хану по головке. Она забилась сильнее и вдруг застонала, до боли прикусив зубами свои яркие губки.

– Не хочу! Не хочу! Не останусь, не останется там без тебя твоя Хана! Помнишь, что «она» сказала Хане? Она велела беречь отца, рара Гари... Беречь до смерти... А Дай-Нипон и океан сберегут боги небес. И Хана останется с тобою, отец, ей не надо и родина, если рара Гари не останется там с нею! – волнуясь, заключила девочка.

И в экстазе любви и самоотречения, Хана прижалась губами к рукам ее названного отца.

– Крошка моя! – радостно произнес князь Всеволод, рас-
троганный этой беззаветной преданностью своей приемной дочери.

– Да благословит тебя Бог за твое сердечное чувство к твоему рара Гари!

IX

К концу августа Карские переехали в город, этому не мало способствовали хлопоты по устройству благотворительного концерта, который был затеян еще весной. Да и время стояло уже позднее. Сентябрь уже царствовал над природой. Лика теперь чаще оставалась наедине с матерью, ежедневно сопутствуя ей в поездках по магазинам, закупая материи, цветы и garnитуру для костюма, в котором она должна была в самом непродолжительном времени выступить в концерте. Добрые отношения между матерью и дочерью снова восстановились, но Мария Александровна стала строже обращаться с дочерью, следить за ее воспитанием, и постоянно напоминать девушке, что одно из самых ценных качеств человека – это умение владеть собою.

После злополучного заседания и проявления горячности Лики по отношению к окружающим, девушки заметно изменились. Лика стала сдержаннее, осторожней, стала учиться владеть собой, в проявлении своих порывов, и, как будто даже, сделалась точно вдумчивей, серьезней. Карская, внимательно приглядываясь к дочери, стала замечать, к своему крайнему удовольствию, что ее младшая девочка, мало-помалу, овладевает своими порывами и, оставаясь в душе той же чуткой Ликой, старается воспитать свой характер. Это не могло не тронуть Марию Александровну, которая сама бу-

дучи молодою старалась воспитывать в себе твердую волю, сдержанность в обществе, как это требовалось от молодой девушки хорошей дворянской семьи. Девушка ее лет должна была повиноваться старшим и не поднимать голоса против их решений. И ей горячо хотелось видеть дочь свою таковой.

– Во всем этом виновата молодость и излишняя пылкость, – решила Мария Александровна в тот же вечер, когда она впервые осталась недовольна Ликой за ее поступок на заседании.

– Да и тетя Зина невозможно избаловала девочку и надо много еще потрудиться над воспитанием Лики, чтобы сделать ее такою же, как другие девушки. А то эта особенность Лики, ее экзальтированность и порывистость много повредят ей.

И она, не теряя времени даром, тут же горячо принялась за Ликю, в душе одобряя и ее чувствительность и чуткость.

Но сама Лика, воспитанная тетей Зиной на свободе, с детства приученная ею выражать громко все то, что ее волнует и возмущает, заметя перемену к ней в отношении матери, как-то сразу затихла и сжалась. И веселость и детская откровенность Лики исчезли куда-то.

Видя, что мать не довольна ею и в то же время не сознавая вины в своем поступке там, на заседании общества, она, Лика, недоумевающая и опечаленная, ушла в «самое себя». Больше читала девушка, меньше выходила к гостям и в длинных письмах к тете Зине жаловалась на скуку, пусто-

ту и холод ее великосветской жизни. Действительно, в большой комфортабельной квартире Карских от всех углов ее так и веяло тем холодом, тем ледяным светским холодком, который способен заморозить каждое чуткое, впечатлительное существо. Особенно тягостны были будничные обеды и завтраки, когда весельчак Анатолий не приезжал из своего корпуса, где заканчивал курс учения для того, чтобы выйти в офицеры в следующую осень.

Эти завтраки и обеды с поминутно прерывающеюся нитью разговора или уже слишком оживленною болтовнею гостей были тягостью для Лики. Один только Андрей Васильевич, приезжавший только к обеду из своего министерства, мало говорил и больше слушал, храня тот же непроницаемый, всегда невозмутимо спокойный вид.

С того вечера в саду Лике так и не удалось поговорить с ним и отблагодарить за выхлопотанное у матери разрешение поступить в их филантропическое общество и участвовать в концерте.

Она и сейчас уже глубоко раскаивалась в том, что упростила мать записать ее в члены общества защиты детей от жестокого обращения. Разве она, Лика, знала заранее, что ей там нечего будет делать? И что первое же ее выступление на заседании в качестве защитницы Фени так не понравилось ее матери и повлекло за собою неприятность? Да, Лика теперь же так раскаивалась, что поступила туда. Не о такой помощи бедным мечтала она с детства. Ей хотелось бы са-

мой ездить по бедным углам чердаков и подвалов и помогать лично угнетенной детворе, так безумно нуждающейся в материальной помощи. Да, что же это наконец? Как же это? Где же проявлять можно истинное милосердие? Где то солнце, о котором говорили и синьор Виталио и тетя Зина? – с тоскою думала девушка мучительно ища выхода из того заколдованного лабиринта, в который она попала. Где же те бедные люди, нуждающиеся в хлебе и утешении? Как дойти, дотянуться до них? Между ними и мною, светской блестящей девушкой, целая стена, стена из бархата, шелка, веселой болтовни и равнодушных светских людей, сквозь строй которых ей нельзя к ним прорваться. И, чтобы увидеть их нужды, помочь им, сблизиться с ними, она должна опять-таки пройти через те же воротца филантропических учреждений, к которым она совсем не умеет применяться пока. Что же делать, однако? Не раз задавала себе вопрос девушка.

И она хандрила и томилась, и ее частые письма к тете Зине звучали все больше тоской и разочарованием. И только предстоящий концерт несколько оживлял и рассеивал Лику. Она теперь целые часы проводила у рояля, распевая свои песенки, от которых веяло ее милым коротким прошлым.

* * *

Устроители концерта буквально выбились из сил, отыскивая подходящего аккомпаниатора на мандолине. Наконец и

этот был найден; последнее препятствие было устранено, и Лика могла во всеоружии появиться перед требовательной петербургской публикой.

В день концерта молодая девушка встала гораздо раньше обыкновенного, около восьми часов утра, и чтобы убить, как-нибудь остающееся ей до вечера время, попросила Рен взять ее с собой в манеж, где последняя, под надзором мисс Пинч, в обществе мистера Чарли и Бэтси Строгоновой брала у берейтора уроки верховой езды. Они приехали туда как раз в то время, когда Бэтси в сопровождении своей компаньонки, немолодой и бесцветной швейцарки, садилась на лошадь. Чарли Чарлевич приехал еще раньше ее и теперь гарцевал с хлыстиком в руке на караковой породистой лошади в короткой жокейской вестке.

Лика, как не участвующая в верховой езде, села в стороне, недалеко от мисс Пинч и компаньонки Бэтси. Рен, со своей высокой фигурой, плотно охваченной амазонкой, в которой еще резче обозначались ее костлявые плечи, напоминала Лике какую-то большую черную птицу.

Длинный барон, гордо восседавший на своем караковом скакуне, был исполнен, по своему обыкновению, величайшего самодовольства и торжественности.

«Точно священнодействуют оба, – подумала Лика; – интересно было бы узнать, о чем говорят они с моей дражайшей сестрицей?»

Как раз в это время мистер Чарли повернул голову в сто-

рону Рен, отчего его высокие воротнички так и впились в худую, длинную шею, и говорил что-то невидимому очень серьезно, потому что выражение торжественности приняло еще более значительный отпечаток на его лице.

«Пари держу, он говорит о том, какие рекорды побил он на последнем состязании велосипедистов, а по виду точно решает дела государственной важности», – заключила Лика и невольно рассмеялась своим мыслям, громко и весело, на весь манеж, как давно уже она не смеялась за последнее время.

– Наконец-то! – услышала она подле себя веселый голос и перед ней предстала кругленькая, маленькая Бэтси Строгонова, чрезвычайно миленькая и смешная в своей синей амазонке и съехавшим на лоб высоченном цилиндре.

– Что «наконец-то?» – не могла не рассмеяться снова при виде ее забавной фигурки Лика.

– Смеетесь вы, наконец! – весело отвечала ей девушка, помахивая перед собою своим изящным хлыстиком, – а то сидит такая скучная-скучная. Знаете, вам не идет скучающее лицо, мадемуазель Лика, – серьезно прибавила она, – а впрочем, ваш брат говорит, что вы в серьезные минуты делаетесь похожи на святую Женевьеву.

– Толя? Это очень любезно с его стороны! – засмеялась Лика. – Братья редко восторгаются своими сестрами, милая m-lle Бэтси, но мой брат, кажется, искренне любит меня. А у вас тоже есть брат? – осведомилась она у своей сверстницы.

– Ах, разве вы не знаете моего брата, m-lle Лика. Если бы вы видели его! Какая это бесконечная, редкая доброта! Он только и думает о том, чтобы всем жилось хорошо и радостно на земле! Зато и его любят же наши рабочие, вот любят, если бы вы знали! А на заводе у нас так вслух говорят о нем: «Совсем не видно, что купец наш, Сила Романович, будущий заводчик, со всеми за панибрата держится». Я вас обязательно познакомлю с ним. Ведь вы не побрезгуете, что мы купеческого звания? – лукаво усмехнулась Бэтси.

– Какие вы глупости говорите! – полушутливо, полусердито проговорила Лика, – не все ли равны: купцы, князья, нищие, крестьяне. Все умирают рано или поздно, и их бренные останки превращаются в прах... Впрочем, вы немножко кривите душой, Бэтси. Ведь вы – графиня Строгонова, как мне пояснила Рен.

– Ха, ха, ха, – весело расхохоталась Бэтси. – И не думала даже никогда быть графиней! Храни Господи! Чур меня, чур! Я купчиха, и дядя купец-заводчик, и брат двоюродный Сила тоже. Что вы делаете такие удивительные глаза? – еще веселее рассмеялась хохотушка, заметив удивление на лице Лики.

– Но... как же? ведь вы, как я слышала, происходите от тех знаменитых Строгоновых, которые помогали Ермаку в покорении Сибири и были возведены потом в графское достоинство.

– Ах, нет! совсем нет! – нисколько не смущаясь, весе-

ло вскричала Бэтси. – Мы просто Строгановы, понимаете? Стро-га-но-вы! – растянула она с тем же смехом. – Но вашей сестрице показалось гораздо удобнее заменить «а» – «о» и придать моей фамилии сходство с именем титулованных Строгоновых. Около нее не должно быть купеческих имен, вы поймите...

– А! – протянула Лика и густо покраснела от слов своей собеседницы. – Неужели же Рен – уж такая глупенькая и пустая? – досадливо пронеслось в ее голове, и ей стало стыдно за сестру.

– Мы очень богаты, – между прочим, болтала Бэтси, – накопленные до нас еще столькими трудами по заводу капиталы Строгановых дали нам большое наследство, и мой дядя и двоюродный брат Сила, кроме того, потрудились немало для завода. Вот почему они и помогли благотворительному обществу княжен Столпиных, вы слышали, верно, где участвует ваша мама, и Мария Александровна в благодарность пригласила меня бывать у вас, а Рен приблизила к себе, заранее попросив только изменить для вида мою фамилию и называться Бэтси, как настоящая аристократка. Ха, ха, ха, отчего было не потешить ее! Если б вы знали только, как брат мой вначале смеялся над этим! Да он у нас славный – Сила! Добряк, каких мало, настоящая русская душа, чуткая и отзывчивая на всякое доброе дело.

– Ах, Боже мой! – почти не слушая ее, задумчиво роняла Лика, все еще углубленная в свои мысли. – Да неужели же

Рен такая? И вы можете уважать и любить ее? Ведь вы постоянно вместе с нею, Бэтси?

– Я очень уважаю ее! – спокойно и вполне серьезно произнесла молоденькая Строганова, – но... – тут глаза ее лукаво блеснули, – вы понимаете, это – маленькая военная хитрость с моей стороны. Вы не осудите меня за нее? Не правда ли, Лика? Ведь находясь в дружбе с Ириной Валентиновной, я могу бывать в великосветском обществе. А великосветское общество – это моя маленькая слабость. У моего дяди и опекуна (вы знаете, что я круглая сирота и живу у него в доме) не бывает так весело, как здесь, а веселье и смех – моя жизнь! – подхватила Бэтси.

В эту минуту к ним приблизились на своих конях Рен с мистером Чарли. При виде величественной «Англии», как торжественно окрестила Лика эту удивительную пару, так подходивших друг к другу молодых людей, девушкой овладело какое-то смешливо-задорное настроение. Она подошла к сестре, которая после беседы с Бэтси казалась ей такой ничтожной и пустенькой в одно и то же время, и, вперив в нее смеющиеся глаза, спросила:

– О чем вы говорили сейчас, Рен? Позволь полюбопытствовать? О новом спорте или о втором колесе велосипеда-мотора, или о новом количестве фунтов, которые ты свободно выжимаешь теперь правой рукой в обязательные часы гимнастики?

– Ни о том, ни о другом, ни о третьем, ты жестоко ошиба-

ешься, моя милая, – холодно сверкнув на Лику своими бесцветными глазками, отвечала Ирина. – Барон Карл Карлович Остенгардт удостоил меня чести просить моей руки! – отчеканила она каждое слово, бросив на Лику гордый и самодовольный взгляд и проехала мимо нее с величием настоящей принцессы королевской крови.

Х

Концерт должен был начаться в девять, но публика стала съезжаться значительно позднее. Уже какой-то, еще далеко неведомый миру, кудлатый композитор, подававший громадные надежды, как о нем говорили в публике, добросовестно отбарабанил с полдюжины плачущих вальсов при почти пустом зале, когда, наконец, избранное общество начало наполнять его.

Лица стояла перед трюмо крошечной дамской уборной, уже совсем готовая к своему выходу перед публикой. В своем белом платье какого-то необычайного фасона, созданном красивой фантазией Марии Александровны и похожим на белую одежду ангела, испещренном прошивками и кружевами на белом же шелковом транспаранте, с веткой белой магнолии, словно нечаянно запутавшейся в волосах, величаво, по новому красивая Лица, казалась теперь каким-то неземным видением.

– Святая Женевьева! – говорил Анатолий, с нескрываемым восторгом любуясь сестрою, поминутно подбегая к ней в качестве распорядителя.

– Ах, прелесть! – могла только поддакнуть ему Бэтси Строганова.

В голубом шелковом платье с букетиками незабудок, приколотыми у пояса и в пышных русых волосах она казалась,

премиленкой в этот вечер. На Лику она смотрела таким восторженным взглядом восхищения, что скромная Лика даже сконфузилась, наконец.

– Волнуешься? – спросил Горный сестру, продолжая оглядывать ее костюм и прическу, – хочешь я позову маму?

– Ах, нет! – с искренним испугом вырвалось из груди Лики. – Нет, нет! не надо, а то мама сама будет волноваться при виде моего волнения, и мы только взбудоражим одна другую.

То, что собиралась петь Лика, требовало настроения, подъема и громадной дозы воображения.

Это воображение и должно было способствовать ее будущему успеху. Оно перенесет ее далеко, за тысячу верст, в ту чудную страну, о которой будет говорить ее песенка. Нет, тысячу раз нет! Она, Лика, не хочет видеть никого до своего выхода, по крайней мере.

– Уйди и ты, Толя, и вы, очаровательная Бэтси, уйдите! – сказала она. – Простите меня, но у меня настоящая артистическая лихорадка. Я волнуюсь. Не судите же меня за это!

– Как жаль! – разочарованно произнесла Строганова, – а я к вам моего кузена Силу привести хотела. Вы должны познакомиться с ним, повторяю вам. Он замечательный человек, Лика, и может быть очень полезен для дела вашего общества. Только предупреждаю вас: он совсем, совсем не светский человек.

– Да ведь и вы не светская, Елизавета Аркадьевна, – рассмехался Толя, – а это не мешает вам, однако... – он запнул-

ся на минуту и потом dokonчил после небольшой паузы. – Дружиться с такой светской особой, как наша сестричка m-lle Рен.

– Приведите мне вашего кузена после моего выхода, – успокоила девушку Лика, – тогда я и познакомлюсь с ним, а теперь простите великодушно!

И она шутя выпроводила из артистической комнаты молодежь.

Странное чувство сейчас охватило Лику, совсем иное чувство, нежели то, которое предшествовало ее пению в Милане более года тому назад.

Тогда настоящее артистическое волнение захватило ее. Тот святой огонь, о котором говорили и синьор Виталио и тетя Зина. Тогда Лика сознавала, что цель ее была собрать возможно большие деньги в пользу бедных недостаточных русских жителей заграницей, больных и слабых или нищих неаполитанских рыбаков. Тогда она знала святую цель этих двух концертов – цель спасения голодающих. А тут? Цель процветания филантропического общества, общества, которое как казалось ей, Лике, по крайней мере, мало достигало своей цели, не могла захватить молодую девушку.

Это ли – могущая удовлетворить душу, благая цель?

Лика гнала от себя эти тревожные мысли, ища успокоения и не находя его.

Смутно с эстрады до нее долетали звуки рояля. Очевидно, это была импровизация лохматого композитора. Она стара-

лась внимательно слушать их, чтобы развлечься немного и ни о чем не думать, чтобы обрести хотя некоторое спокойствие перед выходом на эстраду.

Легкий стук в дверь заставил вздрогнуть молодую девушку.

– Il est temps – mademoiselle. Ayez l’obligence de me suivre,¹⁷ – появляясь на пороге уборной, произнес почетный распорядитель концерта, граф Стоян.

Лица машинально положила руку на рукав его фрака и последовала за ним на эстраду.

Вид большого ярко освещенного зала и целой толпы нарядной, блестящей публики сразу ошеломил и смутил молодую девушку. Пока аккомпаниатор настраивал мандолину, Лица машинально направила глаза в партер, ища среди нарядной публики своих родных и знакомых. Вот, в первом ряду кресел между обеими дочками сидит баронесса Циммерванд. Она поймала взгляд Лики и улыбнулась ей ободряющей, ласковой улыбкой. Вот сухопарая Нэд подле своей глухой тетки-фрейлины. Вот обе княжны Дэви... Подле них Бэтси... Толя... Жорж Туманов и Федя Нольк, пажи, товарищи брата. Правее от них Рен с ее женихом Чарли Чарливичем, а там дальше petit papa, спокойный, и серьезный и мама... мама похожая на фею лета в своем зеленоватом тюлевым платье затканном водорослями, с белым венчиком из жемчугов над пышной прической. Глядя на них всех Лица

---

¹⁷ Уже время, m-elle. Будьте любезны следовать за мною.

почему-то вспомнила о других людях, далеких от нее теперь и в тоже время чудно близких ее чуткому, волнующемуся сердечку.

Тетя Зина и синьор Виталио, положившие всю свою жизнь для других, представились сейчас так живо ее взорам...

И вмиг перед Ликой выплыли милые, хорошо знакомые ей картины: ароматично-душная итальянская ночь, запах роз и магнолий, белая вилла, словно повисшая над синими водами красавицы Адриатики, и чья-то песнь, сладкая, как жизнь, свободная, как радость...

Как во сне стоит перед Ликой эта дивная страна песней и аромата цветов.

Лица словно видит перед собою голубое море и тут же видит и другое море, море цветов и зелени, ласкающее взор... И волны звуков над этими двумя морями, волны песен, какие только может дарить эта лучезарная, певучая страна, слагаются в ее сердце...

И, вспомнив о них, об этих песнях, Лица запела «Addio Napoli» (прощание с Неаполем). Аккомпаниатор чуть слышно вторил ей на мандалине. И рыдание серебряных струн инструмента слилось со звучным, сочным молодым голосом Лики.

Нежный, мягкий, чарующе-красивый, он так и лился теперь серебряной волной прямо в зал, впиваясь в мозг и сердца слушателей таких равнодушных и выдержанных светских господ и дам.

И Лика уже не волнуется больше, как за минуту до этого. Она видит благоухающий юг, голубое небо, тетю Зину и дорогого учителя и точно забывает обо всем остальном.

И, когда девушка замолкла внезапно, оборвав свою песню на высокой ноте, и услышала бурные аплодисменты по своему адресу, она точно очнулась, точно проснулась от долгого и сладкого сна.

Публика не унималась, продолжая выражать свои восторги.

Она неистово хлопала, требуя новых песен, нового исполнения.

И Лика пела одну песенку за другою, пела просто и искренне, выбрасывая слова и звуки мелодий из самых недр своей девичьей души. Это было и красиво, и трогательно в одно и то же время, и все больше и больше наэлектризовывало вечно скучающую, вечно резонирующую петербургскую толпу.

Когда Лика, наконец замученная, усталая покинула под оглушительный гром аплодисментов эстраду и вошла в свою уборную, ей казалось еще, что ее сон продолжается наяву.

Здесь посреди комнаты стоял высокий пожилой цыган в красивом, расшитом золотом, костюме, с гитарой, обвязанной широкой лентой.

Что-то знакомое показалось Лике в лице пожилого цыгана в его огромных печальных глазах.

– Князь Гарин! – машинально произнесли губы девушки,

и она стала внимательно разглядывать симпатичного ей человека в его новом виде.

– Простите! – произнес князь Всеволод, – простите, но я думал, что вы пройдете с эстрады в зал, и воспользовался вашей уборной... Но как вы пели! Лидия Валентиновна!

– Вам нравится? – с детской простотой спросила Лика.

– О! Я не мог быть в зале, – он указал на свой костюм, – но слышал все до слова из этой комнаты. Если бы вы не были светской барышней, мадемуазель Горная, то из вас вышла бы знаменитая певица...

– Правда? – искренне обрадовалась Лика. – Синьор Виталио говорил мне то же постоянно.

– Это ваш маэстро?

– Да! Ах, какой он дивный, если б вы знали, какой чудесный!

– Если позволите, мы поговорим о нем с вами за котильоном. Ведь неправда ли вы останетесь на танцы? Да?

– О, да! – воскликнула Лика, – мне так хочется движения, радости звуков... А разве вы танцуете? – удивленно осведомилась она.

– Только «тяжелые» танцы, – усмехнулся он. – Мой возраст не позволяет мне уже кружиться, как юноше... Но кадрили я люблю до сих пор, – с достоинством подтвердил Гарин. – Во время кадрили так славно говорится под аккомпанемент музыки. А теперь вы не откажите мне в счастье послушать мое пение, неправда ли? Не такое строго-прекрас-

ное пение, как ваше, конечно, но которое должно быть близко вам, как продукт вашей родины? Да?

Лица молча наклонила свою золотистую головку и направилась в зал.

«Какой он милый, этот князь! – подумала она по дороге, – и совсем не гордый».

А она еще так сконфузилась там, на заседании, когда он подошел поблагодарить ее. Как он сказал тогда, как сказал? – припоминала в своих мыслях молодая девушка. – Ах, да.

«Позвольте вас поблагодарить за ваш настоящий порыв настоящей русской души».

Значит, и он также понимает и ценит такие порывы! Значит и он был на моей стороне и он сочувствовал этой бедной Феничке, значит он добрый, чуткий, а не холодный и прячущий ради условий света все лучшее, что есть у него в душе. И под впечатлением встречи с добрым чутким человеком Лица вся радостная вышла к публике.

Поздравления, похвалы, улыбки и комплименты так и посыпались со всех сторон на молодую девушку.

Мария Александровна, приятно польщенная успехом дочери, притянула ее к себе и стояла подле Лицы, с удовольствием разделяя ее радость и триумф.

– Где она? Давайте мне ее сюда злую, недобрую! – пробасил навстречу им знакомый голос баронессы, – до сих пор не навестила меня, старухи, гордячка этакая! – и, энергично очищая себе дорогу, великанша Циммерванд предстала пе-

ред Ликой во всем своем грандиозном величии. – Молодец девочка! Как жаворонок пела. Уж ты прости, что я от полноты души «ты» тебе говорю. Приятно было слушать! Дай-ка я поцелую тебя за это. У тебя такая чистота в твоём пении, точно цветами от него пахнет... право, цветами полевыми, душистыми. Вы, *ma chère*, дочку-то побалуйте! – неожиданно обратилась баронесса к Марии Александровне, – она у вас – сокровище неоцененное! Да!

– Лидия Валентиновна! Вот кузен Сила, горит желанием быть представленным вам! – произнесла Бэтси Строганова, подводя к Лике огромного роста широкоплечего и полного мужчину.

Лица была поражена внешностью молодого заводчика. Это был настоящий русский богатырь по виду; тот, о которых поется в былинах народного эпоса: «и в плечах сажень кося, и роста богатырского, и очи соколиные, и кудри русые», и при всем этом необычайное добродушие, запечатлевшееся в его полном румянном лице, заканчивающемся мягкой курчавой бородкой. Доброта и несказанная сердечность, почти кротость, сияющая в больших ясных голубых глазах, делали его похожим на большого ребенка. Здоровьем, исполинской мощью и детским добродушием веяло от всего существа Силы Романовича Строганова. И при этом в нем была какая-то застенчивость, не подходившая к внешнему облику этого великана. Лица с ласковой улыбкой протянула ему свою маленькую ручку, которая потонула, как в пучине, в громадной

руке молодого заводчика.

– Осчастливили, барышня, благодарим вас покорно! – приятным низким басом произнес Сила Романович, осторожно пожимая хрупкие пальчики девушки. – Такого пения я и не слыхивал... не земное что-то! Да-с!

– Очень рада, что угодила вам, – с милой застенчивостью произнесла Лика.

– Уж так угодили, что кузен Сила даже тысячный билет в пользу общества пожертвовал! – с улыбкой произнесла Бэтси.

– Ну, уж вы это напрасно, сестрица, – пробасил молодой купец, – после такого неземного пения и вдруг о деньгах-с. Не годится.

– Сила Романович, неужели опять пожертвовали? – взволнованно произнесла Мария Александровна.

– Так точно. Благоволите принять.

– О, какой вы великодушный и благородный! Завтра же напишу подробный доклад принцессе.

«Славный какой!» – подумала Лика, с удовольствием глядя на этого большого ребенка, застенчиво улыбающегося ей.

Она хотела чем-либо выразить ему свое расположение, как-нибудь ободрить его застенчивость, но вдруг неожиданно утихли звуки оркестра, заполнявшего антракт, и на эстраду высыпала целая толпа цыган и цыганок.

В ту же минуту зал дрогнул рукоплесканиями. Этим он приветствовал появление нового певца, легко и свободно вы-

шедшего на эстраду. Это был князь Гарин, почти не отличавшийся своим внешним видом от прочих настоящих цыган.

Князь низко наклонил свою красивую седеющую голову в общем поклоне, потом непринужденно опустился на стул и взял первый аккорд на гитаре.

Лице никогда еще не приходилось слышать цыганского пения, и теперь ее глаза с нескрываемым любопытством и ожиданием впились в князя, когда он пропел со своеобразной, привлекательной цыганской оригинальной манерой первую фразу им самим составленной песни.

Что-то печальное, ласковое, заунывное и красивое зазвенело в мягких переливах приятного мужского голоса, что-то тоскливое и грустное в то же время.

И, когда хор цыган подхватил со своими характерно гортанными вскрикиваниями припев песни, сердце Лики сжалось оттого, что эти цыгане заглушают милый, в душу вливающийся голос князя.

И опять, когда умолкали они, снова предоставляя одному князю выводить соло, девушка ликовала, вся поддавшись очарованию его песен.

– Ах, как хорошо! – шепнула в восторге Лица.

– О, он еще лучше умеет петь. Если бы вы слышали его «Зимнюю ночку», например. Что это за прелесть! – произнес дрогнувший от волнения голос баронессы Циммерванд, очень любившей пение племянника.

И князь точно услышал эти слова своей старой тетки; по-

сле бурного взрыва аплодисментов начал свою «Зимнюю ночь», сочиненную им самим с неподражаемым мастерством артиста. Это была совсем уже новая, совсем особенная песнь. В ней сказывалась тоскующая мелодия русских степей... Белыми снежными сугробами, поющей вьюгой и метелицей, и темными зимними северными ночами веяло от нее.

Студеный холодок русской зимы точно прошел по залу, насыщенному, наэлектризованному тысячью горячих дыханий...

Точно серебристые колокольчики послышались с их монотонным позвякиванием под дугою... Точно ямщик, понукая пристяжную, пел да пел себе, заливаясь, свою тоскливую и сладкую песнь. Старая баронесса вперила в эстраду взволнованные глаза и шептала:

– Дивно, хорошо, чудесно! Ай да племянник! Ай да молодец!

– Bravo! Князь Гарин! Bravo! – крикнул кто-то из дальнего конца зала, и снова гром аплодисментов покрыл все.

По лицу Лики текли слезы. Но она не замечала их... не чувствовала... Сладкая тоска, навеянная такими родными, хорошими словами, безусловно близкими каждому отзывчивому русскому сердцу, и прекрасный мотив песни совсем захватили ее.

XI

Стулья раздвинули и отставили к стенкам. Теперь уже на эстраде поместился оркестр. Капельмейстер взмахнул своей палочкой и танцы начались.

– Лидия Валентиновна! Прошу вас! Тур вальса!

Лица машинально положила руку на рукав Жоржа Туманова и понеслась с ним по залу, едва касаясь своими беленькими туфельками пола. Но она вальсировала точно во сне: она тщательно выделявала па на паркете, а ее сердце выстукивало одно и то же без конца:

«Как он пел! Как он пел! Точно в сказке!»

И в ее ушах вместо мотива вальса звучали дивные звуки мелодично-тоскливой песни, заставившей ее плакать несколько минут тому назад.

– Лица, да очнись же ты наконец, маленькая колдунья, право, колдунья! Что ты шепчешь там такое? – со смехом говорил ей Анатолий, обхватывая тоненькую талию сестры своей сильной рукою. – Тур вальса со мною, сестренка! Да?

– Ах, это – ты, а я думала – Жорж Туманов.

– Вот это славно! Но после Жоржа ты уже вальсировала с Нольком и с полудюжиной других. Ты точно во сне! Проснись, проснись, Лица! – смеялся молоденький паж.

– Ах, как он пел! как он пел, Толя! Я не слышала ничего подобного в жизни! – повторяла Лица в упоении.

– Кто? Гарин? – понял наконец приподнятое настроение Лики ее брат, вальсируя с ней. – Да, он – молодчинища! Кстати, вот и он, легок на помине!

Лица невольно остановилась посреди залы... В двух шагах от нее стоял со своим обычным спокойным, печальным видом князь Всеволод. Он уже успел переодеться во фрак, и от прежнего живописного цыгана в нем не осталось и следа. И Лике стало жаль, что больше она не услышит его чудной захватывающей песни, от которой веяло такой искренностью и красотой. Теперь девушка, снова кружась без устали по зале под мелодичные звуки вальса, поминутно оглядывалась в ту сторону, где находился князь.

– Кто твой кавалер на котильон, Лика? – заботливо осведомился Анатолий, проходя мимо сестры под руку с Бэтси.

– Князь Гарин.

– Ой, какие мы важные. Боже мой! Сам князь Всеволод, герой вечера, танцует с нами! – рассмеялся Толя, с шутливой почтительностью раскланиваясь перед сестрой.

– В чем провинился князь Всеволод Гарин? – послышался в ту же минуту за ними голос незаметно приблизившегося князя.

– Как вы легки на помине! – произнес весело Толя. – А помните, князь, русскую поговорку, что только злые люди легки на помине? – добавил он тоном набалованного маменькина сыночка, которому все заранее прощалось.

– О, нет, князь – не злой! – застучалась Лика, – злые не

могут вкладывать столько чувства в пение! – после легкого замешательства заключила она.

– Еще раз благодарю вас, мадемуазель, за лестное мнение обо мне, – почтительно склонил перед нею свою седеющую голову Гарин, – а теперь позвольте предложить вам руку... Сейчас начинают котильон.

Действительно, оркестр проиграл ритурнель и котильон начался. Князь Всеволод отвел свою даму в дальний уголок зала, где они заняли места.

– Итак, вы меня не считаете злым? – произнес он, обращаясь к Лике и улыбаясь своей печальной улыбкой, – благодарю вас еще раз за доброе мнение.

– Не только злым... нет, я вас очень, очень добрым считаю, князь! – искренне вырвалось из груди девушки, – очень, очень добрым, – повторила она еще раз. – Вы только один и поняли меня там, на заседании, – вы и ваша тетя, а все остальные... Не знаю почему, но мне кажется, что вы с баронессой искренне сочувствовали этой Фене и что дела благотворительности в том виде, как они поставлены у нас, не удовлетворяют вас. Правда ли, князь?

– Правда, Лидия Валентиновна, и насколько не удовлетворяют они меня, вы можете судить по тому, что я недавно составил проект нового питомника для детей-сирот, вне всякого общества. На днях думаю открыть его, жду только разрешения со стороны администрации.

– Ах, как это хорошо! – искренно вырвалось из груди Ли-

ки, – как бы мне хотелось так же по мере сил и возможности участвовать в нем!

– Так за чем же дело стало? Хотите, я вас выберу попечительницей этого питомника? Это далеко не так трудно, так как вполне зависит от меня, – предложил князь Гарин своей даме.

– Ах, я была бы так счастлива! – произнесла вся сияя от радости Лица.

– Буду рад служить вам. Вы знаете, дела благотворительности поставлены у нас так, что наводят невольно на самые печальные размышления. Ведь пока соберутся все члены нашего благотворительного общества помочь такой Фене, пока доберутся до ее жестокосердной хозяйки, последняя, может статься, действительно изобьет до полусмерти девочку, изуродует ее. Надо самим очень любить детей, чтобы отдавать им душу, чтобы посвящать им всю жизнь, а не короткие досуги, как это делают члены нашего общества. Нет, такая постановка дела меня не удовлетворяет совсем. Вот почему, не задаваясь никакими особенными целями, я и открываю свой питомник, куда помещу бедных беспомощных маленьких сирот, оставшихся без угла и призора... Отзывчивые, чуткие души, я уверен, откликнутся на это дело... За детьми будет прекрасный уход, здоровый стол, воздух и ласка, та ласка, которая вдвое необходимее здорового воздуха и стола. Это маленькое дело будет вверено рукам истинно отзывчивых, чутких людей, которые без всяких отчетов, спра-

вок и заседаний сумеют свято выполнить свою нелегкую задачу.

Князь Гарин говорил очень горячо и убедительно. Очевидно, давно ему пришла в голову эта чудесная идея создания благотворительного учреждения. Когда еще он впервые увидел в зале заседания белокурую девушку, услышал ее горячую речь в защиту угнетенной Фени, эта мысль об устройстве питомника приняла совсем уже почти законченную форму. Сегодня же, когда до него донеслись чистые звуки молодого девичьего голоса, распевającego простые неаполитанские песенки, он окончательно решил это дело...

– Да эта девушка может помочь мне в таком деле! – решил он. – У нее много сердца, душевного тепла и горячей отзывчивости.

К тому же, при виде сегодня кроткой Лики, услышав ее нежный голос, князь уже не мог не сомневаться более в том, что эта девушка затронула его душу, сродную с нею по чуткости, отзывчивости и доброте.

Он сразу понял жгучее стремление Лики к добру, на пользу человечеству, понял это еще там, в нарядном салоне княжен Столпиных и решил во что бы то ни стало помочь развиться порыву этого чуткого сердечка. К тому же, его новая идея основания приюта казалась ему такой прекрасной!

Это развлечет и Хану, которая впоследствии сойдется с детишками питомника.

Услужливое воображение уже рисовало в мыслях кня-

зя новые картины. Его взоры видели златокудрую девушку, окруженную крошечными существами, попавшими под ее попечение и надсмотр. И златокудрая фея, и маленькие существа – все будут счастливы!.. Бедные дети будут сыты и довольны в новой хорошей жизни, Лика Горная вполне удовлетворена воплощением своей мечты. Хана перестанет тосковать и капризничать с новыми сверстницами и сверстниками, детьми будущего приюта. И, мысленно решив привести свою идею как можно скорее в исполнение, князь Всеволод с еще большим жаром стал развивать ее перед своей собеседницей.

Лика была в восторге. Ее сердечко так и рвалось на встречу к этому милому, отзывчивому человеку и к его благим целям.

Нет, она не ошиблась в нем; у него родная, одинаковая с ней душа. Они близки по взглядам друг другу, они оба преследуют одну и ту же цель, великую цель помощи нуждающемуся человечеству. О, да! она примет его предложение, она возьмет на свое попечение его новое детище и не на словах только, а на деле будет заботиться о новом питомнике, на сколько возможно, будет отдавать все свое время этим бедным, обиженным до сих пор судьбою сиротам-ребятишкам, станет ухаживать за ними и всячески любить и баловать их... ее заветная цель, ее постоянное стремление оказывались выполненными легко и свободно, благодаря доброте этого чуткого князя.

Ли́ка молча подняла благодарный взор на своего собеседника. Все ее разочарования, вся тоска последних дней, навевшая ее душевным одиночеством, куда-то исчезли; недавно минувшее казалось теперь Лике одним пустым призрачным горем. Впереди все было так светло, ясно и определено. Так чудно ей сияло солнце, о котором мечтала она и ее далекие друзья, синьор Виталио и тетя Зина.

И вся радостная, вся сияющая поднялась со своего места Ли́ка и, плавно выделявая затейливые фигуры котильона, думала о том, что жизнь хороша, светла и прекрасна, когда подле бьется сердце, сочувствующее добрым целям и хорошим предприниманием.

XII

– Милая Мария Александровна, вы слышали новость? Князь Гарин покидает нас, слагает с себя обязанности секретаря и основывает новое общество.

И княжна Дэви старшая, войдя в гостинную Карских, оставила на лице хозяйки дома недовольный взгляд.

– Как, что такое? – воскликнула Мария Александровна, очень пораженная сообщенным ей известием. – Но принцесса Е. сама пожелала утвердить его в звании секретаря; ведь это, по меньшей мере, рискованно со стороны князя идти против воли принцессы.

– А разве он смотрит на риск, моя дорогая? Ведь князь – большой чудак. Это – совсем странный, не от мира сего человек. Все его поступки такие удивительные! Он достойный племянник своей оригинальной тетушки, баронессы Циммерванд.

– Какое такое общество учреждает он? – не слушая княжны, волновалась Мария Александровна.

– Представьте себе, – подхватила последняя, – что-то вроде нашего общества! Какой-то питомник для подобранных на улице детей. Впрочем, ваша дочь может дать более точные сведения об этом деле, нежели я, – прибавила княжна в сторону находившейся тут же, в гостиной, Лики.

– Лика? – вопросительно проронила Мария Александров-

на.

– Княжна права, мама, князь Гарин действительно устроил питомник для малолетних сирот, и я принимаю в нем горячее участие, – твердо произнесла молодая девушка, бросая на княжну Столпину взгляд, полный укора и смущения.

– Но, моя прелесть, я и не знала, что это – такая большая тайна, – принимая самый невинный вид произнесла та.

– У Лики не может быть никаких тайн от меня, – строго подчеркнула Мария Александровна и, в свою очередь, наградила молодую девушку недовольным взглядом. Вслед за тем ее лицо приняло снова обычно спокойное выражение и она повела с гостьей ту легкую светскую болтовню, которая является на выручку в самые щепетильные минуты жизни.

Но едва только пожилая княжна Дэви ушла, лицо матери Лики снова приняло недовольное выражение, и она строгим голосом обратилась к дочери:

– Ты объяснишь мне, не правда ли, что все это значит?

– Но я, право, не знаю, какого объяснения вы желаете от меня, дорогая мама, – спокойно отвечала молодая девушка. – Княжна Дэви права; князь учредил питомник и вверил его моему попечению.

– Но почему ты скрывала от меня столь великую тайну?

– Я не имела основания болтать о ней, мама; до поры до времени, пока питомник не был еще открыт, все разговоры о нем являлись бы лишними. Теперь же, когда он начал свою деятельность, я могу вам рассказать о нем. Тем более, что

нынче же я собиралась сделать это. Тетя Зина учила меня всегда и постоянно свершать в тайне все добрые дела.

– Уж не туда ли вы ездите с Бэтси Строгановой ежедневно, моя дорогая, и преподаете там по целым часам! – тем же недовольным тоном продолжала расспрашивать дочь Мария Александровна.

– Именно, мама. Мне пришлось прибегнуть к маленькой тайне, простите меня и дайте мне разрешение на мои дальнейшие занятия в питомнике, – смущенным голосом проронила Лика.

– Нет, моя дорогая, я нахожу это не вполне удобным, и запрещаю тебе посещать питомник! – резко произнесла Мария Александровна, недовольная тем, что ее Лика скрывала так долго то, что должна была ей сказать, как матери и другу.

– Дорогая мама, вы не должны сердиться на меня, но... но не могу бросить питомник, ни в каком случае, мама, не могу, дорогая. Это живое дело с головой захватило меня! – горячо срывалось с губ взволнованной Лики, – и я вполне счастлива теперь благодаря ему.

– Но я запрещаю тебе это! Слышишь ли, запрещаю! – уже совсем вспыльчиво бросила Карская.

Вся обычная сдержанность разом покинула сейчас всегда корректную Марию Александровну. Она сердито взглянула на дочь, ее глаза блеснули гневом.

Поймав этот взгляд, Лика заговорила, волнуясь:

– Хорошо, мама, – я сделаю как вы приказываете, но я

умру с тоски без дела, без того огромного дела, которое захватило меня. Ах, мама, дорогая мама! Поймите меня голубушка: тетя Зина приучила меня с детства работать целыми днями. Мы собственноручно развели с нею сад в нашей вилле на берегу моря, сами руководили молоденькими работницами и работниками при разбивке сада, наравне с ними копали гряды, сажали цветы. Потом вслух читали им итальянские новеллы в часы отдыха. Затем устроили мастерскую шитья для бедных подростков бедняков... Потом я пела по два часа с синьором Виталио. А вечером читала тете приходившую из России почту, газеты и письма. Таким образом, весь мой день был заполнен трудом с утра до вечера. А здесь? дома? Что мне делать? Мамочка, простите меня ради Бога, но это не та жизнь, о которой я мечтала едучи сюда. Я думала, что мне разрешат здесь работать и трудиться, что, как и там у тети Зиной, смогу устраивать, одевать и кормить бедных, ухаживать за детишками, которых так много в больших домах Петербурга... Думала, что ради этих бедняков я буду часто выступать с моими песенками и на вырученные деньги помещать в приюты бедных детишек, в школы – подростков, в богадельню – слабых стариков и старух. Я так горела моими милыми надеждами, я делилась ими с тетей Зиной и с синьором Виталио в письмах, и они одобряли меня оттуда, издалека. И теперь, мамочка, когда я нашла то, что желала, когда душа моя возликовала от счастья, погрузившись в дорогое дело, вы желаете меня лишить его! Правда, я

очень виновата перед вами, что не спросила у вас разрешения принять под свое попечение княжеский питомник, но мне было неловко признаваться в этом, точно навязываться на похвалу... Простите же меня, мама, родная, и разрешите мне продолжать посещать приют!

И Лика молящими глазами взглянула на мать.

Мария Александровна задумалась на минуту. Лицо ее прояснилось, и она уже другим сердечным и мягким голосом заговорила с дочерью, оценив ее светлый порыв.

– Разумеется, я сочувствую всей душой всем благим начинаниям, Лика... Не хочется мне запрещать тебе исполнять, по-видимому, хорошую работу, и вместе с тем, – Мария Александровна пристально заглянула в глаза дочери, – вместе с тем, откровенно говоря, Лика, мне глубоко не нравится твой поступок. Без моего спроса ты стала ездить в этот питомник, наполненный нищими и, может быть, больными детьми, рискуя заболеть и, в то же время, скрывала от меня так долго свое новое занятие. Вместо того, чтобы дружески посоветоваться с твоей матерью, ты, Лика, действовала тишком от меня...

Когда я поджидала твоего приезда, счастливая заранее возвращением моей девочки, я мечтала сама как взрослое дитя. Я думала; вот вернется после долгой разлуки со мною моя любимица Лика. Мы будем отныне всегда и всюду неразлучны с нею. Я стану брать ее повсюду с собою: на соседние общества, на балы, на концерты, в театры, на рауты. Будем

читать вместе, разговаривать целыми часами. А то я совсем одинока: petit rara занят службой, Рен спортом, Толя еще в корпусе. Я так радовалась твоему приезду. И что же? Вместо обыкновенной выдержанной барышни из общества, я нашла в тебе какую-то странную, куда-то стремящуюся из дому девушку, какую-то особенную мечтательницу, которая сама хорошенько не понимает, чего ей хочется, куда она стремится. А во всем этом виновата одна тетя Зина, да простит ей Бог! И тебе да простит Он за это, ты огорчила твою маму, Лика. Но больше я не сержусь на тебя.

Слезы навернулись на красивые глаза Марии Александровны. Лика, печальная и угнетенная, стояла перед нею, тербя пальцами конец своего шелкового банта.

– Неужели, – продолжала после недолгой паузы Мария Александровна. – Неужели тебе нельзя быть как все наши барышни, как обе Циммерванд, Нэд и другие. Они читают, занимаются музыкой, вышивают, выезжают, участвуют в том обществе, куда их поместили членами их матери или родственницы. Нет, почему-то ты стремишься представить что-то особенное, из ряда самовыдающее из своей особы. Не хорошо, это, Лика! Разумеется, я не буду стоять на твоём пути, запрещать тебе посещение питомника. Езди туда с мисс Пинч или с гувернанткой Бэтси, как хочешь, но вся эта история причинила мне большую неприятность и заставила меня перенести много тяжелых минут. Разумеется, ты вольна теперь поступать против моего желания и больше я тебе ни-

чего не скажу по этому поводу! – окинув дочь печальным и недовольным взглядом, заключила Мария Александровна и вышла из комнаты, оставив угнетенную Лику одну.

Молодая девушка машинально подошла к окну. На улице было гадко, скверно и тоскливо. Стоял скользкий, мокрый ноябрь с его обильными лужами на улицах, с дождем, мелко моросившим с неба, с серым туманом, без намека на солнце. И на душе девушки было не менее смутно и тоскливо. Лица невыразимо волновалась. Разговор с матерью точно вспугнул ощущение радости и удовлетворенности с души Лики, ожившей за последнее время и от недавнего светлого настроения в ней не осталось и следа. Опечаленная словами матери она чувствовала, как недавнее счастье, воцарившееся в ее сердце со дня учреждения приюта, куда-то скрылось, исчезло и, казалось ей, навсегда.

Что-то горькое и болезненное заменило его в душе девушки.

Слова Марии Александровны разом заставили призадуматься Ликой и оглянуться на последний прожитой ею период времени.

О, этот период! Какой чудной сказкой, каким розовым сном промчался он в жизни Лики!

С Бэтси или с горничной Фешей, или с гувернанткой первой, она ежедневно ездила в питомник, где ее ждали два десятка малюток, бросавшихся ей навстречу с веселыми криками радости. Она и Бэтси Строганова собственноручно причесывали одних, лечили других, мыли третьих, читали

им, рассказывали сказки. Обе они с головою ушли в это поглотившее их целиком дело.

Иногда к ним присоединялся Сила Романович, привозивший их новым питомцам груды игрушек и сластей.

Князь Гарин также аккуратно, каждый день, заглядывал в приют, входя в малейшие нужды и подробности жизни и воспитания его маленьких приемышей.

Надзирательница питомника, добрая, уже не молодая женщина Валерия Ивановна Коркина, и ее единственная помощница нянюшка Матвеевна, горячо любившая детвору, являлись горячими сторонницами князя и обеих девушек в их добром деле. Лика была бесконечно счастлива посреди своего маленького царства, как шутя называл князь Всеволод приютских детей.

И вот, слова Марии Александровны наполнили горечью душу молодой девушки. Ее мать была недовольна ею! Марии Александровне не нравилось, что она, Лика – «особенная», ни такая, как все остальные барышни ее круга, девушка...

Ей бы хотелось видеть Лику обыкновенной светской девицей, довольствующейся скучными выездами в свет, чтением, пустячными рукоделиями и музыкой.

Но разве она, Лика, может спокойно сложа руки сидеть среди всей этой роскоши богатого барского дома, спокойно есть дорогие кушанья и ездить в роскошных экипажах, словом, спокойно принимать все блага жизни, в то время как тысячи, нет, десятки тысяч бедняков, нищих, нуждаются в

корке насущного хлеба и умирают от холода и голода в своих не топленных пустых углах.

Нет, нет, она не может равнодушно утопать в роскоши и удовольствиях, когда за стеною дома улица полна бесприютными голодными людьми!

Тетя Зина и синьор Виталио покраснели бы за свою ученицу, если бы она была иною...

А Бэтси, как нарочно, замедлила сегодня со своей компаньонкой. Надо было просить разрешения у матери поехать одной в их карете в питомник, так как мисс Пинч уже заранее вышла из дому с Рен. Скрепя сердце Лика пошла за этим разрешением и Мария Александровна, не имея духу отказать Лике, согласилась отпустить дочь.

XIII

Питомник для малолетних находился в одной из линий Васильевского острова. Кровные рысаки Карских домчали туда Лику в какие-нибудь четверть часа.

Взвинченная, с приподнятыми нервами, подъезжала она к приюту, но сразу «отошла» и перестала волноваться, едва только переступила порог знакомого убежища.

– Тетя Лика приехала! Тетя Лика! – услышала девушка, едва только успела позвонить у дверей квартиры, нанятой под приют князем, и тотчас же несколько пар крошечных детских ножек затопало по ту сторону дверей.

«Милые! – мысленно произнесла Лика и ее сердце наполнилось сладостно-нежным чувством, – хорошие вы мои ребяташки, как вы дороги мне!»

Дверь отворилась, и едва только Лика успела переступить порог большой светлой комнаты, как мигом была окружена шумной, веселой толпой детишек, преимущественно возраста от двух до шести лет.

– Тетя Лика! Холосся! – Поцелуй меня, – пищал один голосок подле нее.

– И меня, и меня тозе, тетя Лика! – вторил ему другой.

– А гостинчиков привезла, тетя Лика? – лепетала, бесцеремонно вскарабкавшись ей на колени, ее любимица четырехлетняя Танюша, прелестный, несколько болезненный на

вид, голубоглазый ребенок.

И град детских поцелуев посыпался со всех сторон на приятно ошеломленную Лику. Она едва успевала отвечать на них.

Окруженная детьми, юная, разговаривая от удовольствия, Лика сама казалась ребенком, старшей сестрой всей этой кишачей вокруг нее детворы. Она точно забыла в минуту все свои только что пережитые волнения и с удовольствием отдавалась тому светлому, чистому потоку, который подхватил и понес ее за собой. С улыбкой выслушивала она карапузика Федю, любимца Бэтси и Силы Романовича, о том, что «дядя Силя» опять прислал большущий ящик конфет.

– Они обедают еще, пожалуй, Валерия Ивановна, – опасно проговорила Лика, обращаясь к стоявшей тут же надзирательнице приюта.

– Не беспокойтесь, Лидия Валентиновна, – почтительно проговорила симпатичная пожилая девушка, умевшая удивительно гуманно и сердечно вести свою маленькую паству, – мы с няней зорко следим за этим.

– А Тане князенька куклу прислал. Покажи, Таня, куклу тете Лике, – командовал пучеглазый карапуз Федя.

Лика взяла в руки куклу, красивую, с эмальевыми глазами, до смешного похожую на самую Танюшу, долго рассматривала ее и хвалила к величайшему удовольствию ребят.

– А разве князенька не был еще сегодня? – спросила она вслед за этим.

– Нет, еще; – отвечал за всех бойкий вихрастый мальчик лет шести, с чрезвычайно умными и смышленными глазенками, по имени Митюша, – но он еще придет, наверное. Он обещался приехать.

– Валерия Ивановна, отчего это у Митюши шишка на лбу? – спросила озабоченно надзирательницу Лика.

– Дерутся они, Лидия Валентиновна, – отвечала та, – ужасные драчуны, право, сил с ними нет!

– Ай-ай-ай! – произнесла, укоризненно покачивая своей белокурой головкой, Лика, обращаясь к детям, – вам стыдно драться, ребятки? Драться будете, любить не стану, – неожиданно пригрозила она.

В эту минуту дрогнул звонок в прихожей и вскоре рослая фигура Силы Романовича предстала на пороге.

– Дядя Силя! Дядя Силя! – с искренним восторгом вскричали ребятки, и всей оравой метнулись навстречу вошедшему Строганову.

Маленькие питомцы приюта гораздо проще и менее смущенно относились к этому добродушному дяде Силе, как к более доступному по своей простоте их детскому понятию, нежели к самому директору приюта «князиньке», на которого смотрели с каким-то рабски-восторженным обожанием. Дядю «Силю» они любили, перед «дядей-князинькой» благоговели и точно чуточку боялись его.

Эти маленькие крошки инстинктивно понимали, что между ними и блестящим ласковым князем лежит целая

пропасть. Зато, когда дядя Сила своими сильными руками подхватывал их и вскидывал на воздух, они визжали от удовольствия, теребили его за усы и за бороду и приходили в настоящий бешенный восторг от возни с ним. Чуткие сердечки детишек подсказывали им, что этот простой, сильный человек более родной им, более «свой» по духу, нежели все остальные.

И сейчас Строганов подвигался к Лике, облепленной, как мухами, со всех сторон детворой, вскарабкавшей ему на плечи, на руки, державшейся за полы его сюртука, прильнувшей к нему с той беззаветной ласковостью, на которую способны только разве одни дети.

– Здравствуйте, здравствуйте, Сила Романович! – улыбаясь, приветствовала его Лика, – вы – точно Гулливер, шествующий в триумфальном шествии маленьких лилипутов. А вы поблагодарили дядю, дети, за присланные гостинцы и за игрушки? – спросила она свою расшумевшуюся команду.

– Не за что благодарить-то, – произнес своим добродушным басом молодой заводчик, – помилуйте-с, Лидия Валентиновна, чем богаты, тем и рады. Когда же и побаловать-то ребяток, как ни в раннем детстве? – со своей необычайно мягкой улыбкой закончил он, присаживаясь подле Лики и лаская детей.

– Да уж вы чересчур усердствуете в баловстве этом. Уж и не знаю, право, чем отблагодарить вас, Сила Романович! – говорила молодая девушка.

– Вот-вот. Только этого еще не хватало! Ведь самому себе этим удовольствие доставляю, а вы благодарить! Не ожидал я этого от вас! – махнул он обиженно рукою.

– Дядя Силя, а ты на елку к нам приедешь? – спросила самая крошечная девочка, приютившаяся на коленях Строганова.

– Беспременно! И елку вам пришлю, и игрушек пришлю целый короб.

– Большую? – захлебываясь от удовольствия, прошептала Танюша, и ее голубые глазки стали огромными.

– Вот этакую! – и Строганов разом подбросил чуть не под самый потолок обеих девочек, отчаянно завизжавших от радости.

– Вы очень любите детей, должно быть, Сила Романович? – спросила Лика.

– Я все живое люблю, Лидия Валентиновна, – серьезно произнес молодой заводчик, – и деток, и тварь всякую, и букашку. И не от доброты-с это, заметьте, а от жалости. Жалко мне всего такого. Беспомощное, маленькое, копошится, силенки мало... Ну, вот и притягивает меня к себе... От жалости этой самой, можно сказать, и судьбу свою опустил.

– Какую судьбу?

– Будущность. У меня папаша, изволите ли видеть, на этот счет строг. Отдали меня в гимназию. Ну-с, все это, как у людей, чинно-благородно, все, как следует. А я возьми, да и пристрастись к книгам разным, где про все этокое написано.

Зоология там... Знаете, зверюшки, козявки всякие... Страх их люблю... Ну-с все прекрасно с первоначалу, учусь хорошо... Так и лезу вперед, так и лезу... А тут вдруг, как в пятый класс это перевели, тут тятенька и уприся: «не хочу, – говорит, – сына профессором видеть, дело заводское ухлопает, промотает, – говорит, – обдерут его как липку, доверенные и управляющие всякие, ежели он с книжками своими возиться станет и на соломе в бедности жизнь свою еще кончит, пожалуй. Не для того, – говорит, потом и кровью копил я, чтобы из за сыновней глупости фирма своего представителя лишилась». Дело, изволите ли видеть, у нас мануфактурное, чистоты и глаза требует, а уж чей глаз пуще хозяйского сбережет? Ну, так вот и стал я недоучкой, купцом, вместо профессора! – закончил он свою речь далеко не веселым, как показалось Лике, смехом.

– Ну-с, детвора! – внезапно встряхиваясь и выпрямляясь во весь свой богатырский рост, крикнул Сила Романович, – пора дяде Силе уходить. Пустите, ребятишки, скоро опять приеду. Мое почтение вам, Лидия Валентиновна, простите, что поскучали со мною на моих глупых рассказах, – произнес он, застенчиво улыбаясь и осторожно принимая в свою огромную руку нежную ручку Лики.

– Что вы! Что вы, Сила Романович! – поспешила произнести молодая девушка, – мне с вами поболтать большое удовольствие доставляет. Вы ведь хороший, простой, детишек вот как любите. Разве можно с вами скучать!

– Вот и спасибо вам, Лидия Валентиновна! – задушевым ласковым тоном ответил Строганов. – Век не забуду похвалы вашей! осыпали вы ею меня, можно сказать. Такая, как вы, да вдруг...

– Какая же я такая, по вашему, особенная? – весело смеясь, произнесла молодая девушка.

– Именно-с! Именно-с, особенная, Лидия Валентиновна. Нет уж больше таких. Светлая вы какая-то, точно лучи от вас исходят. Там, тогда, в концерте, как услышал я вас, пение ваше, так я подумал: точно ангел!

– Ну, я довольно-таки строптивый ангел, надо сознаться! – засмеялась Лика, вспоминая сегодняшний разговор с матерью.

– Уж это нам судить позвольте! – снова застенчиво улыбнулся он и, еще раз с каким-то благоговением пожав пальчики молодой девушки, вышел из комнаты, сопровождаемый до прихожей облепившей его толпою ребятишек.

Получасом позднее и сам князь приехал в свой питомник.

– А, я поджидаю вас сегодня! – приветствовала его Лика.

– Разве что-нибудь случилось в приюте за мое отсутствие? – с явной тревогой в голосе спросил князь.

– Нет, нет! Случилось, но не тут, успокойтесь!

– Что такое? Вы тревожите меня, Лидия Валентиновна, – заволновался он снова.

– Мама очень неохотно пускает меня сюда, в ваш питомник, – вот что случилось, не более! – созналась Лика.

– И что же? – после недолгого молчания опечаленным голосом спросил князь.

– А вы же видите, я все-таки приехала, хотя это и очень дурно так огорчать заботливую и любящую мать! – печально произнесла девушка.

– Из-за нас, стало быть, вы ослушались Марию Александровну, во имя нашего дела принесли нам жертву, Лидия Валентиновна? Позвольте же от души поблагодарить вас за это! Дети! дети! – обернулся он к толпившимся вокруг них ребятишкам, – вы знаете, что ваша добрая фея, ваша тетя Лика чуть было не улетела от нас?

– Тетя Лика – ангел! Дядя Сила это сказал, – серьезнейшим тоном произнесла голубоглазая Танюша, потянувшись губами к лицу Лики.

– Правда, правда, дети, тетя Лика – вам ангел, – глядя на молодую девушку произнес князь и, вдруг поймав печальный взгляд Лики спросил: – вы не должны сердиться на нас однако, Лидия Валентиновна, что мы невольно приносим вам столько неприятностей и тяжелых минуток.

Лика удивленными глазами вскинула на своего собеседника. Да разве она могла сердиться, что он говорит! Ведь это живое дело захлестнуло ее с головою вполне и заставило снова почувствовать полноту и радость жизни!

О, нет, сердиться она не может, ей только грустно, грустно, что так печально складываются обстоятельства.

И Лика тут же рассказала князю, как она всегда стреми-

лась найти такое, именно, большое захватывающее дело, каким является княжеский питомник.

Князь внимательно слушал девушку.

Да, он с первого же дня встречи не ошибся в ней. Он не встречал среди избалованных светских барышень ничего подобного Лике.

Ему показалось, что снова воскресла его покойная любимая княгиня. Это ее голос, ее взгляд, ее великодушные порывы и неизъяснимая доброта! И вторично толкнулась мысль в голову князя о том, что лучшей матери одинокой малютке Хане, лучшей подруги жизни ему, князю, нежели эта чудесная, добрая и чистая душой и помыслами девушка, не найти. Взволнованно вслушивался он в слова Лики, ловя каждое из них больше сердцем, нежели умом и все тверже, все определеннее крепла и развертывалась робкая в начале мысль в голове князя.

Да, она будет доброй, чуткой матерью, и подругой его Хане и верным товарищем мужа на трудном жизненном пути.

В этот день князь уехал позднее обыкновенного из приюта, обласкав детей и щедро одарив их подарками. Он решил в скором времени просить Лику Горную выйти за него замуж.

XIV

Барон Карл Карлович Остенгардт и Рен Горная являлись совершенно исключительными женихом и невестой. Прежде всего Рен категорически отказалась от шитья приданного, а деньги, назначенные для этой цели, решила употребить целиком на покупку автомобиля. Между нею и ее женихом никогда не происходили столь обычные для будущих молодых супругов совещания по поводу предстоявшей им совместной жизни.

Мистер Чарли приходил ежедневно к шести часам и после обеда усаживался с Рен за партию шахмат, храня свое обычное величественное спокойствие. Жених и невеста никогда не говорили о своих чувствах друг другу, да и вообще мало говорили о чем-нибудь, кроме спорта.

– Очень удачное супружество! Они так чудесно подходят один к другому, – следя глазами за прямыми, длинными фигурами, чуть склоненными над шахматной доской, говорил со смехом Анатолий.

Лица по-прежнему ездила в приют, часто встречала там князя, и с каждой новой встречей все больше и больше привыкала к этому прекрасному и достойному человеку.

Князь Гарин по-прежнему был изысканно почтителен и предупредителен с нею и с каждым разом все больше приходил к убеждению, что лучшей жены, нежели Лица, ему не

найти. Лишь бы молодая девушка согласилась осчастливить его самого и будущность маленькой Ханы.

Свадьба Рен должна была состояться в середине ноября, а к Рождеству молодая чета стремилась уехать в Финляндию, где у барона было большое поместье, которое он важно называл своим замком, хотя на замок оно и не походило ничуть.

Мария Александровна, несмотря на ярое сопротивление будущих молодых, решила все-таки отпраздновать свадьбу Рен с возможною пышностью. Она радовалась предстоящему торжеству и тому, что холодная, эгоистичная, всем недовольная Рен нашла наконец себе партию, да еще такую хорошую партию, по мнению матери.

«Хоть бы и Лике впору, несмотря на то, что она умница, красавица и воплощенная доброта!» – мысленно рассуждала Марья Александровна, глядя в лицо младшей дочери и мечтая теперь о еще более прекрасном жребии судьбы для Лики.

«Все эти питомники, благотворительность, вся эта возня с чужими ребятишками, как это должно изводить бедную девочку! – тревожно рассуждала госпожа Карская, – она даже похудела заметно. Немудрено. Только и заботы о том, что здоровы ли, сыты ли, веселы ли ее питомцы!»

А молодая девушка, которою были сейчас полны мысли ее матери, тщательно занятая в это время рассматриванием подвенечного платья сестры, быстро повернула голову в сторону Марьи Александровны, увидела ее озабоченный любя-

щий взгляд и низко опустила над каким-то затейливым кружевным воланом свою золотистую головку.

– Дитя мое, Лика! Что с тобой? – Сердце Марии Александровны невольно сжалось при виде осунувшегося личика дочери. Она давно не говорила так ласково, так просто и сердечно с Ликой. Сердце и инстинкт матери разом заглушили ее прежнее недовольство молодой девушкой. – Моя девочка, что с тобою?

Что-то родное, давно утраченное и вновь приобретенное послышалось Лике в звуках материнского голоса. Через минуту она уже очутилась в объятиях Марии Александровны, вся дрожала, билась как подстреленная птичка на ее груди и, плача и смеясь в одно и то же время, шептала:

– Мама! Мама! Дорогая моя! Вы – моя, вы вернулись ко мне! Я знала, о, мама! Как я счастлива снова!

– Дитя мое, скажи, чем ты несчастна? – размягченная, взволнованная и испуганная спрашивала дочь Мария Александровна.

– О, как я страдала без вас, без вашей ласки все это время, мама, моя родная! – чуть слышно вырвалось у Лики. – Я ведь чувствовала свою вину перед вами и... и...

Мария Александровна обняла и расцеловала Лику...

– Все забыто! Все забыто и прощено... Ведь я сама так горячо люблю мою «особенную» маленькую девочку! – шептала она, сама едва удерживаясь от рыданий.

– Слезы? В самый день моей свадьбы! Весьма любезно

с твоей стороны, Лика! – внезапно появляясь на пороге, вскричала недовольная Рен.

– Дайте ей лавровишневых капель, она успокоится! – коротко бросила она мисс Пинч, как тень следовавшей за нею всюду. – Ехать в церковь с красными глазами нельзя... Советую тебе прийти в себя и успокоиться хорошенько, – закончила она своим обычным ледяным тоном.

– В самом деле, девочка моя! Постараемся успокоиться обе! – шептал на ухо плачущей девушки нужный и взволнованный материнский голос.

Но Лика уже овладела собою. Счастливая, успокоенная и обрадованная внезапной материнской лаской, она, крепко поцеловав мать, вбежала в свой розовый будуар, где все говорило ей о нежных заботах той же милой мамы, и в этой розовой комнатке дала полную волю своему радостному порыву. Ах, как она снова счастлива сегодня! ее дорогая мама снова горячо приласкала ее! Она ее простила вполне и больше не будет сердиться на нее, Лику. И Лика впервые с восторгом взглянула на нарядное розовое платье, тщательно разложенное на маленьком канapé, которому до сих пор не уделяла никакого внимания. Она наденет сейчас это розовое платье, этот венок розовых маргариток, приготовленных для нее тою же баловницей мамой, и без тени недавних тревог поедет на венчание сестры.

– Феша! – крикнула Лика тем радостным голосом, которого не слышно было за последнее время в огромной квар-

тире Карских, – дайте мне скорей одеваться, Феша!

И, весело напевая, принялась за свой туалет. Расторопная Феша ловкими руками поспешила нарядить свою «любимую» барышню, как называла в глубине души молодая горничная Лику в отличие ее от нелюбимой Рен.

Она отлично понимала всю разницу между обеими сестрами. От Лики Феша не слыхала ни одного резкого слова, тогда как сестра последней всегда презрительно и свысока обращалась с ней.

Через полчаса младшая Горная, уже вполне готовая, вышла в гостиную со счастливым лицом, с сияющими, хотя и заплаканными глазами. Надо было ехать в церковь. Она быстро подбежала к матери, прижалась к ней на минуту и прошептала глубоким, прочувственным тоном:

– Мамочка! Милая, родная! Так вы все-таки любите свою Лику?

– Глупышка маленькая! И ты смеешь еще сомневаться в этом?

И притянув к себе дочь, Мария Александровна еще раз горячо поцеловала ее в знак полного своего прощения.

XV

Как и в обычное, обыденное время, так же и сейчас, во все время венчания, Рен была невозмутимо спокойна по своему обыкновению.

Бросая вокруг себя гордые, самодовольные взгляды, она высоко поднимала свою чопорную голову, гордясь, казалось, перед сверстницами выпавшим на ее долю счастьем.

И мистер Чарли не уступал в этом своей невесте. Он был вполне доволен ею и самим собой.

– Поздравляю тебя от души, сестра, – обратилась к новобрачной с искренним сердечным порывом Лика, когда, по окончании обряда, Чарли и Рен остались на амвоне, чтобы принять поздравления приглашенных. – Я надеюсь, ты будешь счастлива вполне!

– Надеюсь, – ответила Рен и ее деревянный голос прозвучал такой не допускающей возражения самоуверенностью, что Лика сама преисполнилась уверенностью за счастье сестры.

– Брат Чарли! Поздравляю вас!

– Сестра Лика! – барон нагнулся и поцеловал руку своей новой *belle soeur* по обязанности родственника.

Лика поспешно отдала ему поцелуй в голову или, вернее, в тщательно подстриженную щетинку волос и поспешила в смежный с церковью зал, где приглашенных ждали конфеты,

фрукты, шампанское и чай.

– Позвольте поздравить вас, Лидия Валентиновна! – слышался Лике звучный, уже хорошо знакомый голос.

– С чем? – улыбнулась она, радуясь видеть снова своего друга князя. – С чем поздравить? Ведь не я же венчалась, Всеволод Михайлович, а сестра.

– Да, но это так принято поздравлять родных и знакомых новобрачных, – пояснил ей улыбаясь князь, передавая ей бокал с искрящимся в нем вином.

Лику неудобно приняла его из рук князя, намереваясь подойти с ним еще раз поздравить молодых, что хрупкая хрустальная вещица выскользнула из ее руки и упала на пол, разбившись на мелкие кусочки.

Лику вспыхнула до слез от смущения за свою неловкость.

– Ничего, Ликушка, бей больше, это счастливая примета! – весело подхватил Толя, состоящей шафером Рен, подбегая к младшей сестре, и тут же поправил ее оплошность, подавая ей новый бокал, до краев наполненный искрящимся вином.

– За вашу идею, князь, за ваше учреждение, за ваш милый питомник! Да? – с доброй улыбкой чокнулся с Гариным веселый, жизнерадостный юноша.

– И за наших детей, – подтвердил князь Всеволод, – не правда ли, вы согласитесь выпить за наших детишек, за здоровье Феди, Митюши, Тани и других, – протянул свой бокал к брату и сестре Гарин. И Лику, снова сияя, выпила за здо-

ровье своих любимцев-малышей.

XVI

Елка в приюте была назначена на третий день праздника. Лика пригласила на это скромное торжество самых близких и симпатичных из своих друзей. Баронесса Циммерванд, Сила Романович, его кузина Бэтси и Анатолий должны были присутствовать на торжестве приютских малышей. Мария Александровна была не совсем здорова и поневоле осталась дома, хотя и рвалась поглядеть ее приют.

Лика приехала еще задолго до назначенного часа в питомник и деятельно занялась последними приготовлениями к елке.

Последняя вышла на славу. Сила Романович не пожалел денег, чтобы побаловать ребятишек и прислал целый транспорт всевозможных украшений, сюрпризов и конфет, навешанных усилиями Лики, Валерии Ивановны и няни на пышные ветви огромного дерева.

В ожидании почетных гостей, детишки толпились в зале, ахали, пищали, восторгались и с каким-то трепетом и благоговением смотрели на пышную ветвистую красавицу, наполнявшую запахом лесной хвои небольшой приютский зал.

– Ну-с, детвора, а теперь помолимся, пока нет никого; помолимся хорошенько за ваших благодетелей и за то счастье, которое Господь Бог даровал всем вам! – произнесла Лика, покончив с последними украшениями и соскакивая на пол

с высокого табурета, на который она вскарабкалась, чтобы возможно удобнее украсить верхушку зеленого деревца.

Вмиг детишки притихли и, еще теснее окружив свою юную попечительницу, опустились по ее приказанию на колени посреди зала и вперили в висевшую перед ними, освещенную светом лампы, икону свои детские чистые глазки.

Лица ласковым взглядом окинула свое маленькое стадо и, поместившись позади них, тихим, торжественным голосом запела мелодичную и красивую «Молитву Девы». Почему она выбрала именно эту арию вместо церковной молитвы, молодая девушка решительно не могла себе дать отчета...

Она стояла среди толпы всех этих коленопреклоненных ребятишек, такая же прекрасная и детски чистая, как и они. И песнь ее звучала тою же чистотой, той же всеобъемлющей силой истинного милосердия и любви.

Увлеченная, унесенная как на крыльях куда-то высоко-высоко своим неземным порывом, Лица не слышала как дрогнул звонок в передней, как горничная открыла дверь, как на пороге появилась стройная, высокая фигура князя. И лишь, как гимн закончился мелодичной и особенно красивой нотой, молодая девушка подняла голову, ее глаза встретились с растроганным и просветленным взором Гарина.

– Это вы! А я и не слышала, как вы подошли! – проговорила она смущенно, наскоро поправляя растрепавшиеся во время возни и уборки елки волосы.

– Если бы вы знали только, как вы были трогательны сей-

час, сию минуту, окруженная молящимися детьми! – произнес князь, добрым, ласковым взглядом глядя в лицо девушки, – и как страшно жаль, что по причине простудного недомогания моя Хана не могла приехать сюда сегодня повидать вас и познакомиться с нашей детворой. Она бы приняла вас за ангела, слетевшего к нам с неба.

Баронесса Циммерванд и оба Строгановы – Сила и Бэтси застали князя и Лику, окруженными шумящей, визгливой, в полном смысле слова, ошалевшей от радости детворой.

– Вы – точно хорошие волшебники среди чающих от вас щедрот всех этих крошечных людей, – загудел бас вошедшей в зал великанши баронессы.

– Нет, волшебники – не мы, а вот кто волшебник! – вскричала Лика, выдвигая вперед несказанно смущенного ее вниманием Силу Романовича. – Посмотрите, чего только он не надарил детям!

– Ну, вот, помилуйте! Как же не послужить доброму делу! – смущенно оправдывался тот, краснея и меняясь в лице от непривычного для него всеобщего внимания и любезности.

– Господа! Mesdemes et monsieurs! Чтобы не терять золотого времени даром, я предлагаю сейчас же зажечь елку! – весело вскричал Анатолий к немалому удовольствию карапузика Феди, преважно восседавшего у него на плечах. Другие дети тоже в одну минуту окружили молодого пажа.

– Федя! Зажигай елку! – живо командовал юноша, протя-

живая малютке палку, на конце которой была прикреплена тоненькая розовая свечка.

– И я, дядя Толя! И я! – подняла голос Танюша, общая любимица взрослых и малышей.

– Нет я! Я зазгу всех люцсе, – пищал чей-то тоненький голосок. И детишки со всех сторон затеснились к елке, отчаянно шумя и суетясь. При вмешательстве взрослых удалось установить кое-какой порядок. Елку, наконец, зажгли к полному восхищению ребят и рбздали малышам рождественские подарки. Федя завладел прекрасным зеленым пароходом, привезенным сюда Силой Романовичем, а голубоглазая Танюша укачивала, как заботливая мамаша, своего ребенка – очаровательную куклу – подарок князьеньки.

– Ох, какая она красивая, тетя Лика! Чудесная, красивая, совсем как ты! – говорила, захлебываясь восторгом, девочка, то и дело покрывая поцелуями фарфоровое личико куклы. Лика с заботливой нежностью заплетала в это время в косичку растрепавшиеся локоны ребенка, не замечая, как две пары глаз смотрят на нее с необычайным сочувствием и добротой.

То были глаза князя Гарина и добродушной баронессы, его тетки.

– Как она мила, как необычайно добра эта милая Лика! – произнесла шепотом огромная баронесса, обращаясь к своему племяннику. – Вот такая девушка способна сделать вполне счастливым человека, который назовет ее своею женой.

А знаешь ли, о чем я часто подумываю, Всеволод, – еще более понизив свой чересчур зычный голос и отводя в сторону племянника, заговорила она снова, – вот бы тебе такую подругу жизни, старшую сестру, воспитательницу твоей любимицы Ханы. А! Права я или нет, говори?

– Что вы говорите, тетя, – даже в лице изменился князь, так как догадливая тетка угадала его сокровеннейшие заветные мечты. – Я слишком стар для mademoiselle Лики, она не пойдет за меня! – прибавил он смущенно.

– Ах, глупости, – снова забасила баронесса, – Лика серьезная, милая девушка, а не бальная танцорка, не пустая, легкомысленная светская кукла. Ей не балы, не танцы нужны, а полезная, хорошая трудовая жизнь. Я поняла это с первого же знакомства с нею. Ей гораздо важнее получить друга и сотрудника в общем деле, нежели веселого молодого мужа, и таким другом и сотрудником ты ей можешь быть вполне.

– Если бы это случилось, я был бы счастливейший из смертных, дорогая тетя! – горячо вырвалось из груди князя Всеволода. – Только... только я сам никогда не решусь предложить себя в мужа этой очаровательной и великодушной девушке! – Сделав короткую паузу, шепотом заключил он свою речь.

– И не надо! – загудел шепот баронессы, – и не надо! Кто тебя просит соваться. Я это сделаю за тебя. Сама ведь я давно вижу, как тебе нравится Лика – моя любимица и, откровенно говоря, давно задалась целью сосватать ее тебе.

– Поди-ка ко мне, прелесть моя! – подозвала энергичная старуха проходившую за руку с Таней мимо них девушку. – Мне надо переговорить с тобою... Нет ли у вас здесь укромного уголка, где бы никто нам не помешал, – обратилась попутно к Валерии Ивановне баронесса.

– Пожалуйста в мою комнату, ваше превосходительство, там вам никто не мешает, – любезно и предупредительно предложила та.

– Ну вот и прекрасно, к вам так к вам! – загудел снова на всю залу всем хорошо знакомый голос и, взяв Лику под руку, огромная баронесса поспешила вслед за надзирательницей в ее уютный кабинет, находившийся тут же, поблизости залы.

– Вот в чем дело, дитя мое! – понижая насколько это было только возможно свой басистый голос, начала баронесса, усаживаясь вместе с Ликой на диване в уютной маленькой горнице Валерии Ивановны и ласково глядя в лицо изумленной девушки, – не удивляйся, пожалуйста, если я, по моей простецкой привычке, приступлю прямо к цели без всяких подходов и вывертов ваших светских? Вот в чем дело, дорогая моя девчушка: есть человек на свете, добрый, чуткий, гуманный, честный и отзывчивый, который всю свою жизнь отдаст на служение другим, ну, словом, как две капли воды похожий на тебя духовно. И этот человек любит тебя, Лика, и мечтает о тебе как о доброй волшебнице, могущей помочь ему в его добрых начинаниях, мечтает увидеть тебя около него другом и второю матью его приемной дочери, кото-

рую он любит без границ... Но этот человек не молод, Лика, и опасается открыть тебе свою душу, не зная твоего отношения к нему, и ему тяжело будет выслушать отказ от любимой им девушки, а по этому, мой племянник (ты угадала, конечно, с первого слова, о ком я говорю) и уполномочил меня узнать у тебя решение его судьбы, дорогая Лика. Согласна ли ты стать его женою и другом, матерью его дочери и ее старшей заботливой сестрой. Подумай об этом хорошенько, дитя мое, сможешь ли ты осчастливить своим согласием этого достойного и прекрасного во всех отношениях человека?

Баронесса замолкла и смотрела внимательно и ласково в вспыхнувшее личико девушки. Лика молчала. Глубокое волнение охватило ее. Сердце ее забилося, взволнованные мысли закружились в голове.

Князь Гарин давно нравился Лике. Нравился своею добротою, чуткостью и отзывчивостью к детям, к беднякам, ко всему нуждающемуся в его помощи человечеству.

Эти качества Лика ценила в нем больше всего. Чрезвычайно трогала ее и эта постоянная печаль в лице князя. Она слышала от окружающих о его одиночестве, о безутешности после смерти жены, о его крепкой любви к приемной маленькой дочери и все это вместе взятое привлекало ее сердце к доброму, прекрасному, человеку.

Но она никак не думала, что может сама так сильно понравиться ему.

Работая бок о бок с князем в его детском питомнике, Ли-

ка ни разу не задумывалась о том, что случилось сегодня так неожиданно с нею. Она растерялась, смутилась так сильно, что баронесса поспешила прийти на помощь молодой девушке. Обняв Лику, она проговорила ласково, по-родственному заглядывая в лицо Горной.

– Откройся же мне доверчиво, твоему старому другу, Лика, скажи мне по правде, искренно, без утайки, нравится ли тебе князь, радует ли тебя мысль работать с ним совместно отныне в качестве его жены и друга? Привлекает ли тебя мысль об руку с ним продолжать сообща твое служение людям. Ответь мне, подумав хорошенько, моя милая девочка, так как чувствует это твое доброе сердечко. Да или нет? – заключила вопросом свою речь баронесса.

Лица опустила глаза. В них выступили слезы волнения. Она ясно представила себе все то, что ожидало ее впереди. Любимое дело об руку с прекрасным, чутким человеком, который стремится к той же цели, к которой стремится всю свою коротенькую жизнь и она, Лика. Такой человек уже по одному этому не может быть ей чужим и далеким. Он нравится ей, Лике, она привязалась к нему, она его полюбила за недолгое, сравнительно, время их совместного труда. Но только сейчас впервые отдает она себе ясный отчет в своем новом искреннем чувстве к князю.

И, подняв свои светлые, ясные и чистые глаза на баронессу, Лика ответила слегка дрогнувшим голосом:

– Да, я согласна и благодарна за честь оказанную мне кня-

зем. Завтра он может приехать просить разрешения у моей матери на наш брак.

И тут же крепко прижалась к груди баронессы, обнявшей с чисто материнской нежностью свою любимицу.

Несколько минут спустя последняя позвала князя.

Тот вошел неуверенно, не зная еще ее решения Лики.

Но по сияющим глазам обеих женщин он понял внезапно всю величину, свалившегося на него счастья.

– Благодарю вас! О, благодарю и благословляю вас за ваше великодушное решение, – стать ангелом-хранителем моим и моей маленькой Ханы! – произнес он, склоняясь к руке Лики и с жаром целуя эту маленькую ручку.

– А меня, что ж ты не благодаришь? – засмеялась добродушным смехом баронесса. – Или мне ты не обязан тоже частичкой этого счастья, а?

Князь Гарин бросился целовать добрую старуху, ее сияющее от счастья и волнения морщинистое лицо, ее большие пухлые руки. Потом все трое присоединились к гостям и детям, и хотя ни слова не было произнесено о торжественном событии, происшедшем в кабинете уютской надзирательницы, но по улыбающимся лицам «трех заговорщиков», как их потом со смехом весь вечер называл Анатолий, было и без слов понятно, о чем так долго совещались они... Первый, как и надо было этого ожидать, догадался о событии Толя, и, не выдержав, шепнул о нем Силе Романовичу и Бэтси, с которыми был очень дружен.

Сила Романович особенно обрадовался за князя, которого глубоко ценил и уважал. А Лику, продолжавшую казаться ему неземным ангелом, он считал вполне достойной самого огромного счастья на земле.

На правах избалованного взрослого мальчика, которому всегда прощались все его выходки, благодаря его подкупающей веселости, Толя, попросту кинулся на шею баронессы, стал целовать ее морщинистые щеки и бурно благодарить за устроенное ею счастье сестры.

– Вот вы какая настоящая русская сваха! Самая разрусская, московская, а еще носите немецкую фамилию! И вам не стыдно! – смеялся он.

– А ты почтительнее будь со старшими, мальчуган! Я тебя, небось, с пеленок знаю и за вихор трепала в детстве не раз! – весело отшучивалась та. – Небось помнишь, да не скажешь, так ты и не смей меня моей немецкой фамилией попрекать. А то ведь и не посмотрю на то, что ты под потолок вырос и за ушко да и на солнышко живо вытащу, только держись у меня.

– Ха, ха, ха! – весело рассмеялась молодежь при этой шутке.

– А не отпраздновать ли нам сегодня же столь торжественное событие! Не взять ли тройку, да не прокатиться ли по морозцу крещенскому. Ведь еще не поздно и к вечернему чаю успеем вернуться за глаза! – предложил Сила Романович и тут же сконфузился, точно сказал Бог вещь какую нелепость.

– А баронесса ее превосходительство за старшую у нас со-
благоволит быть, – развил дальше его идею Толя и скосил
на баронессу хитро прищуренные глаза. – Вот молодчина-то,
что придумал Силушка Романович. Люблю друга за ум! – в
восторге от плана молодого человека, неистовствовал он.

– И так это ты всегда хорошо придумаешь, Сила, – одоб-
рила и Бэтси своего двоюродного брата.

– Едем! Едем, господа! Нечего терять драгоценного вре-
мени! – суетился Толя.

– Да ты совсем никак ума рехнулся, мой голубчик. Ты ме-
ня-то спросил раньше, разрешу ли я ехать вам, да и поеду ли
я вообще с вами, – притворно сердитым голосом накиннулась
на юношу баронесса.

Но тут молодежь окружила ее со всех сторон и стала так
трогательно просить исполнить их желание поехать с ними,
что добрейшая в мире старуха, не желая огорчать молодую
компанию, живо дала свое согласие.

Сила Романович и Толя помчались заказывать тройку, а
Лика и Бэтси с князем и баронессою снова принялись забав-
лять детей.

Молодые люди очень скоро подкатили к крыльцу приюта в
великолепной тройке с бубенцами, запряженной чудесными
воронами лошадьми. Попрощавшись с детьми и с их дву-
мя наставницами, все шумно высыпали на крыльцо, и стали
размещаться в просторном шестиместном экипаже, весело
болтая и смеясь. Ямщик молодцевато гикнул, и тройка сразу,

сорвавшись с места, бешено понеслась по снежной дороге.

Быстро меняясь, словно в калейдоскопе, замелькали тускло горящие фонари по обеим сторонам улиц, дворцы, величественные здания, деревья скверов, запущенные снегом, и дома с их ярко освещенными окнами. Во многих из них виднелись пышно украшенные ели, мелькали силуэты нарядно одетых взрослых и детей. Снежные комья попадали в тройку, осыпая путников к всеобщему оживлению. Снежная пыль летела прямо в лицо.

Морозный воздух щипал щеки, лоб, губы... Глаза горели, дыхание захватывало от этой бешено быстрой езды.

– Ах, хорошо! – вырвалось вместе с прерывистым вздохом из груди Лики.

– Чего уж лучше! – откликнулся ей своим мягким басом Сила Романович.

Лица посмотрела на него и не узнала в эту минуту молодого человека.

Весь ушедший в свою тяжелую шубу, с высокой бобровой шапкой на голове, широкоплечий и огромный, он казался ей настоящим косматым медведем.

А из меха шубы выглядывало доброе, открытое, улыбающееся ей, ласковое лицо, мягко сияли светлые, кроткие глаза.

– Какой он добрый, – мелькнуло у нее в голове.

– А князь еще добрее и лучше! Князь лучше всех в мире! Лучше всех! – мелькнула в ее головке новая мысль.

И она перевела ласковый взгляд на своего жениха.

Вечернее освещение и свет мелькавших по дороге фонарей наложили какой-то странный отпечаток на лицо князя. Обычной печали не было в нем сейчас. Напротив, оно точно сияло и из его глаз исходили лучи тихого безмятежного счастья. Седеющие волосы и старившие обыкновенно его лицо были не видны сейчас, прикрытые шапкой, и весь он казался радостным и оживленным.

– Вам не холодно, Лика? – озабоченно обратился он к девушке, заметив ее пристальный взгляд.

– Нет, нет, ничего! Мне так хорошо! Так славно! – поспешила она ответить.

– Еще недоставало простудить девочку! – загудел из-под собольей перелины голос баронессы, – долго ли до греха,хватила студеного воздуха и готова... Ах, уж и раскаиваюсь же я, что послушалась вас, негодные вы этикие, и согласилась ехать с вами! – добавила она ворчливо.

Быстрее помчалась тройка... Снежная пыль закрутилась сильнее, залились звонче и веселее бубенцы под дугою... Ямщик то и дело весело покрикивал на лошадей.

Никто уже теперь не говорил ни слова.

Все находились под приятным впечатлением чудесной поездки.

Было уже десять часов, когда Толя привез домой сестру.

Лика хотела немедленно пройти к матери поделиться с нею своим счастьем, но подумав, решила, что уже поздно

беспокоить Марию Александровну, которая улеглась раньше обыкновенного, так как чувствовала себя не вполне хорошо, – и решила отложить разговор на завтра.

XVII

– Хана, что с тобою? Куда ты бежишь от меня, моя девочка.

– Ах, это ты рара Гари.

Хана не знала, что рара Гари дома сейчас.

– Ты плутуешь что-то, Хана, подойди-ка ко мне, моя крошка!

Маленькая японочка, проскользнувшая было мимо двери комнаты своего названного отца, вошла в кабинет по его зову.

У Ханы были заплаканные глаза сегодня и вся она казалась очень расстроенной. Ее крошечные губки казались надутыми, щеки были бледны.

И все лицо носило следы слез.

– Что такое с тобой случилось, Хана? Или ты опять не поладила с m-elle Веро? – озабоченным тоном спрашивал князь девочку.

M-elle Веро когда-то была воспитательницей самой княгини Екатерины Гариной. Теперь эта почтенная особа осталась после смерти хозяйки в княжеском доме, чтобы воспитывать маленькую японочку.

С Ханой у бедной француженки было не мало хлопот однако.

Часто старуха Веро жаловалась на девочку князю, так как

какой-то капризный, непокорный бесенок вселялся частенько в дикарку, и в такие минуты Хана решительно отказывалась повиноваться своей гувернантке, не слушала ее замечаний, садилась в угол, надувала губы и целыми часами просиживала так, недовольная всем и злая на весь мир.

Обыкновенно, в такие периоды один только князь умел развлечь и успокоить маленькую капризницу.

Он звал девочку к себе, вспоминал с Ханой ее родину, голубой океан, милый Токио и пестрые цветы красивых царственных хризантем, и целые поля лотосов, любимых Ханиных цветов.

И девочка оживлялась от этих воспоминаний, веселела, утихала и делалась более кроткой и покорной; глазки ее начинали сиять, губки складываться в улыбку, и самая жизнь на чужбине переставала казаться печальной и несносной маленькой Хане.

Она брала музыкальный ящик, привезенный ею с ее родины, усаживалась на ковер, поджав ножки, и ставила себе его на колени. Тогда глаза ее принимали задумчиво грустное выражение, а тонкие пальчики бегло перебирали струны, в то время как нежный тонкий голосок напевал любимые ею песенки ее родины.

И сегодня, предполагая, что его любимицей Ханой овладело так часто посещавшее ее капризное настроение, князь притянул к себе девочку, посадил ее рядом с собою и стал озабоченно расспрашивать маленькую дикарку о причине ее

недовольства.

– Смотри мне прямо в глаза, Хана! – поднимая ее кукольное личико и заглядывая в него внимательным, зорким, встревоженным взглядом, говорил он, – скажи мне откровенно, моя крошка, отчего ты такая надутая сегодня? Ты плакала опять нынче? Я хочу знать всю правду, говори.

– О, Хана не умеет плакать... – гордо и с достоинством отвечала девочка. – Разве рара Гари не знает, что Хана не умеет плакать, как другие мусме ее лет. Хана только петь да плясать умеет. Рара знает, что слез быть не может у Ханы, потому что Хана не захочет обижать своего отца.

И, как бы в подтверждение своих слов, японка схватила музыкальный ящик, положила его на колени и, поджав под себя ножки, уселась на пестрой циновке поверх ковра.

Князь Всеволод стал внимательно прислушиваться к тому, что извлекали из серебристых струн ее крошечные пальчики и думал в это же время о той милой девушке, которая дала ему слово осветить своим присутствием жизнь этого милого, но строптивого ребенка.

– Да, не легко будет первое время ей с Ханой! Бедняжка Лика! Девочка дичится всяких новых знакомых и наверно будет чуждаться и ее первое время. И, Бог весть, как еще встретит она новость о приобретении новой «тата».

Он давно не вел тех бесконечно длинных бесед с Ханой, которые происходили между ними раньше.

С тех пор, как охваченный заботами о бедных детях, при-

зреваемых в его питомнике, князь постоянно был в хлопотах с делами убежища и поручал Хану заботам madame Веро. Теперь же им необходимо «сговориться» с его приемной девочкой по поводу нового события в ее жизни.

Неужели же она не полюбит Лику? Последняя так обаятельно прекрасна со своей чистой хрустальной душой в роли ангела-хранителя его приютских детей; неподражаемо хороша с ее самоотверженным любвеобильным сердцем!

Неужели она не сможет покорить эту дикую, необузданную, но добрую и восприимчивую ко всякой ласке, избалованную девочку.

Эта мысль сейчас снова промелькнула в голове князя и сердце его сжалось тоской. Неужели Хана откажется в повиновении ее будущей молодой матери?

Однако, что такое с ней, с Ханой, сегодня? Она заметно изменилась за это время. Ее кукольное личико осунулось, кожа стала прозрачнее, синие жилки обозначились сильнее на висках. И вся она точно сделалась легче, миниатюрней.

– Ты похудела, Хана? Ты изменилась? Ты не здорова? Больна? – заботливо и тревожно наклоняясь к ней, спрашивал ее названный отец.

В одну минуту музыкальный ящик, из которого до сих пор японочка извлекала печальные звуки, был далеко отброшен с жалобным стоном.

– Рара Гари! Рара Гари! Дорогой мой! Радость моей радости, солнечный луч моей родины! Синяя струйка серебряно-

го ручейка! Отец мой, дорогой отец! Ты не разлюбил? Значит, по-прежнему ты любишь Хану. Не сердишься на нее? – вскричала, вскакивая на ноги, смеясь и плача в одно и то же время, маленькая дикарочка.

– Что ты, Хана? Разве я сказал тебе это? – испуганный ее порывом, говорил князь, глядя черненькую головку девочки.

– Хане было скучно... Хана тосковала без тебя! – залепетала снова своим прежним капризным тоном девочка. – Melle Веро злая, велит учиться по-французски, а Хану не хочет... Хану не хочется учиться. Хану любит петь, играть и плясать свои любимые песни и танцы... Как птичка кружиться по комнате... А madame Веро не позволяет ей это... Ненавидит Хану за это злую Веро.

– Слушай, деточка, – прервал князь взволнованный лепет ребенка, – хочешь твой рара найдет тебе старшую подругу, одну милую, хорошую девушку, которая заменить тебе в одно и то же время мать и сестру? И ты будешь играть и болтать с нею, а madame Веро может жить у нас на покое.

– Что ты говоришь, отец? Подругу? – Хану широко раскрыла свои черные глазки, чуть заметно приподнятые на углах. – Правду ты говоришь, папа Гари? Подруга! Большая мусме! У Ханы будет новая подруга! – кричала она восторженным голосом и, как пестрый мотылек, закружилась по комнате.

– Мусме! Такая же Мусме, как Хану! – заразительно весело смеялась она.

Потом неожиданно стала серьезной и, приблизившись к своему названному отцу, начала самым обстоятельным образом расспрашивать князя, какого возраста новая подруга, какие у нее волосы, глаза, губы. Будет ли она любить ее, Хану, будет ли охотно забавлять ее, или предпочтет сидеть в углу над книжкой, как это делает эта скучная madame Веро.

Князь обстоятельно рассказал Хане про Лику. Самым тщательным образом описал ее наружность и долго-долго говорил о ее необычайной доброте и умении привязывать к себе и детей, и взрослых. Об одном только не сказал князь Гарин, что белокурая девушка, которую он так хвалил своей приемной дочурке, сделается его женою, и что он так же будет любить ее и заботиться о ней, как заботился до сих пор после смерти первой жены об одной только Хане.

– Надо исподволь подготовить девочку к тому, что у нее будет новая воспитательница, сразу не следует волновать ее и без того взволнованную новостью приобретения старшей подруги, – решил он в глубине души. И снова стал рассказывать о Лике дочурке, заставив маленькую японочку радоваться от души от предстоящего ей удовольствия иметь такую прекрасную подругу.

В этот вечер Хана заснула позднее обыкновенного, сладко мечтая о златокудрой девушке, которая придет делиться с нею ее, Ханиными, радостями и невзгодами. И во сне она видела Лику, такую, какую описывал ей ее князь. И сонная девочка сладко улыбалась своим грезам и протягивала руки,

желая во что бы то ни стало обнять милое златокудрое существо.

XVIII

– Тише! Не будите их. Они только что уснули.

– Но разве теперь время спать? Что за странные порядки в этом доме!

Рен, щегольски одетая в дорожный суконный туалет, с сумочкой через плечо, заглянула в спальню Лики.

– Всю ночь не спали... Головка разболелась... под утро только и соснули немножко, – предупредительно докладывала ей Феша.

– Экая досада! Я только что с дороги. У вас какое-то сонное царство... И могут же безалаберные люди спать целые дни! – возмущалась Рен, пожимая своими тонкими плечами.

– Я не сплю. Что такое? Кто там, Феша? – послышался с постели тревожный голос Лики. – Ах, Рен, как я рада тебя видеть! Отчего вы вернулись так рано, однако?

– Но мы и не думали возвращаться. Барон, мой муж, остался в замке, а я прилетела сюда с мисс Пинч с курьерским. Ты посмотри только на эту телеграмму, – возмущенным тоном заключила она, протягивая бумажку Лике.

Феша ловко раздвинула драпировки окна, и целый сноп солнечных лучей ворвался в комнату. Рен тут только при ярком освещении заметила счастливое личико Лики.

– Ну, так я и знала, ты сияешь! Значить, ты счастлива. Взгляни, однако, что телеграфировал мне ночью Анатоль.

«Милая Рен. Случилось событие: нынче вечером князь сделал предложение Лике. Надо, чтобы ты приехала домой поздравить ее».

– Как? Что такое? Когда же он успел однако! – смущенно залепетала Лика.

– Это мне надо спросить тебя! Вы живете здесь и находитесь в курсе всего. Послана срочной. Я, как только получила, сейчас же с ночным поездом сюда. Как видишь, я достаточно нежная сестрица, – и Рен иронически скривила губы, что должно было означать улыбку на ее длинном лице.

– Благодарю тебя, Рен, от всего сердца! А вот Толя бесовестный, ни говоря ни слова телеграфировал тебе, прежде нежели мама обо всем узнала. Это верно тогда, когда он за тройкой ездил.

– За какой тройкой?

– Да ведь мы катались вчера! Ах, да ты не знаешь!

И Лика рассказала сестре все, что случилось с нею, торопливо одеваясь в то же время при помощи Феши.

Было около часа дня, князь или уже был у ее матери или должен был приехать каждую минуту. Ах, как она волновалась сейчас! Полночи она провела за письмом к тете Зине и синьору Виталио. Она писала им, что теперь ее деятельность на пользу человечеству развернется шире и мощнее. Она выходит замуж за человека, который будет помогать ей в этом, который чувствует так же, как и она, горячую потребность всю свою жизнь, все силы отдавать на пользу нуждающимся,

сырым и голодным людям.

Да, она счастлива, вполне счастливее их Лика...

Князь Гарин положительный, серьезный человек, много переживал в своей жизни, и тетя Зина и добрый синьор Виталио могут быть вполне спокойны за их девочку.

И пока девушка писала эти письма, наполняя их страницы похвалами своему жениху, самое чувство Лики к князю разрасталось с каждым мгновением в груди ее.

И долго еще не могла заснуть в эту ночь девушка: перед ее духовным взором неотступно стоял образ князя и ей казалось, что она давно сильно и крепко любит этого человека. Да, любить его крепко, всей своей душой, такого отзывчивого и мягкого ко всему доброму, светлому и благородному в мире. Сейчас же волнуясь, едва успевая отвечать на вопросы Рен, Лика одевалась, причесывалась, умывалась... Вот она и готова. Вот подает руку Рен. Выходить с нею в коридор. Идет, не слыша ног под собою в столовую, оттуда в зал, где обычно Мария Александровна принимает гостей.

В соседней с залом гостиной у Марии Александровны сидит кто-то. Кто-то знакомый и бесконечно уже дорогой ее, Ликиному, сердцу и говорит с ее матерью.

Она сразу узнала этот голос, тот же певучий и мягкий баритон, который так понравился ей еще там, на эстраде, в концертном зале.

И снова сильное чувство к князю заставило забиться ее юное сердечко.

Она не помнит, как вошла в гостиную по зову матери, как бросилась в ее объятия, как выслушивала ласковые речи Марии Александровны, произносившей добрые, светлые слова.

– Дитя мое! Князь Всеволод Николаевич Гарин делает нам честь – просит твоей руки...

И другой бесконечно дорогой голос, прозвучавший где-то близко-близко от нее.

– Нет, я должен просить Лидию Валентиновну оказать мне эту честь.

И потом все сразу смешалось в каком-то розовом хаосе счастья. Поздравления родных, лучшие пожелания счастья, сердечные советы матери, все это посыпалось сразу на счастливую Лику и ее жениха.

Пришел Анатолий, приехал отчим, прикатила великанша баронесса. Лику затормошили расспросами на счет их будущей жизни.

Обычно степенная, холодная гостиная Карских ожила, повеселела. Даже чопорная Рен, вызвав на свое сухое лицо некоторое подобие улыбки, постаралась выразить свое удовольствие по поводу счастья, доставшегося на долю сестры.

Про Толю нечего было и говорить. Молодой пажик словно голову потерял от радости, забыв свой почтенный восемнадцатилетний возраст, он прыгал через кресла и стулья, барабанил на рояле свадебный марш и, разойдясь окончательно, кончил тем, что схватил мисс Пинч и завертелся с нею в вальсе к полному ужасу чопорной старухи.

XIX

Для Лики настали новые радостные дни. Теперь ежедневно в квартиру Карских приезжал князь. Он подолгу просиживал со своей невестой, строя планы их будущей жизни, раскрывая перед ней свои мечты на счет устройства новых сиротских домов, питомников, школ и богаделен. Все то, о чем мечтала тетя Зина, не имевшая достаточно средств для осуществления этой мечты, мог сделать свободно и легко князь Гарин, обладающей громадными капиталами.

Грезы Лики сбывались наяву. Все ее желания осуществлялись на деле. Нашелся человек, который поможет ей жить так, как она мечтала с детства. Школы, питомники, богадельни! О, сколько труда и работы ждет ее впереди! Спасибо! Спасибо ему сердечное, этому великодушному человеку! – восклицала не раз мысленно девушка и с каждым днем все больше и крепче привязывалась к князю, все больше и глубже чувствовала свою благодарность, уважение и горячую привязанность к нему.

Теперь ей часто казалось странным, как могла она не думать раньше о князе. Теперь, беседуя подолгу с ним, Лика много и подробно расспрашивала его о покойной княгине, о маленькой Хане, восторгаясь добродетелью первой, она мечтала как можно скорей увидеться и познакомиться со второй.

– Успеете еще сделать это, моя дорогая! – утешал ее

князь. – Хана – капризное маленькое создание. Ее надо исподволь подготовить к готовящейся ей в жизни перемене. Теперь я приучаю ее понемногу к мысли, что у нее будет прелестная, очаровательная подруга ее занятий и игр. И когда Хана, очень легко поддающаяся привязанности, будет просить меня познакомить ее с вами и привезти ее к вам поскорее, тут я и скажу ей, чем, в сущности, будете вы для нас обоих, дорогая, несравненная Лика! Не правда ли так будет лучше всего?

– Разумеется! – согласилась Лика, – все это вы сделаете, все хорошо и мудро! – прибавила она, с беззаветной преданностью глядя в лицо своему жениху.

Иногда Лика и князь пели дуэты. Их чудные голоса разливались по всему дому, зажигая восторгом сердца слушателей. Теперь Лика уже не дичилась общества, как раньше. Напротив, ей было приятно выезжать с князем, посещать своих и его родственников и родных. Приятно было навещать светских приятельниц и делиться с ними своим счастьем.

Она не могла не гордиться своим прекрасным, благородным женихом!

Иногда они ездили втроем с Анатолием, когда он приходил из корпуса, или с Бэтси, часто навещающей к Лике, в театр и, замирая от восторга, слушали оперы, которые так любила Лика. В честь молодой пары устраивались обеды, рауты, вечера среди друзей. Князя очень любили и уважали в свете и всячески стремились почтить его и его юную не-

сту. Лика писала теперь уже менее длинные письма тете Зине, признаваясь, что счастье немного закружило ее и что она решительно не может понять, куда теперь уходит так много времени. И тут же, попутно, давала обещание как можно скорее войти в обычную колею и снова приниматься за обычную работу в питомнике и других благотворительных учреждениях, которые должны были быть учреждены к концу года щедрыми руками князя.

XX

«Ваша любимица Танюша опасно занемогла. Зовет вас в бреду и в сознании. Ради всего дорогого приезжайте, Лидия Валентиновна! Ребенок очень привязан к вам и вы усладите своим присутствием ее последние минуты. Почтительно преданная вам Валерия Коркина».

– Танюша! Боже мой, Танюша! Она умирает! – дрожа и волнуясь, произнесла Лика, нервно комкая в руках злополучное письмо. – Когда вы его получили, Феша?

– Вчера с посыльным. Вы из театра поздно приехали, барышня, я и не посмела вас беспокоить к ночи! – самым обстоятельным образом доложила расторопная служанка.

– Опасно занемогла вчера, а сегодня, может быть, уже без дыхания... Ужас! А я-то! Я-то забросила их, малышей моих! Ради своей глупой беспечности забросила! – мысленно казнила себя Лика. – По театрам да раутам разъездилась, ради удовольствий всяких жертвовала этой милой детворею... Хороша благотворительница, нечего сказать! – злобно прибавила она, исполненная самоуничтожения и негодования к своей особе. – Ехать во что бы то ни стало, ехать туда сейчас же. Танюша! Умненькая, тихонькая, голубоглазая Танюша, так доверчиво глядевшая на всех своими огромными глазами, и вдруг она умрет! Умерла уже, быть может!

Танюша! Танюша! Какой ужас! Какое несчастье!

Лица дрожащими руками застегивала на себе пальто, завязывала вуаль, и ее сердце билось в груди тревожным боем.

Через полчаса она уже мчалась по Васильевскому острову в своей карете, по дороге в питомник.

– Слава Богу, вы приехали, Лидия Валентиновна! – встретила молодую девушку надзирательница. – Но что с вами? Вы больны были? Отчего мы вас не видели так давно?

– Я, нет... разве долго? – смутилась молодая девушка. – Что Танюша! Ей лучше? Хуже? Да?

– Плоха Танюша! Вряд ли выживет! Жаль девочку! Такая хорошенькая, нежненькая... Самая ласковая из всех наших детей! – печально роняла надзирательница.

– Умрет! – едва удерживая слезы, глухо проронила упавшим голосом Лица. – Но... но почему же вы раньше не дали мне знать об этом? – с упреком бросила она Коркиной.

– Да помилуйте, Лидия Валентиновна! Вы сами должно быть были больны! – оправдывалась та. – Кто бы вас посмел беспокоить? И потом, ухудшение в последние три дня началось только. Мы вас зря беспокоить не хотели. Если бы вы здоровы были, приехали бы сами! А раз вас нет, значит, больны. Иначе и быть не могло!

– Иначе и быть не могло! – эхом откликнулась Лица, в то время как ее сердце сжалось вполне заслуженным упреком. Она отлично поняла, что добрый князь не хотел тревожить ее в счастливые минуты и о Танюшином недуге умышленно

не сказал ни слова. А она-то! Ни разу не навестила питомника за все время. О, как жестоко, как несправедливо было с ее стороны уйти в свое эгоистическое счастье, забыв обо всем остальном мире. Разве эти дети, маленькие, жалкие сироты, призреваемые здесь в питомнике, не брошены были ею на произвол судьбы за все это время?

– Где Танюша? – резко произнесла она, желая замаскировать охватившее ее волнение.

– Пожалуйте. Я ее у себя в комнате держу: в детской совсем невозможно, ребята беспокоят. Сила Романович пожертвовал опять на устройство лазаретной палаты, по этой лестнице же велел нанять небольшую квартиру.

– Сила Романович... да... да... хорошо! – как во сне роняла Лика.

Страх за Таню, раскаяние, угрызение совести, негодование на себя, все смешалось в душе Лики, все слилось в один сплошной мучительный хаос.

– Тетя Лика приехала! Кто скорее к тете Лике! – услышала она веселый голос Федюши, и вся орава детишек бросилась навстречу к ней.

– Ты больна была? Отчего не ехала? А мы ждали, ждали! Танюша захворала... Кричит все время... Страшно! Доктор ездит, такой важный с очками на носу! Страсть! – докладывали ей со всех сторон ребятишки.

– Милые вы мои... – бегло ласкала их мимоходом Лика, – соскучилась я без вас. Постойте-ка, сейчас к Танюше схожу

и вернуться к вам снова.

Она нежно отстранила от себя прильнувшего к ней Федю, кивнула остальным и быстро направилась в комнату Коркиной.

На широкой постели надзирательницы вся красная и пылающая, как огонь, лежала Танюша. Белокурые локоны расстрепались по подушке, окружив точно сиянием исхудалое и заострившееся личико больной. Глаза девочки были широко раскрыты и блестели нестерпимым, горячечным блеском. Засохшие губки с трудом выпускали горячее дыхание.

– Тетя Лика... – с трудом произнесли эти губки, и исхудалая, похожая на лапку цыпленка, ручка, с трудом отделившись от одеяла, протянулась к молодой девушке.

– Сокровище мое! – изнемогая от жалости, произнесла Лика, осторожно охватывая исхудалое тельце ребенка.

– Я рада, что ты приехала! Я рада! – лепетала Танюша, – я боялась, что не увижу тебя и князьку. Я так тебя люблю, тетя Лика, так люблю и вот... вот увидела, наконец.

«Что это? – сознательное предчувствие смерти или так детский лепет у нее?» – подумала тревожно Лика и вдруг, наклонившись над Таней, сейчас только увидела багровые пятна, зловещими кругами выступившие на груди и шейке больной.

– Когда был доктор? – дрожащим голосом спросила она надзирательницу.

– Вчера вечером, Лидия Валентиновна.

– А этого он не видел? – спросила Лика, указывая на пятна, покрывавшие тельце Тани.

Валерия Ивановна, очевидно, сама только что заметила их сейчас.

– Боже мой, заразное что-то у Танюши нашей, – прошептала она в ужасе и тревоге.

– Надо детей отделить... или ее увезти отсюда... Надо весь приют перевернуть вверх дном. Доктора еще позвать, консилиум собрать, что ли, – роняла слово за словом Лика, хватаясь за голову и в волнении дрожа всем телом.

– Сейчас же детей перевести в другое помещение... сию минуту необходимо сделать это. Да.

– Нельзя этого, Лидия Валентиновна, нельзя без княжеского приказания, он сказал, что все сделает сам, не могу действовать без него, – отвечала Коркина, волнуясь не менее Горной.

– Но Танюша умрет, пожалуй, пока мы узнаем распоряжение князя?

– Ничего не могу поделать, Лидия Валентиновна, неудобно без его разрешения, – твердо произнесла Коркина, а у самой сердце облилось кровью при мысли о том, что могло случиться с Таней.

– Я поеду к нему! – глухо произнесла Лика, – и привезу его сюда к Танюше... Надо ее спасти! – во что бы то ни стало спасти, поймите!

– Не уходи, тетя Лика... побудь у меня... побудь, – зале-

петала в ту же минуту в смертельной тоске больная, цепляясь своими худенькими пальчиками за платье молодой девушки.

– Сокровище мое, я опять к тебе приеду... Маленькая моя! Бесценная моя бедняжка!

И Лика осыпала бесконечными поцелуями слабенькую, крошечную грудку, где зловещими пятнами выступили признаки болезни. Потом, наскоро пожав руку Коркиной и сказав, что через полчаса будет здесь снова, вышла из приюта.

XXI

Одно жгучее безумное желание выхватить из когтей смерти Танюшу руководили Ликой, пока она ехала по бесконечным линиям Васильевского острова на Каменноостровский проспект, где жил князь. Личные чувства ее к жениху, точно придавились под тяжестью сознания несчастья, которое теперь овладело всем ее существом.

Она винила себя в недосмотре, невнимании и в полном равнодушии к делам питомника за все последнее время, погрузившись с головой в свое личное счастье, в свои собственные мелкие, как ей казалось теперь, интересы.

«Забросила! Забросила, цыпляток моих! – с горечью мысленно повторяла самой себе Лика, – забросила жалких, маленьких, точно и не было их у меня совсем на свете. Гадкая я, бездушная, скверная эгоистка!»

Так громила она себя во всю долгую дорогу к дому князя. Но, чем ближе подъезжала Лика к незнакомому ей еще дому Гарина, тем тише и тише становилась ее злоба на себя, тем острее и ярче вспыхивала в ней неясная бессознательная радость предстоящего свидания с князем... Сейчас она увидит его, скоро, скоро... сию минуту увидит его добрые глаза, услышит его ласковый голос, так и врывающийся прямо в душу, который так близок ее любящему сердцу. С сильно бьющимся сердцем сошла Лика с извозчика у ворот княже-

ского дома и направилась по широкой дороге прямо к главному крыльцу, наугад отыскивая путь.

Не слыша ног под собою, она поднялась по ступеням крыльца и позвонила у подъезда.

Внушительного вида лакей открыл ей двери.

– Князь дома? – спросила молодая девушка срывающимся от волнения голосом.

– Никак нет!

При этом ответе на прелестном личике Лики выразилось такое красноречивое отчаяние, что даже выдавшему на своем веку виды лакею стало жаль от души этой неожиданной посетительницы. Он смутно догадывался к тому же, что белокурая барышня и есть будущая хозяйка дома, будущая новая княгиня.

– Да вы пожалуйста в кабинет-с, записочку оставьте его сиятельству! – предложил он.

– А... в кабинет? Хорошо!..

Лика быстро сбросила пальто на руки лакея и, предшествуемая им, направилась по длинной анфиладе комнат.

Вот эта громадная, мрачная комната с бюстами философов, картинами и коврами, вся заставленная громоздкой, тяжелой мебелью, о которой князь так часто говорил ей. Здесь он проводит часы, думая о ней. Здесь читает свои любимые книги, здесь работает, составляя проекты новых благотворительных дел.

– Дайте мне бумагу, – сказала Лика лакею, – я напишу

князю.

– Слушаюсь! – произнес он, почтительно глядя на молодую девушку, про которую уже слышал много хорошего и которая сразу расположила его в свою пользу открытым, добрым, честным лицом. Лика присела к письменному столу и написала на блокноте три коротенькие строчки на всякий случай.

«Князь Всеволод! Танюша при смерти, сделайте соответствующие распоряжения насчет остальных детей, пожалуйста, так как у малышки, несомненно, заразная болезнь».

Потом, подумав немного, Лика прибавила внизу: «жду вас немедленно в питомнике», и, отложив перо, не покидая своего места, окинула глазами комнату. Как здесь было хорошо! Здесь она непременно будет читать вслух поочередно с князем, здесь же, в этой прекрасной большой комнате станет заниматься с маленькой Ханой как с родной сестренкой: учить ее и забавлять ежедневно. Жаль только, что при всей привязанности к князю и к его покойной жене, так сильно любя обоих, до сих пор не переменила веры и осталась все той же маленькой язычницей, проводя столько лет в европейской семье. И Лика невольно перенеслась мечтами о том недалеком будущем, когда она будет стараться убедить Хану принять христианство. Как бы это было хорошо!

– Здравствуй, – произнес неожиданно за ее плечами звонкий детский голосок. Молодая девушка вздрогнула и обер-

нулась.

Между двумя половинками темных бархатных портьер стояла яркая, пестрая, крошечная фигурка с устремленным на нее любопытным взором небольших черных блестящих глаз. Странная фигурка со своим ярким костюмом, в котором преобладали голубые, желтые и черные цвета, казалась сошедшей с какой-нибудь фарфоровой японской вазы.

– Вы Хана? – обратилась Лика ласково к маленькой незнакомке. – Здравствуйте, голубушка.

– Я – Хана! – получился утвердительный и очень серьезный ответ.

И лицо крошечки озарилось прелестной улыбкой.

– Таксан иеруси мусме! Таксан иеруси,¹⁸ – произнесла она, разглядывая лицо, волосы и фигуру Лики, – кра-са-ви-ца, – с трудом выговорив по-русски трудно произносимое слово. – Хана слышала, что русская мусме похожа на ангелов, которым молятся европейцы, и волосы у русской мусме сияют, как солнце! Но такой не видала! Про такую не думала! Вот какая мусме! – закончила она с восторгом, и затем добавила, задумчиво помолчав мгновенье.

– Рара Гари говорил Хане про тебя, мусме! Не раз говорил отец Хане... Ты знаешь его?... Русский князь, что взял Хану с ее родины, где целые поля лотосов, и целые сады хризантем, где небо синее-синее и где есть много хорошеньких маленьких мусме.

---

¹⁸ Очень хорошая девушка.

И Хана уехала оттуда, от синего океана, от родной Фузи-Ямы, от всех людей своего племени уехала Хана, как только умерла добрая мама Гари. Долго ехала по морю Хана. Увезли Хану от ее подруг из Токио в страну белых дикарей, где такой холодный снег, где надо день и ночь топить хиббачи, чтобы не превратиться в ледяную сосульку и где такие большие белые люди...

– Милая Ханочка, – произнесла Ли́ка, притягивая к себе девочку, в восторге впивавшуюся взором в ее золотистые волосы и чудесные добрые глаза.

– Так ты скучаешь здесь, в России, бедная маленькая Хана?

– Да, Хана скучает и очень... Очень скучает! – воскликнула маленькая дикарка с такой неподдельной искренностью, что сердце Ли́ки дрогнуло от жалости к ней.

– Отец обещает Хане привезти к ней большую красивую подругу, эта подруга такая же, как ты, светлая, златокудрая. Она будет рассказывать Хане о бедных маленьких детях, будет петь чудные песни и будет играть с Ханой, читать ей прекрасные книги о ее далекой Дай-Нипон и тихом океане, и синем небе над ним. И Хана будет любить златокудрую добрую фею и благодарить утром и перед ночью ложась спать Великого Духа и шесть главных божеств за то, что они, светлые, прислали ей, Хане, чудесную подругу! – восторженно закончила маленькая дикарочка.

– Послушай, Хана! – серьезно глядя в лицо девочки, ти-

хо, но внушительно, проговорила Лику. – Когда ты молишься твоим богам, малютка, в минуты грусти и тоски, и легче тебе становится после молитвы? Я хочу знать. Подумай хорошенько и ответь мне потом.

Хана задумалась на минуту, ее узкие восточные глазки сузились еще больше. Она долго стояла подле Лику с опущенной головой и теребила пальцами конец своего расширенного шелками пояса.

– Ах, – произнесла она печально, – Хану не утешает молитва. Не проясняется сердце после нее. Рара Гари говорит, оттого это, что Хана молится не тому, кому надо. Что Бог христиан внимателен и чуток к просьбам его детей, а что другие... – она не договорила.

– Твой отец говорит правду, малютка, – произнесла Лику, – наш Христос Единственный Господь мира. Он кроток и добр, милостив и светел, как никто. Стоит попросить усиленно у Него чего-либо и Он облегчит страдающему горе, и Он милосердный придет на помощь каждому нуждающемуся и вот унесет его страдания. Ты послушай только, как Он пришел на землю, как отдал Свою жизнь за грехи людей, как пошел на злейшие страдания, чтобы искупить вину всего грешного человечества. Неужели рара Гари не говорил тебе о Нем?

– О, много раз говорил, – произнесла малютка, – но ты, белая мусме, во сто крат лучше говоришь о Христе, нежели папа Гари. Но... но... Хана знает свое божество и не станет

тебя слушать, мусме!

У Ханы свои боги... Хана привыкла верить в них, в Великого Буду и в шесть главных божеств. И вера Ханы останется ее прежней верой, милая мусме. Ведь все равно ваш Христос, Бог христиан и русских, не полюбит Ханы, она слишком дурная для этого! – и заключила свою речь пытливым вопросом девочка.

– О, Он любит всех, моя крошка, и, конечно, тебя тоже, но почему ты считаешь себя дурною, Хана? – осведомилась заинтересованная Лика.

Японочка улыбнулась лукаво, потупилась со смущенной улыбкой и начала перечислять, отгибая свои крошечные пальчики.

– Хана злая... капризная... непослушная... Хана не слушается madame Веро... Не слушается и рара Гари... Хана дурная девочка. Рара Гари, уезжая нынче до утра, просил Хану учиться по французски с madame Веро – Хана не училась. Просил носить европейские платья, а Хана, лишь только уехал рара Гари, надела кимоно и оби и причесалась по-японски. Отец не любит, когда Хана ходит в своих японских костюмах; рара Гари говорит, что так Хана никогда не привыкнет к русским обычаям, а Хана...

– Разве отец твой уехал до завтра? – с трепетом проговорила Лика в то время, как страх за участь Танюши и остальных детей мучительно всколыхнул душу.

– Да, – ответила Хана, – рара Гари поехал в свою приго-

родную усадьбу, чтобы приготовить там помещение для детей приюта и перевезти их туда, так как одна малютка там заболела, и рара Гари боится, чтобы болезнь не перешла на других... Надо их отделить, поэтому так сказал и решил рара Гари перевезти их на время в дачу... Но это еще тайна, и там в доме, где живут дети, этого не знает никто, – с важным таинственным видом заключила малютка.

– Какой он предупредительный и добрый, однако! – мысленно подумала Лица. – И из страха огорчить и испугать меня скрыл болезнь моей любимицы Танюши. А я-то что думала, гадкая эгоистка! Я-то и думать забыла о детках моих! – И со стесненным сердцем, смущенная и опечаленная, она прикрыла лицо рукою.

– Что с тобой, мусме? Ты плачешь? – прозвенел снова детский мелодичный голосок у уха Лици, и в ту же минуту две маленькие ручонки обвились вокруг ее шеи.

– Милая златокудрая мусме, – залепетала девочка, – не надо плакать... Хана не любит, когда люди плачут!.. Хана хочет, чтобы все улыбались весело, чтобы всем было радостно. И ты должна радоваться около нас, милая мусме. Ты такая прекрасная, кроткая! У тебя глаза, как океан близь Токио, а волосы точно золотые хризантемы в Дай-Нипон! У наших мусме нет таких волос. Милая мусме, скажи Хане, ведь не ошиблась Хана, ведь это ты придешь сюда к нам и будешь милой подругой Ханы? Да? Ты так похожа на ту, что описывал Хане рара Гари? Ты и есть та чудесная златокудрая вол-

шебница, фея, скажи, мусме, да?

Лица с улыбкой смотрела на девочку, нежно глядя рукой ее черненькую головку.

– Детка моя, – проговорила она, – ты не ошиблась, я скоро поселюсь в вашем доме, буду играть и заниматься с тобой. Буду петь тебе мои песни, буду безотлучно с моей маленькой девочкой. Ведь ты будешь любить меня хоть немножко... хоть в половину того, как ты любишь покойную княгиню тата? Да?

Лица наклонилась к девочке, ласково заглядывая ей в глаза. Мгновенно худенькие ручки Ханы снова обвилась двумя тонкими змейками вокруг шеи молодой девушки. Град поцелуев посыпался на щеки, губы, глаза и волосы Лици.

– Мусме моя! Дорогая! Красоточка! Хана угадала сразу тебя! Как взглянула, так и угадала мусме, подружку золотоволосую, синеглазую! Чудная моя! Ах, как Хана будет тебя любить! Как будет слушаться тебя во всем!

И девочка глядела на свою будущую воспитательницу восторженными глазами.

Лица с не меньшей горячностью возвращала милой дикарке ее ласки.

Они сидели, крепко обнявшись, на широкой кожаной тахте в тишине кабинета и разговаривали о близком будущем. Как они славно заживут все втроем: Лица, князь-отец и Хана.

Прошло не менее часа, по крайней мере, пока Лица не поднялась и не объявила своей маленькой собеседнице, что

ей пора ехать, что ее ждет больная Танюша, за которой придется ухаживать всю ночь.

– Теперь я уеду, крошка, – проговорила она, обращаясь к Хане, уеду в приют к больной девочке, но скоро вернусь сюда и буду уже безотлучно с тобою. Скажи твоему отцу, когда он вернется, что Танюше стало хуже в его отсутствие и что Лика будет ждать его около кровати больной. Передашь все в точности, Хана?

– Передам, миленькая мусме.

– Пока, до свиданья, детка!

Лика наклонилась к дикарочке и крепко обняла и поцеловала ее.

Черные узкие глазки Ханы впились в лицо девушки преданным восторженным взглядом.

– Поди сюда, мусме! – прошептала Хана и с торжественным видом потянула Лику к противоположной стене комнаты. Там на большом в натуральный человеческий рост портрет была изображена прелестная молодая женщина с неизъяснимым выражением кротости на болезненном личик, с ангельской улыбкой на губах.

– Мама Кити, княгиня Гари, – прошептала чуть слышно маленькая японочка. – О, как Хана любила ее! Она была добрая, как Кван-Нан и очень баловала Хану. Она все просила Хану: – дочка моя, хочешь, я научу тебя молиться Иисусу христианскому... А Хана все не хотела. И тогда не покори-лась Хана, – дитя Дай-Нипон, страны восходящего солнца.

Хана боялась прогневить богов и не слушалась мама Кити! Потом Кити зарыли около посольской церкви в землю, положили тяжелую мраморную плиту над нею, насадили розы около, много роз. Как думаешь ты, миленькая мусме, не рассердился русский Бог на Хану за ее упорство и не унес к себе в наказание Кити, ее дорогую мама?

Глаза девочки пытливым взором уставились в лицо Лики.

– Нет, нет, успокойся Хана! – поспешила утешить ее молодая девушка. – Наш Бог добр и милосерден, Он не обижает сирот. Княгиня Кити была слишком неземная, чтобы долго оставаться на земле! – прибавила она, любуясь очаровательным образом покойной жены своего жениха.

– Ты похожа на нее! – неожиданно вскричала Хана. – О да, ангельская мусме, ты на нее похожа, как будто ты ей родная сестра... И как это раньше Хана не заметила этого! О, глупая, глупая маленькая Хана!

И она снова бросилась целовать лицо, руки и платье своей гостью.

XXII

– Князь не может быть сегодня, он приедет завтра. Я не застала его дома, – печально произнесла Лика, появляясь на пороге комнаты, где лежала больная Танюша. – Детей переведите пока в дальнюю горницу. Завтра князь увезет их всех за город, к себе на дачу.

– Хуже ей? – взволнованным голосом спросила она Коркину, наклоняясь над мечущейся в жару и стонущей Таней.

– Без вас был доктор, Лидия Валентиновна, сказал, что вряд ли доживет до утра наша бедняжка! У нее тяжелая, опасная болезнь, да и заразительная, вдобавок, – чуть слышно тихо произнесла Валерия Ивановна и назвала мудреное латинское слово, определявшее недуг Тани по отзыву врача.

– Господи! этого еще не доставало! – с отчаянием в голосе произнесла Лика и на минуту замерла, подавленная гнетущим впечатлением. Потом она как-то разом встрепенулась вся. Взор ее загорелся энергией. Голос прозвучал затаенной силой.

– Валерия Ивановна! Пойдите к детям и запечатайте двери на вашу половину. Изолируйте их хорошенько, запирайте кругом. Завтра мы переведем их с князем отсюда... Только бы уберечь их до утра. А теперь оставьте меня вдвоем с Танюшей. Пожалуйста. Я сама хочу ухаживать за нею!

– Но, Лидия Валентиновна, – попробовала было запротестовать

ствовать Коркина. – Не лучше ли, если я приглашу сиделку?

– Я одна останусь у Тани! – решительно заявила Ли́ка. – Только будьте добры предупредить моих домашних письмом, что я здесь!

Надзирательнице оставалось только подчиниться воле Ли́ки, молодой попечительницы, и она пошла исполнять поручение последней.

Тяжелая, мучительная ночь бесконечно потянулась для Ли́ки. Около одиннадцати часов еще раз заезжал доктор; он снова выстукивал, выслушивал и всячески мучил бедняжку Таню, и, в конце концов, заявил, что консилиум бесполезен и что вряд ли малютка дотянет до утра.

– А вам, барышня, я советовал бы убраться отсюда подобру, поздорову, – дружески сказал он Ли́ке, – болезнь заразительная, и я не ручаюсь ни за что... Может случиться большое несчастье, предупреждаю вас, мадемуазель!

– Я останусь все-таки здесь до утра! – упорно возразила молодая девушка.

– Но девочка очень плоха, повторяю, – снова пытался убедить Ли́ку доктор, – а болезнь заразительна... Вашу Таню вряд ли что может спасти... Одно еще средство остается нам. Если больная уснет хорошенько, пропотеет и наберется силы, тогда еще есть кое-какая надежда на спасение. Лекарства здесь не помогут ничем. Я пропишу только кое-что для поддержки сил и прошу сохранять покой у ее постели. И все же не могу скрыть от вас, что на выздоровление надежды ма-

ло, – закончил свою речь доктор, прощаясь с Ликой.

Молодая девушка осталась у постели больной. Точно добрый ангел повеял крылом над умирающей малюткой. Точно Лика хотела во что бы то ни стало вознаградить усиленными заботами и уходом свою маленькую любимицу за недавнюю небрежность к ней и к остальным детям питомника. И каждый раз, когда сознательно открывались голубые глазки Танюши, они встречали ответный взор больших, исполненных любви и сострадания глаз молодой девушки.

– Тетя Лика, ты? – с трудом произносили запекшиеся губки малютки.

– Я, мое сокровище! Я, моя крошечка! – отвечала Лика и, подавляя подступающие к горлу слезы, обнимала Танюшу, чувствуя под своими пальцами выступившие от худобы ребрышки бедного ребенка.

Девушка с ужасом думала о том, что, догляди она раньше, поинтересуйся прежде обо всех этих вверенных ее попечению крошечных существ, жизнь Танюши не погибла бы в самом ее начале.

Ребенок затих на некоторое время. Танюша не бредила и не металась больше, а только слабо трепетала в постельке, как подстреленная птичка, ее жалкое, худенькое тельце, ее губки, широко раскрытые, как у птенчика, жадно хватали воздух.

– Жарко! Пить! – шептала то и дело охрипшим голоском больная. – Тетя Лика, пить! Где ты, где ты?

– Я тут, моя радость! Малютка моя ненаглядная! Я тут! – и Лика поила Танюшу, с трудом пропуская воду сквозь судорожно сжатые зубы ребенка.

– Душно! Душно! – пролепетала снова через минуту Танюша тем же беззвучным, слабым голосом.

Тогда Лика быстро схватила ножницы со стола и в одну секунду обрезала пышные локоны девочки.

– Так лучше, не правда ли, мой ангел? – нежно наклонясь над больной, спросила она.

Та силилась ответить и не могла, силилась улыбнуться, но улыбка не вышла. Только слабая судорога скривила запекшиеся губки.

– Боже! Спаси ее! Сделай чудо, спаси ее, Господи! – в отчаянии простонала Лика. – Не накладывай вечного укора мне на душу за мой непростительный эгоизм, исцели ее! – падая перед кимоной, стоявшей в углу комнаты, лепетала она, судорожно сжимая руки. – Возьми мою жизнь, но сохрани Танюшу! Молю Тебя, Господи, о ее исцелении!

Горячая молитва так и лилась без удержу с губ молодой девушки.

Так никогда еще не молилась в своей жизни Лика. Слезы струились по ее лицу. Глаза с теплой верой и надеждой смотрели на образ.

– Господи! – произносила она в страстном порыве, – если выздоровеет Таня, я отрекусь от веселья, выездов и все свое время целиком буду посвящать нуждающимся в моей

помощи, а особенно детям... – шептала она, до боли сжимая руки, – только услышь меня, Господи!

Уже светало, когда Ли́ка обессиленная поднялась с колен.

– Танюша! – тихо позвала она, склоняясь над постелью девочки.

Ответа не было.

– Умерла! – вихрем пронеслось в мыслях Ли́ки и, вся холодная от ужаса, она склонилась ближе к лицу Тани.

Девочка лежала без движения и теперь казалась мертвой. Но детская грудка еще дышала неровно. Губки ловили воздух, как и вчера.

– Что это, однако?

Глаза Ли́ки впелись в лицо Тани... Что-то блеснуло на ней, точно росинки здесь и там. Крупные капли пота выступили незаметно по всему лицу девочки.

Танюша спала. Это был тот сон, придающий силы, о котором говорил доктор, что он один может облегчить тяжелое положение больной.

Танюша слабо застонала. Ли́ка быстро прильнула к ней.

– Танюша! – тихонько прошептала она, – тебе лучше, скажи?

Глаза Тани внезапно раскрылись во всю их величину и сияли теперь, как два огромные синие камня. Все личико светилось какой-то непонятной, точно неземной улыбкой.

– Да, мне лучше, – слабым шепотом проронила она. – Тетя Ли́ка, дай мне твою ручку! Мне лучше... я люблю тебя, тетя

Лица!..

Таня глубоко вздохнула продолжительным, как бы облегченным вздохом, вырвавшимся из самых недр ее детского существа, затем снова опустила голову на подушку. И вскоре заснула опять.

Когда под утро врач снова приехал взглянуть на больную, он был удивлен больше самой Лики той поразительной перемене, которая произошла с ее любимицей.

– Девочка спасена просто чудом! – произнес он радостно, – что вы сделали с ней?

Что сделала Лица? Увы, ничего! Она только молилась...

* * *

Когда князь приехал в приют и Валерия Ивановна пришла известить о его приезде Лику, молодая девушка едва нашла в себе силы выйти навстречу жениху. Сердце ее радостно билось в груди, лицо улыбалось, но полная слабость и головокружение совершенно валило с ног Лику.

– Но вы больны, дитя мое! – с испугом и тревогою при виде состояния Лики, вскричал князь.

– О, это пустяки... Танюша спасена, вот где радость! – проговорила та слабым, чуть слышным голосом и вдруг зашаталась и с бледным, как смерть, лицом упала на руки подоспевшего доктора...

XXIII

По занесенной снегом улице Петербурга под свист зимней метелицы, медленно трусил в своем невозмутимом равнодушии извозчик.

В санях сидела дама лет пятидесяти, некрасивое, но энергичное лицо ее с выражением явного неудовольствия, поминутно поворачивалось из стороны в сторону. Несколько короткая верхняя губа брезгливо подергивалась.

Но несмотря на кажущуюся суровость лица, дама производила очень выгодное, приятное впечатление. Начиная с умного взора, кончая сжатыми губами, все говорило о силе воли и непобедимой энергии в этом пожилом существе.

Сани въехали на Невский, затем на Морскую и затрусили еще медленнее, еще томительнее теперь.

«Господи, да что же это за ужас! – мысленно негодовала путница, – какие здесь извозчики, однако. И это столица, знаменитый Петров-город... прославленная Северная Пальмира».

– Да скоро ли! Скоро ли, наконец, – совсем уже теряя последнее спокойствие, обратилась она взволнованным голосом к вознице.

– Да почитай, что уже приехали. На Караванную нанимала, а здесь Караванная евона, – невозмутимо изрек возница.

– Что ж ты раньше не говорил! Фу, ты какой батюшка мой

странный! – ворчливо укоряла дама своего флегматичного возницу. – Мне нужен дом № 18. Скорее!

Извозчик подстегнул лошадь и подъехал к указанному дому.

С легкостью девочки приезжая дама выпрыгнула из саней, быстро расплатилась с извозчиком и еще быстрее вбежала в подъезд.

– Здесь живут Карские? – спросила она дрогнувшим голосом у открывающего ей дверь швейцара.

– Так точно-с. Только они нынче не принимают, сударыня. Не знаете вы, видать, что у них не все благополучно в доме! – произнес тот, смущенно глядя в лицо даме, – и чужих не велено принимать.

– А что такое?

Внезапная бледность покрыла лицо вновь прибывшей.

– Больны барышня у них очень. Сегодня вторая неделя пошла, как в беспамятстве они... барышня-то наша. Как привезли их тогда из приюта, значит, вторая неделя тому пошла. Обморок с ними приключился. А потом и пошло: кричат, бредят, не узнают никого, в полном беспамятстве, значит. Докторов лучших выписали, ничего не помогают, нет облегчения.

– Слушайте, – внезапно прервала речь словоохотливого швейцара вновь приезжая, – я – тетка, родная тетка и воспитательница Лидии Валентиновны, я – Зинаида Владимировна Горная, меня нельзя не впустить!

– Пожалуйте, барыня, пожалуйста, ваше превосходительство, – засуетился швейцар, – Лидия Валентиновна почитай, каждый день в бреду вас поминают, ихняя горничная Феша сказывала. Тетя Зина, – кричит, тетя Зина, иди ко мне! Да таким жалобным, жалобным голосом, что даже слезы всех прошибают.

– Бедная детка! – чуть слышно прошептали губы Горной, – бедная детка, – повторила она еще раз и с замирающим от волнения сердцем стала подниматься по лестнице.

Лишь только Зинаида Владимировна Горная получила письмо Лики, извещавшее ее о предложении князя, она тотчас же стала устраивать свои дела, чтобы ехать в Россию.

Ее до смерти потянуло к ее любимице Лике, в жизни которой готовилась произойти такая крупная перемена. И вот случилась беда! Бедная девушка при смерти, а она, тетя Зина, этого и не подозревала. С сильно бьющимся сердцем Горная прошла в огромную квартиру Карских, наскоро поздоровалась с обезумевшей от горя Марией Александровной и, узнав от нее, что Лика заразилась тяжелой формой тифа от Тани, тотчас последовала к дорогой больной. Увидя разметавшуюся по постели Лику, тетя Зина тихо вскрикнула от жалости и страха за свою любимицу.

Все нежное личико Лики было покрыто багровыми пятнами, теми самыми пятнами, которые так испугали ее самое на детском тельце Танюши. Рот ссохся до неузнаваемости, почернел и жадно глотал воздух. Огромные, ярко горевшие

горячечным блеском глаза, были широко раскрыты в их потемневших орбитах, и смотрели на тетку безумным, ничего непонимающим взглядом.

А губы чуть слышно произносили непонятные, странные слова:

– Танюша! – лепетала в бреду Лика. – Куколка бедная... Цветочек лотоса и хризантемы... Хризантемы!.. О, сколько их! Целый лес... Целое поле... Хризантемы – царственный цветок Японии... Хана... Хана... Держите ее... Она идет в храм Будды... Зачем! Зачем! Она должна быть христианкой! Хана, моя девочка, останься, побудь со мною... О, как кричит кто-то! Как больно ушам от этого голоса! Пусть уйдут! Пусть уйдут! Прогоните их. Куда мы едем? Куда? Какие у тебя глаза, Танюша! Точно звезды!.. Я люблю твои глаза. Смотри, кто это там в гробу? Хана? Хризантемы, или Танюша! Танюша! Бедная! Не хочу! Не хочу! Где тетя Зина! Позовите тетю Зину! Сюда! Сюда! Скорее!

И она снова заметалась в мучительном, нечеловеческом по своей силе, томлении и забилась головой о подушки.

– Лика, моя деточка, моя дорогая! – склоняясь над дорогой больной, произнесла тетя Зина.

И, никогда, во всю жизнь не проронившая ни единой слезы, эта энергичная женщина заплакала, как ребенок, горячими, жалобными слезами...

День и ночь тетя Зина не отходить от постели больной. Никого не подпуская к ней, кроме доктора, жениха и матери. Кровать Лики поставили в светлую, большую комнату, предварительно вымытую и дезинфицированную сулемой. Лучший доктор столицы приезжает к ней ежедневно, тщательно осматривает и выслушивает больную и то и дело меняет лекарство каждый день.

Зинаида Владимировна, как верный страж, день и ночь прикована к большому креслу у Ликиной кровати, где дежурила с не меньшим самоотвержением до сих пор, теперь из сил выбившаяся Мария Александровна. С мучительным ожиданием вглядывается тетя в исхудалое до неузнаваемости лицо своей любимицы, всеми силами стараясь облегчить невыносимые страдания молодой девушки, вслушиваясь в ее бессвязный лепет.

Четырнадцатый день борется между жизнью и смертью Лика. И только на четырнадцатый день, неожиданно для всех окружающих, приходит в себя. Болезнь приняла лучший оборот, лечение и тщательный уход восторжествовали над смертью, и ей стало лучше.

– Небывалый случай! – произнес знаменитый доктор, изумленно поднимая брови. – Небывалый случай, – повторил он еще раз. – Тяжелая форма... – он произнес мудре-

ное латинское слово, – в соединении с нервным волнением. – Поздравляю вас, сударыня, у вашей племянницы железный организм, – обратился он к тете Зине, – и к вечеру больная окончательно придет в себя. Позаботьтесь только, чтобы ничто не взволновало ее... Никакая случайность, так как организм субъекта еще очень хрупок.

– Детка моя, отходили тебя, родная моя! – полным трепета и волнения голосом говорила тетя Горная по уходе врача, склоняясь над головой Лики. – Спаси тебя Господь, бедная, милая детка! – и она перекрестила затихшую теперь в легком забытии племянницу.

– Мери, голубушка! – минутой позднее обратилась тетя Зина к Марии Александровне, тоже не отходившей ни на шаг от постели дочери. – Я не могу ей показаться сразу, а она не сегодня, завтра все понимать будет. Подготовьте осторожно к моему приезду мою милую деточку...

И Мария Александровна приняла на себя эту нелегкую задачу.

Прошла еще неделя. Лика уже сознавала все окружающее, слабо улыбалась матери и ела из ее рук и кашку и бульон.

– Наделала же я вам хлопот, мамочка, – тихо говорила она своим измученным, слабым голоском.

– Золотая моя! Живи только, поправляйся и ни о чем не думай, – отвечала та, с беззаветной любовью глядя в исхудалое личико больной.

– А известий нет из приюта, милая мамочка? – осведоми-

лась минутой позднее Лика.

– Как же, как же! – поспешила ответить Мария Александровна. – Князь каждый день приезжает, говорит, что детишки чувствуют себя великолепно на даче. И твоя Таня поправилась вполне.

Лика счастливо улыбнулась.

– И еще есть для тебя и другая приятная новость, – снова заговорила Мария Александровна. – Тетя Зина едет сюда к нам... – с легкой нерешительностью заключила она.

– Что?

Сильно-сильно забилося сердце молодой девушки, грудь ходуном заходила под тонкой тканью сорочки от охватившего ее волнения.

– Когда? Когда она приедет, тетя моя? – задыхаясь от радости, пролепетала больная.

– Да теперь уж скоро, Ликушка, телеграмма была, – фантазировала Мария Александровна, с тревогой следя за мельчайшими изменениями на этом худеньком личике и все еще не решаясь сказать правду, трепеща за свою слабую дочурку.

– Скоро будет теперь, говорите вы? А как скоро? Сегодня? Или, может быть, мамочка... да говорите же, не мучьте, милая! – едва слышно прошептала Лика.

– Ликушка, золотая, не тревожься детка моя! – совсем растерявшись и глядя по головке как ребенка молодую девушку, успокоила дочь Карская.

– Лика моя! – послышалось в ту же минуту с порога ком-

наты и заплаканная Зинаида Владимировна в одно мгновение была уже подле постели больной.

– Тетечка! – могла только вскрикнуть Лика, замерла от счастья у нее на груди.

XXIV

Месяца два спустя, совсем уже выздоровевшая, Лика венчалась с князем Всеволодом Гариным.

Богатырь Сила Романович и Толя были шаферами у невесты.

Лика убедила мать не делать роскошной свадьбы. Она упросила князя ассигнованные на свадебные торжества деньги пожертвовать на питомник.

Приглашенных было немного: семья Карских, тетя Зина, Рен с мужем, баронесса Циммерванд, Сила с сестрою и больше никого. Таково было желание жениха и невесты. Тотчас после венчания решено было поехать в Нескучное, которое князь купил у Марии Александровны, и где они с Ликой решили устроить богадельню и больницу для бедняков. Тетя Зина и Хана должны были сопутствовать им туда.

– Да, да, в Нескучное... и не на лето только, а навсегда, как в детстве! мечтала я жить среди бедняков, – мысленно говорила себе Лика. – Вот где смысл жизни ее, где ее заветные идеалы! Вот оно ее счастье, неизменное счастье! Благо, тетю Зину удалось уговорить Лике остаться теперь вместе с ними навсегда в России. – Добрая, милая тетя, она только и мечтает видеть довольной и счастливой свою Лику. И как чудесно сделал князь, купив Нескучное. Сколько им всем предстоит теперь там дела и труда! Любимого труда!

Когда кончился свадебный обряд и новобрачные прошли на амвон слушать напутственный молебен, Лика взглянула на мужа... Да, именно он, а никто иной не мог бы так подойти душою к ее, Ликиной, душе. И как она благодарна за это! Пока она болела, пока лежала при смерти, он целыми днями и ночами простаивал у ее дверей, полный ужаса и скорби за нее. И каким счастьем сияло его лицо, когда она стала поправляться! Он так неисчерпаемо добр и предупредителен к ней, Лике, к ее малейшим желаниям!

Да, да, такого именно спутника жизни надо было ей, душевного, отзывчивого к нуждам других, чуткого и доброго, доброго без конца. Как они будут работать все вместе! Они оба – тетя Зина, Хана... Да, да, и маленькую Хану тоже, они приучат к работе. Она тоже должна идти по стопам старших, окружающих ее, друзей.

Лика живо воспроизвела в своем воображении трогательный образ маленькой японочки. Сегодня ее не было в церкви... Почему?

Несколько дней тому назад девочка приехала к Лике в сопровождении *madame Веро*.

До глубины души растрогало их недолгое свидание Лику. Едва увидя выздоровевшую, поправившуюся от болезни Лику, Хана бросилась к ее ногам и залепетала в иступленном восторге, покрывая поцелуями лицо, руки и платье молодой девушки.

– О, миленькая, бедненькая мусме! Хана счастлива снова,

когда видит тебя живую! Хана дрожала... Хана боялась, что бедненькую мусме заруют, как покойную тата-княгиню в могилу. А Хана так любит мусме! Так любит, Хана слышала от мусме, что Христос христиан и русских милосерднее Великого Будды и шести главных божеств. Милосерднее самой Кван-Нан и всех в мире. И вот Хана решилась: если мусме поправится, сделать такое большое, большое дело.

Тут Хана таинственно замолкла, приложив пальчик к губам. Об этой таинственности думала Лика, едучи в карете из церкви в дом мужа.

В роскошной квартире князя Гарина уже собрались все немногие приглашенные на свадьбу, когда сияя своей скромной красотой и белизной своего свадебного наряда, Лика об руку с мужем переступила порог его гостиной.

И вмиг что-то стремительное и бурное бросилось к ней на шею.

– Беленькая мусме! – Задохнувшись от прилива восторга, кричала Хана, покрывая поцелуями шею новобрачной. – Беленькая мусме! Дождалась тебя, наконец, дождалась.

– Хана, милая Хана! – ласкала девочку Лика.

– Послушай, мусме Лика, Хане надо открыть своему другу большую, большую тайну! – Торжественно произнесла последняя, увлекая новобрачную в кабинет названного отца.

– Слушай, миленькая мусме, что скажет тебе Хана, твоя верная собачка, – заговорила она новым серьезным голосом, какого еще не слышал у нее никто, и, усаживая Лику на тах-

ту, сама устроилась, как котенок, подле ее плеча. – Когда была больна маленькая девочка из приюта, что ты обещалась Богу? – задала она тем же серьезным тоном вопрос, пытливо глядя в лицо нового друга.

– Я дала слово, Хана, – в тон японочке не менее серьезно ответила Лика, – дала слово бросить отныне всякие удовольствия и отдать себя всю на служение людям, моим ближним, всю без остатка.

– Рара Гари говорил мне это и ставил тебя мне в пример; – подхватила все тем же серьезным тоном японочка, – и когда в свою очередь заболела моя миленькая мусме, Хана чуть не помешалась от страха и горя... И тогда же вспомнив твое обещание, решила тоже пообещать, как ты, лишь бы не умерла миленькая мусме!

– Что же ты обещала, Хана, дитя мое? – живо заинтересованная речью девочки, спросила Лика.

– О, беленькая мусме! Вот что пообещала Хана. Помнишь, ты говорила Хане о милосердии вашего христианского Бога. О Христе рассказывала ты ей, о Том милосердном Христе, Который исполняет все, что просят у Него люди. И вот, что сказала Христу маленькая Хана... – Сделай так, чтобы выздоровела мусме Лика, чтобы не умерла мусме и тогда возьми Хану Милосердый Христос в число твоих христианских детей. Вот что пообещала тогда Хана.

– О! – вырвалось радостным возгласом из груди Лики и она прижала девочку к своему усиленно забившемуся серд-

цу.

– Да, теперь Хана будет христианкой! Мусме Лика жива. Хана счастлива и должна отплатить за это счастье христианскому Богу! – серьезным и проникновенным тоном говорила девочка. – Рара Гари приводит теперь каждый день русского священника к Хане, и он учит ее молитвам, символу веры и десяти заповедям христиан. Сейчас еще Хана не может войти в христианскую церковь, но после, потом, там, в деревне ее окрестят. Дядя Сила и тетя Бэтси будут слушать обеты Ханы быть верной христианкой Милосердному Христу. Так сказал рара Гари и Хана исполнит все, что ей велят! – с неизъяснимой трогательной покорностью закончила свою речь дьвочка.

Лика снова заключила девочку в свои объятия.

Пришедший за ними князь Всеволод застал эту трогательную картину.

– О, Лика! добрый ангел, вошедший в мой дом! Чем отблагодарить вас за дарованное мне счастье, – дрожащим голосом произнес князь, целуя руки молодой жены.

И все трое они вышли к гостям.

За ужином Анатолий весело шутил и дурачился с Бэтси и Ханой, говоря, что в «Нескучном очень скучно», и что вместо лошадей там ездят зимою на волках, а летом, наоборот, волки ездят на людях.

Обе они: и девушка, и девочка заразительно смеялись шуткам молоденького пажа.

В это же время на другом конце стола Сила Романович, у которого было свое имение близь Нескучного, предложил князю и Лике совместно построить еще один питомник, убежище для призрения бедных деревенских сирот и дом для бобылок, одиноких нищих старух.

Лика внимательно вслушивалась в каждое слово молодого заводчика, сочувствуя и изредка вскидывая глаза на сидевшую против нее тетю Зину.

– Видишь, тетя, сколько добрых людей на свете, – казалось, говорили без слов эти сияющие взоры молодой женщины, – и как приятно, как хорошо, как дивно хорошо иметь кругом таких добрых, таких отзывчивых людей!

И радостно сияющий взор Лики уже видел где-то далеко, далеко отсюда еще так недавно, бедные деревенские избышки, теперь превратившиеся как в сказке в хорошие, крепкие деревянные дома... Огромные здания, прекрасной больницы, богадельни, убежища для бедных старух и детей, и светлый фасад новой деревенской школы, который мерещился ей уже давным-давно...

И радостно торжествовала красивая душа Лики...